

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

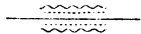
10

О Б Ъ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

РУССКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ

ПЪСЕНЪ.

Н. Аристова.

Nikolai Nikol^{ev}ich Aristov

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ

1875.

М В С

406493

GR120
.A7

Дозволено Цензурой. Москва, 17 Мая 1875 г.

Учен. зап. кн.-б. Моск. ун-та
Историч. архив

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

- I. Древнія извѣстія о разбояхъ на Руси. Разбой област-
ные. Разбой на Балтійскомъ поморьѣ. Разбой во вре-
мена татарщины. Сбойчатые люди и ушкуйники. Нов-
городскій герой Василій Буслаевъ. Борьба Москвы съ
областными разбойниками. Илья Муромецъ и станиц-
ники. Появленіе казаковъ въ XV стол. . . . . 1—11.
- Казаки при Іоаннѣ IV. Ермакъ съ дружиной. Пѣс-
ни о взятіи Сибири. Смерть Ермака Пѣсня о правле-
жѣ казны. Казачество—источникъ разбоевъ. Атаманъ
Хлопка при Годуновѣ. Самозванцы и поппъ Емели. . 11—26.
- Разбой въ царствованіе ѡхмала Ѳедоровича. Ата-
манъ—Усы. Взятіе Астрахани Одоевскимъ. Убиеніе по-
сла Семена Карамышева. Пѣсни о князѣ Репнинѣ.
Атаманъ Гришка Мурышка. Состояніе народной жиз-
ни въ XVII стол. Образъ Горя-Злосчастія. Значеніе
казацкихъ волнонй. . . . . 26—38.
- II. Разбой въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Уси-
леніе крѣпостничества. Появленіе Стеньки Разина.
Донскіе казаки. Разинъ на Волгѣ и на Каспійскомъ
морѣ. Зимовка его ватаги на морѣ. Возвращеніе на
Донъ. Повтореніе разбоевъ на Волгѣ. Взятіе Астра-
хани. Неудача атамана подъ Симбирскомъ. Чародѣй-
ство Разина. Казнь его въ 1671 г. . . . . 38—51.
- Дѣтушки Разина и мелкіе атаманы разбойниковъ.
Донскіе казаки при Петрѣ Великомъ. Флоръ Милаевъ.
Казни стрѣлцкія. Бунтъ Булавина. Расправа Долго-
рукаго съ донскими казаками. Бѣгство Некрасова въ
Турцію. Разореніе Запорожской Сѣчи. Бунтъ астра-
ханскій. Сыщики воровъ и разбойниковъ. Тяжесть
царской службы при Петрѣ Великомъ. Разбойники
изъ рекрутъ и драгунъ . . . . . 51—68
- Упадокъ народной поэзіи въ XVIII стол. Сослов-
ныя и книжныя пѣсни. Иванъ Осиповъ или Ванька
Камнъ. Его оригинальная женитьба. Пѣсни о его по-
хожденіяхъ. Камнъ—полицейскій сыщикъ. Казнь Васъ-
ки Ремезова Танька Растопкинская—атаманъ разбой-
никовъ и пѣсни о вей . . . . . 68—81.
- Яцкіе казаки Емельянъ Пугачовъ. Взятіе ихъ г.
Янка. Пѣсни о похожденіяхъ Пугачова. Пѣсни о За-
харѣ Чернышовѣ. Пугачевъ схваченъ. Казнь его
1775 г. Разореніе Запорожья. Воръ Гаврюшка. Из-
мельчаніе разбойничьихъ атамановъ и ихъ шаекъ . . 81—91

Гамъ

- III. Разбойничьи пѣсни общія, типическія. Безымянные удалцы. Историческія бытовыя черты пѣсни. Поэтическая достоинства ея . . . . . 92—95.
- Мѣста дѣйствій разбойниковъ. Украинскія степи. Муравскій шляхъ. Воронежъ. Степи саратовскія. Донъ и Азовское море. Волга и ея притоки: Сура, Камышенка и проч. Жегулевскія горы. Бузань. Хвалынское море и острова на немъ. Балтійское Поморье. . 95—106.
- Причины возрастанія разбоевъ. Побужденія къ побѣгамъ. Тягости народной жизни. Участіе въ разбояхъ лицъ разныхъ классовъ общества. Бояре и духовные. Семейныя и домашнія невзгоды. Солдатчина. Брѣвостное право. Бурлачество. Бѣдность. Безшабашная жизнь . . . . . 106—123.
- Какимъ лицъ преслѣдовали разбойники. Помѣшники, воеводы и губернаторы. Управляющіе помѣстьями и бурмистры. Приказные судьи. Сборщики податей. Зажиточные скупые крестьяне. Торговцы и купцы. . . 123—126.
- Обстановка жизни разбойниковъ. Крайности и тревоженія ихъ быта. Жилье и пища. Кровати и постели. Столы и скамьи. Оружіе. Игры. Платье и наряды. Вѣзда сухопутная. Лодки и корабли. Кабавъ и пьянство. . . . . 127—135.
- Внутренній складъ шайки разбойничьихъ. Артельное начало. Выборы атамана. Дѣлежъ добычи или *дуванъ*. Распоряженія атамана. Разбойники прикидываются купцами . . . . . 135—138.
- Свойства и характеръ. Отвага. Чародѣйство и заговоры. Виѣшняя религіозность. Женщины въ разбойничьихъ шайкахъ. Ихъ роль и значеніе. Жестокости разбойниковъ. Освобожденіе взявъ остроговъ осужденныхъ закономъ. Злоба противъ начальниковъ. . . 139—149.
- Послѣдняя судьба разбойниковъ. Черныя думы и зловѣщіе сны. Самосудная расправа народа съ ворами. Преслѣдованія разбойниковъ правительствомъ и ихъ неудачи. Погоня за ними и смертельныя раны. Взятіе подъ стражу. Пѣсни острожныя. Тюремное житье разбойниковъ. Воспоминанія о волѣ. Надежда на свободу. Подкупы властей. Наказанія и казни. Ссылка въ Сибирь и побѣги. Смерть разбойника и завѣщаніе. Завлюченіе. . . . . 149—165.

ОВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ РУССКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ ПЪСЕНЪ.

I.

Извѣстія о разбояхъ на Руси идутъ изъ самой глубокой древности: еще св. Владиміру совѣтывали епископы казнить умножившихся разбойниковъ, какъ полагаютъ, закоренѣлыхъ и непослушныхъ язычниковъ. Много разсѣяно свѣдѣній о разбояхъ въ жизнеописаніяхъ русскихъ подвижниковъ, напр. Θεодосія Печерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Павла Комельскаго, Михаила Саллоса. Противъ разбоевъ и грабежей вооружались нерѣдко пастыри церкви въ своихъ поученіяхъ. Причиною этихъ явленій съ одной стороны служили духъ средневѣковой отъвиги и неудержимая удаля: таковы разбойничьи похождения новгородскихъ удалцовъ на Балтійскомъ поморьѣ; такого же характера выходки русскихъ князей, которые нерѣдко ѣздили на Черное море грабить купеческія суда или нападали на торговые города. Съ другой стороны, черныхъ людей заставляли грабить и разбивать ближняго бѣдственное положеніе, необходимость добыванія пищи и одежды, послѣ войнъ и разоренія отъ пожаровъ, во время голода и другихъ несчастій. Какъ видно, и встарину отличались воровствомъ и разбоемъ также холмы: одинъ изъ древнихъ прощѣдниковъ убѣждаетъ

бояръ держать челядь свою въ довольствѣ и говорить: «Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего или робу убьютъ у татьбы, то за кровь его тобѣ отвѣщати».

Но встарину разбой не похожи были на смѣлыя похождения, какими отличались народныя движенія въ болѣе позднее время. Тогда разбой проявлялись или въ видѣ мелкаго воровства и грабежа, или не имѣли характера противо-государственнаго, такъ какъ не организовалось еще и само государство. При раздробленности древней Руси, разбойничьи набѣги на другія области и особенно на басурманскія прикрывались законнымъ и похвальнымъ геройствомъ, униженіемъ враговъ своей области. Въ то время и самое веденіе войнъ не отличалось отъ разбойничьихъ походовъ: неприятель опустошалъ поля въ чужой области, жегъ города и села, тащилъ все цѣнное и забиралъ въ плѣнъ жителей. Даже такой челоуѣколюбивый князь, какъ Владиміръ Мономахъ, и тотъ сознается о взятіи Минска: «изъѣхавъ городъ и не оставивъ у него ни челядина, ни скотины». Что же касается новгородскихъ опустошеній и грабежей, то они, съ точки зрѣнія старины, являлись дѣломъ необходимымъ, подвигомъ высокой отваги, направленнымъ противъ враговъ самобытной родины.

Всѣ эти историческія явленія однако почти не наша отголоска и не отразились въ народной поэзіи, если не считать идущимъ сюда наказъ Амелфы Тимошеевны своему буйному сыну:

Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое,
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля.

Только довольно опредѣленнымъ намекомъ на морскіе разбой Новгородцевъ служить слѣдующая пѣсня:

Какъ во славномъ было Великомъ Новгородѣ,
Тамъ жила-была матера вдова,

Въ матерой во вдовушкѣ было девять сыновъ,
А десятая то дочь горькая.
Девять сыновъ ее гулять ушли,
А по-просту — подъ разбой пошли.
Безъ нихъ матеръ дочь за мужъ отдала,
За мужъ за море, за морянина...

Черезъ три года молодая стосковалася по роднѣ и по матери; поѣхали они на трехъ корабляхъ по морю — побывать въ Новгородъ; на третій день плаванія напали на нихъ братья разбойники: самого морянина зарѣзали, сына его въ воду бросили, а молодушку съ собой взяли. Начали ее спрашивать, кто она и какого роду-племени. Отвѣчала имъ молодушка:

А я роду, я роду посадскаго,
А отечество мое — Великій Новгородъ.

Тутъ только разбойники узнали свою сестру. Эта пѣсня по началу своему относится къ глубокой древности; матерая вдовушка напоминаетъ Амелю Тимоеевну, а нечаянное столкновение разбойниковъ съ сестрой похоже на пѣсенное изображеніе Татарскаго полона, когда случайность ставила кровныхъ родственниковъ въ самыя трагическія положенія *).

Черты народной фантазіи былинь о встрѣчѣ древнихъ богатырей съ разбойниками, безъ сомнѣнія, внесены въ позднее время, когда появились въ Россіи большія шайки воровскія. По нѣкоторымъ вариантамъ былинь, даже такой степенный и добродушный богатырь, каковъ Добрыня Никитичъ, точно бояринъ XVII в., три года приторговывалъ, а три года приворовывалъ, т. е. разбойничалъ.

Разбой стали усиливаться въ Московскомъ государствѣ послѣ Татарскаго нашествія, и въ XIV стол. приняли довольно широкіе размѣры. Становится замѣтнымъ, что вольные люди тяготеютъ къ украинамъ Руси, имѣютъ притоны въ лѣсахъ около Оки и Воронежа и

*) Воронеж. Бесѣда. 1861 г. 1. 386—8. Пѣсни Рыбникова III, 340; IV, 99.

разгуливаютъ по Волгѣ, хотя мелькаютъ и внутри областей. Когда побѣхалъ митрополитъ Пименъ изъ Рязани къ Дону, князь Олегъ Ивановичъ снарядилъ съ нимъ боярина своего Станислава *съ довольною дружиною* и велѣлъ проводить до Дону «съ великимъ опасеніемъ, разбоя дѣля». При самостоятельномъ развитіи областной жизни, свободѣ переселенія и перехода, въ народѣ держался смѣлый духъ предприимчивости, исканія приключеній и выгоды. Такая независимая жизнь породила *сбойчатыхъ* людей въ Новгородѣ, которые собирались толпами и отбивали себѣ земли у инородцевъ, а иногда и у другихъ областей русскихъ. Эта вольница вѣчевой жизни вспоила и вскормила особый типъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *ушкуйниковъ*, которые не хотѣли знать правъ общественнаго союза областей и отпавлялись цѣлыми шайками для грабежа въ разныя стороны. Сперва ушкуйники имѣли цѣлью поживиться насчетъ поганыхъ Нѣмцевъ, развѣзжавшихъ по Балтійскому морю, или торговцевъ—нехристей по Волгѣ; но потомъ, когда Московскій князь началъ стѣснять вольныхъ Новгородцевъ, защищать торговые интересы Москвы и даже басурманъ, то охочіе люди бросились на русскіе города, стали грабить московскихъ купцовъ и сторонниковъ великаго князя. Въ XIV в. ушкуйники воевали Устюжну и Бѣлозерскую волость, опустошили Пермь и проникли до рѣки Оби и до Ледовитаго океана, не разъ брали приступомъ Кострому, Нижній Новгородъ и Ярославль, доставалось отъ нихъ Вяткѣ и Арской землѣ; они грабили города болгарскіе и подступали къ Сараю, прогуливаясь по Камѣ и Волгѣ вплоть до Астрахани. Ушкуйники составляли большія шайки, въ родѣ военныхъ отрядовъ, и выбирали иногда предводителей изъ лицъ вліятельныхъ и бояръ. Они держались правила, что басурманъ слѣдуетъ убивать, а христіанъ только грабить, но иногда съ своими братьями поступали хуже, чѣмъ съ иновѣрцами. При взятіи русскихъ городовъ, они забирали все цѣнное, а остальное истребляли, жгли церкви и мучили жителей, а какіе по-

здоровье, тѣхъ уводили въ плѣнъ и продавали Булгарамъ. Самый страшный набѣгъ ушкуйниковъ на Кострому былъ въ 1375 году.

Преданіе о новгородскихъ ушкуйникахъ сохранилось въ былинѣ о Василии Буслаевѣ; когда этотъ удалецъ поѣхалъ въ Ерусалимъ, онъ встрѣтилъ на пути знакомыхъ торговцевъ. Эти гости—корабельщики спрашиваютъ:

Здравствуй Василій Буслаевичъ!

Куда изволилъ молодецъ погулять?

Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:

«А мое-то вѣдь гулянье неохотное:

Съ молоду бито много, граблено,

Подъ старость надо душу спасти».

За тѣмъ купцы предупредили Василія, что на дорогѣ самой удобной онъ встрѣтитъ разбойниковъ. Отважный малый, какъ обыкновенно древніе сказочные богатыри, выбираетъ ту самую ближайшую дорогу, которая исполнена опасностей.

На славномъ морѣ Каспійскимъ,

На томъ острову Куминскимъ

Стоитъ застава крѣпкая,

Стоять *атаманы козачіе*,

Ни много, ни мало—три тысячи:

Грабятъ бусы, галеры,

Разбиваютъ червлены корабли.

Хотя разбойники здѣсь и носятъ названіе атамановъ казачіихъ, но по ихъ отношеніямъ къ Буслаеву, можно основательно опредѣлить, что эти молодцы новгородскаго происхожденія. Они уже знакомы со славой своего земляка—героя и какъ только завидѣли полетку соколиную и поступку молодецкую Буслаева, вздвигались, что не видали такого молодца цѣлыхъ 30 лѣтъ, какъ стоятъ на острову,—и мѣтко опредѣлили: «Знать-де идетъ Василій Буслаевичъ!» Василій поклонился имъ, какъ людямъ одного ремесла; по приглашенію разбойниковъ, онъ сѣлъ съ ними за одинъ столъ хлѣба-соли кушать; за тѣмъ дали ему подарки, изъ чиста серебра, красна золота и скатнаго жемчугу. Буслаевъ поклонилъ-

ся имъ опять, поблагодарилъ за ласковый пріемъ и вы-
просилъ у нихъ молодца провожатаго до Ерусалима. На
обратномъ пути онъ подалъ письмо въ руки атамановъ,

Что много трудовъ за нихъ положилъ:

Служилъ обѣдни съ молебнами

Про удалыхъ добрыхъ молодецвъ,

Что съ молоду бито много, граблено.

Ясно, что Буслаевъ, хотя держитъ себя степенно и
много не баетъ съ разбойниками, въ виду богомольной
цѣли своего путешествія, но онъ сочувствуетъ ремеслу
ихъ, и если бы не желаніе замолить старыя грѣхи на-
доскучившей буйной молодости, онъ пожалуй не прочь
бы стать ихъ атаманомъ. Онъ относится къ нимъ какъ
набольшій, но въ тоже время раздѣляетъ съ ними тра-
пезу, беретъ подарки и молится въ Ерусалимѣ за гра-
бителей. Все это не мудро въ такомъ вольномъ балов-
нѣ, у котораго тоже съ молоду много бито и граблено.
Когда отецъ его Буслай былъ живъ, въ Новгородѣ не
разошлись классы общества такъ далеко, какъ при его
сынѣ,— бояре съ мужиками жили еще дружно, къ силѣ
и могуществу тѣхъ и другихъ.

Во славномъ Великомъ Новгородѣ

А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ,

Съ Повымъ-городомъ жилъ не перечился,

Со мужики новгородскими

Поперегъ словечка не говаривалъ...

Послѣ его вѣку долгаго,

Оставалося его житье-бытье

И все имѣніе дворянское...

Слѣдовательно, составъ былины о Василии Буслаевѣ
относится уже ко времени разгара борьбы между боя-
рами и мужиками, или большими и мизинными людьми
Новгорода, какъ видно изъ отношеній героя къ низшему
классу народа. Дѣйствительно, это время особенно бо-
гато похождениями ушкуйниковъ, которыхъ и нельзя от-
мѣчать въ собственномъ смыслѣ клеймомъ разбойниковъ.
Ихъ ремесломъ было продолженіе областной борьбы со
всей ея грубой безправной удалью; ихъ набѣги служатъ

образцомъ военныхъ дѣйствій противъ ненавистныхъ областей; Буслаевъ считалъ ихъ занятія болѣе серьезными дѣяніями, чѣмъ шалости молодыхъ людей.—Однако московское правительство, которое стало распространять свое сильное вліяніе на другія области, усвоило другое воззрѣніе на подобныя шалости. Оно и нападенія на Татаръ стало считать за разбойничьи выходы, какъ видно изъ исторіи съ Шевкаломъ и княземъ Александромъ Тверскимъ, потому что само отъ Татаръ заимствовало свою внѣшнюю силу. Точно также оно не могло равнодушно смотрѣть и на разгромы приволжскихъ областей новгородскими ушкуйниками и на ихъ грабежи вост. чныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Москвою, хотя самъ Новгородъ разсуждалъ объ этомъ явленіи весьма снисходительно, какъ и Буслаевъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на погромы отъ своей молодежи. Московскій князь Дмитрій Ивановичъ въ 1367 г. спрашивалъ Новгородцевъ съ раздраженіемъ: «За что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?»—они отвѣчали уклончиво: «Ходили люди молоды на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, только били бесерменъ, а ты недобіе отложи отъ насъ». Приобрѣтенная ушкуями и грабежомъ добыча, по взгляду Новгородцевъ, не заключала въ себѣ ничего предосудительнаго и считалась достойной наградою удалцовъ; предводители ушкуйниковъ не только не возбуждали презрѣнія, но и выбирались иногда въ высшія общественныя должности.

Московскій князь, для котораго мѣстные интересы были уже дѣломъ, если не постороннимъ, то второстепеннымъ, не поддавался убѣжденіямъ Новгородцевъ и настоялъ на своемъ. Въ областныхъ договорахъ встрѣчается выраженіе и раньше половины XIV в., чтобы разбойниковъ и татей не защищать, «но выдати ихъ по исправѣ». Вѣроятно, это условіе значилось больше на бумагѣ, чѣмъ на практикѣ, и великій князь Московскій придалъ ему настоящее значеніе, такъ что въ 1390 г. даже Псковичи съ Новгородцами заключили условіе—

выдавать ушкуйниковъ другъ другу, «кто въ путь ходилъ на Волгу». Такимъ образомъ вредъ, наносимый удалыми молодцами, признанъ былъ противозаконнымъ и противообщественнымъ, хотя только официально, по принужденію Москвы.

Новгородскіе ушкуйники служатъ какъ бы переходной дружиной народной отъ древнихъ оборонителей земли русской и враговъ иноземщины къ составленію шаекъ воровскихъ людей и казаковъ. Можетъ быть, поэтому Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ села Карачарова, по изображенію былинъ, обходится съ разбойниками не такъ, какъ новгородскій бояринъ Василій Буславъ, истреблявшій мужиковъ сотнями. Да и разбойники встрѣчаютъ Илью не только не съ почетомъ, какъ новгородскаго богатыря, но нападаютъ на него, «хотятъ стараго ограбить». Всѣ эти признаки еще болѣе поздніе. Дѣло происходитъ въ притонѣ воровскомъ, въ Муромскихъ или Брынскихъ лѣсахъ, а по другимъ переказамъ—на Волгѣ или на морѣ Хвалынскомъ; въ обоихъ преданіяхъ просвѣчиваетъ одинаковый смыслъ, что поздніе разбойники считаются, въ сравненіи съ древними богатырями, совершеннымъ ничтожествомъ. Былина носитъ наслоенія изъ разныхъ эпохъ русской жизни; главный мотивъ ея такого рода:

Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому—разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Съ душой, съ живогомъ разлучить хотять.
Говорить имъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня стараго вамъ нѣ-за что,
А взяти у стараго нечего».
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлу каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали.

Угодила стрѣла въ сыръ краковистый дубъ,
Изломала въ черенья позовые.
Ото того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то вѣдь станишники испугалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
А и будто ото сна сами пробужаются,
А всё они станишники бьютъ челомъ:
Ты старой козакъ Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Дадимъ рукописанье служить до-вѣку.
Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники,
Поѣжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго козака Илью Муромца.»

Въ послѣднихъ словахъ заключается угроза Чурилѣ съ дружиной, потому что они совершали тоже разбойничьи нашествія на мирныхъ сельчанъ и горожанъ кievскихъ, опустошали и разоряли ихъ огороды, оскорбляли женщинъ и вообще *уродствовали* по Кіеву. Въ лицѣ обидчика и насильника Чурилы читается нравоученіе и станишникамъ, которые занимаются одинаковымъ съ нимъ ремесломъ; Илья намекомъ говоритъ тоже, что высказалъ татарскимъ царевичамъ:

Вы чините вездѣ такую славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны-могучи богатыри. *)

А въ другихъ былинахъ того же склада еще сильнѣе выдается сатирическое воззрѣніе народа на разбойниковъ: тамъ они просятъ Муромца не о холопствѣ вѣковѣчномъ (*черта самая поздняя*), но о томъ, чтобы онъ взялъ ихъ во товарищи, во донскіе казаченьки, или сталъ бы ихъ атаманомъ. Но миссія Илья заклю-

---

*) См. Илья Муромецъ. О. Миллера. Спб.: 1870, стр. 289, 293, 572.

чается въ оборонѣ и охраненіи святорусской земли отъ насилій и обидъ; онъ помнитъ высокое завѣщаніе родителей:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ полѣ христіанина,—

и съ презрѣніемъ смотритъ на ремесло разбойниковъ, считая ихъ не выше животныхъ. На ихъ просьбу быть у нихъ атаманушкой,—онъ отвѣчаетъ: «У отца я былъ у матери, не охочь я былъ стадо пасти,» и отказывается отъ предложенныхъ ему подарковъ; этотъ не похожъ на Василья Вуслаева!—Изъ нѣкоторыхъ былинъ видно, что разбойники замѣняютъ иногда Татаръ и Литву и такимъ порядкомъ вмѣсто иноплеменныхъ притѣснителей историческихъ являются свои насильники и угнетатели. Презрительное обхожденіе Ильи Муромца съ разбойниками должно было возникнуть не ранѣе того времени, когда удалые молодцы перестали служить исключительно земству, вѣдаться съ одними врагами родины и очищать дороги прямоѣзжія, а стремились также и поживиться на ея счетъ. Это была пора сложенія казацкихъ общинъ, когда московскій влатель «подклонялъ подъ свою крѣпкую и высокую руку» область за область и вводилъ строгіе порядки, противные вольницъ. Типъ древняго богатыря помрачился въ глазахъ Москвы лишней отвагой, безпокойнымъ характеромъ и неповиновеніемъ власти; но богатырь, величаемый уже разбойникомъ и воромъ, все еще служить землѣ родной, желаетъ ей величія и славы, посвящаетъ на эту высокую задачу свои силы и нерѣдко жертвуетъ жизнью. Въ разказахъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ разбойниками выражается преемственное отношеніе младшихъ богатырскихъ силъ, которыя тратили земскіе люди, оберегая святую Русь совершенно безкорыстно, къ тѣмъ же силамъ, когда земля зашаталась отъ татарщины и отъ развитія московскаго деспотизма.

Дѣйствительно, типъ богатыря этого времени носитъ уже характеръ двойственный: казаки на столько же охраняютъ украины Руси, на сколько грабятъ внутри Москов-

ское государство; старина отказала имъ въ наслѣдство беззавѣтную жажду воли, а современная жизнь воспитала жестокой нравъ. Иногда въ былинахъ съ такимъ характеромъ является *старой козаки* Илья Муромецъ, который уже сближается въ народной фантазїи съ замѣчательнымъ казакомъ—разбойникомъ Ермидомъ Тимофеевичемъ и относится къ нему, какъ дядя къ племяннику. Нагулявшись вдоволь по Каспійскому морю и по Волгѣ, разграбивъ много судовъ и чужихъ и государевыхъ, Ермакъ сдѣлалъ громадную заслугу Россїи завоеваніемъ царства Кучумова въ Сибири. Это—первообразъ тѣхъ безпардонныхъ, но величавыхъ личностей, которыя грабили и русскихъ и инородцевъ, какъ придется, и добывали Московскому государству новыя земли на краю Сибири, выноси всевозможныя лишенія и невзгоды.

Казачество становится извѣстнымъ въ Рязанской украинѣ съ 1444 г., но выходитъ наружу, когда московская сила налегла всею своею тяжестью на областную жизнь при Іоаннахъ III-мъ и IV-мъ. Одни бѣжали на украинны въ притоны казацкіе, стараясь добиться старой вольности, другіе отъ преслѣдованія правосудія, третьи возмущены были деспотизмомъ московскимъ и кромѣшниками Грознаго. Такимъ образомъ, составились братскіе союзы изъ безпокойныхъ людей, всю жизнь которыхъ можно назвать разбоемъ и грабежемъ. Вольная разгульная жизнь, исполненная опасностей и приключеній, привлекала многихъ охотниковъ до свободы въ казачьи круги, гдѣ преданіе и обычай связывали всѣхъ въ одну семью и скрѣпляли строже всякаго письменнаго закона.

Эти безпокойныя головы по Днѣпру и Дону служили заставой Россїи съ набѣговъ Турокъ и Крымскихъ Татаръ, впрочемъ не щадили русскихъ владѣній и людей. Въ 1578 г. Крымскій ханъ добивался въ Москвѣ, чтобы Русскіе свели или согнали съ Днѣпра и Дона казаковъ; а ему отвѣчали, что царь не считаетъ этихъ бѣглецовъ своими подданными и приказалъ ихъ предавать казнямъ, если они появятся въ предѣлахъ русскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сначала Москва считала казаковъ совершенными разбойниками и враждебными Россіи, хотя такой взглядъ былъ одностороненъ. На Волгѣ домскіе казаки стали заниматься грабежемъ и разбоями вскорѣ послѣ вавоеванія Астрахани, когда положено было основаніе русскому господству до Кавказа. *Атаманы казачьи*, какъ и ушкуйники, грабили басурманъ и Русскихъ и не щадили даже царскихъ посланниковъ. Царь распорядился выслать войско, велѣлъ ловить воровскихъ казаковъ и вѣшать. Такъ въ 1577 г. отправился, съ сильнымъ отрядомъ ратныхъ людей, стольникъ Иванъ Мурашкинъ для искорененія разбойниковъ на Волгѣ: ему удалось однихъ казнить, другихъ забрать въ плѣнъ; но многіе разбѣжались въ разныя стороны и опять скоро разсыпались по большимъ дорогамъ и перевозамъ. Около 1580 г. Ногайскій князь Урузъ жаловался, что казаки разбойничаютъ въ странѣ Ногаевъ и даже взяли ихъ столицный городъ Сарайчикъ, разграбили и сожгли: «не токмо что людей живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вынимали и гробы ихъ разоряли». Атаманами этихъ грабителей были *Митя Бритоусъ* и *Иванка Юрьевъ*, которыхъ казнили въ Москвѣ при Ногайскомъ посланцѣ; а атаманы *Иванъ Кольцовъ* и *Барбошъ* ускользнули отъ поимки и заочно приговорены были къ смерти. Но самымъ главнымъ предводителемъ волжскихъ казаковъ былъ *Ермакъ Тимофеевичъ*.

Преслѣдуемые царскими воеводами, воровскіе казаки бѣжали вверхъ по Волгѣ и по Камѣ до устья р. Чусовой, гдѣ находились вотчины Строгановыхъ, которые убѣдили Ермака съ товарищами оберегать ихъ владѣнія и воевать сибирскихъ инородцевъ. Случилось такъ, что когда казаки, поддержанные Строгановыми, отправились походомъ въ Сибирь, Пелымскій князь опустошилъ берега Камы около Чердыни, побилъ и забралъ въ плѣнъ многихъ христіанъ. Грозный царь разгнѣвался на Строгановыхъ, за чѣмъ они призвали *известныхъ злодѣевъ, опытныхъ казаковъ*, которые за раздраженіе сибирскихъ князьковъ достойны казни. Ермаку съ войскомъ велѣно

тогдашъ вернуться въ Пермь и загладить вины своимъ окончательнымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей; въ случаѣ неповиновенія строгій указъ грозилъ положить большую опалу на именитыхъ людей, а казаковъ измѣнниковъ—перевѣшать. Но угрозы уже опоздали: извѣстно, какъ эти измѣнники покорили часть Сибирскаго царства и положили основаніе новому могуществу Россіи. Они писали къ царю Грозному, что бѣдные опальные казаки своею кровью желаютъ смыть старые грѣхи разбойные—и приносятъ въ даръ единовѣрной Россіи новую завоеванную ими землю, *доколь мѣръ стоитъ*. Они просили царской силы, чтобы сдать воеводамъ покоренную страну, а сами ходатайствовали о милости и прощеніи. Сподвижникъ Ермака, Иванъ Кольцо, обреченный прежде на смерть за волжскіе разбой, отправился въ Москву съ грамотой и съ повинной царю, который обрадованъ былъ заслугой смѣльчаковъ, послалъ имъ дары, а атаману Ермаку въ особицу—двѣ брони и шубу съ своего плеча, и обѣщалъ вѣчное забвеніе прежнихъ разбоевъ казачьихъ на Волгѣ. Эти доблестные борцы—атаманы казачіи почти все пали за величіе и славу Русскаго народа, за возвышенную его энергію и силу: Ермакъ Тимофеевичъ погибъ въ волнахъ Иртыша, бросившись въ тяжеломъ панцырѣ въ лодку при ночномъ нападеніи инородцевъ; участь его товарищей была не лучше: атаманы *Иванъ Кольцо*, *Яковъ Михайловъ*, *Никита Панъ* съ дружиною перебиты; только атаманъ *Матвей Мещерякъ* пошелъ-было въ Россію, по смерти своихъ товарищей, съ ничтожной горстью оставшихся въ живыхъ казаковъ, но вернулся назадъ и убитъ былъ въ 1587 году.

Появленіе казаковъ въ Сибири съ огненнымъ и громовымъ боемъ, въ средѣ людей съ холоднымъ оружіемъ, луками и стрѣлами, расшевелило фантазію инородцевъ и породило цѣлый рядъ самыхъ причудливыхъ разсказовъ. Завоеваніе обширной страны ничтожной горстью людей отпѣтыхъ, нѣкоторыхъ разбойниковъ, узлинувшихъ во-время отъ висѣлицы, произвело множе-

ство вымысловъ и дивныхъ преданій, которыя занесены даже въ русскія лѣтописи. Эти замѣчательныя событія отразились и въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, содержаніе которыхъ въ главныхъ чертахъ близко къ истинѣ.

Пѣсни о Ермакѣ, воспѣвающія его походы, постоянно смѣшиваются съ пѣснями о Разинѣ; эти переплетенія и замѣна одного имени другимъ замѣтны во многихъ пѣсняхъ и былинахъ. Такова пѣсня о посольствѣ въ Азовъ Ермака, а по другимъ вариантамъ — Разина. Содержаніе ея слѣдующее: Сидитъ Ермакъ въ Азовѣ въ темной темницѣ, мимо идетъ самъ турецкій Салтанъ Салтановичъ; атаманъ закричалъ ему тогда зычнымъ голосомъ:

Прикажи ты меня поить—кормить,
Либо казнить, либо на волю выпустить.

Султанъ велѣлъ его освободить изъ темницы и узналъ по разспросамъ, что онъ отправленъ былъ изъ Москвы скорымъ гонцомъ къ нему съ гостинцами дорогими; но мурзы-улановья ограбили его и товарищей на заставахъ и разсадили по темницамъ. Турецкій царь велѣлъ всёхъ освободить и отпустить въ Москву; онъ наградилъ ихъ златомъ-серебромъ и питьями заморскими; но подарки раззадорили разгульныхъ людей:

Отлучился донской козакъ отъ Азова города,
Загулялся донской козакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каморку Москву.

Народная фантазія старается перенести тяжелые подвиги царскихъ посланниковъ на своихъ любимыхъ героевъ. Историческій смыслъ этой пѣсни будетъ понятенъ, когда припомнимъ, что задорные атаманы казацкіе и московскіе гонцы не разъ сидѣли въ семибашенномъ замкѣ турецкомъ и терпѣли въ Крыму всевозможныя притѣсненія, что мурзы-улановья тамъ отличались непомернымъ корыстолюбіемъ, а казаки, не смотря на московскіе приказы и указы, не были послушны и гуляли съ Дона на Волгу.

Въ другой пѣснѣ рисуется такая картина, впрочемъ,

сухими и тощими лѣтописными чертами: На Бузанѣ островѣ сидѣли атаманы казаціе—Ермакъ Тимофеевичъ, Стафій Лаврентьевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Анофрій Степановичъ,—думали они думушку о самыхъ интересныхъ вещахъ, «про дѣло ратное, про добычу козачую». Совѣтъ рѣшилъ сѣсть въ легкіе струги и грянуть по Волгѣ матушкѣ и по рѣкѣ Ахтубѣ; остановились молодцы противъ острова Матицы и увидали 12 турецкихъ кораблей съ товарами заморскими. Есаулъ тотчасъ возбудилъ энергію казаковъ своеобразной рѣчью:

А и гои еси вы, братцы, атаманы козачи!
У насъ кто на морѣ не бывалъ,
Морской волны не видалъ,
Не видалъ дѣла ратнаго, человекъ кроваваго,—
Отъ желанья тѣ Богу не мадивались.

Отъ этихъ зажигательныхъ словъ вспыхнули молодцы какъ порохъ, грянули на 12 турецкихъ кораблей и всѣ товары заморскіе достались въ ихъ руки; потому что всѣ ихъ распорядители и слуги со страху въ синее море пометались.

А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася
Душа красна-дѣвица
Молода Урзамовна, мурзы дочь турецкаго.

Она просила казаковъ, чтобы отвезли ее къ царю Московскому и привели въ вѣру крещеную.

Не тронули козаки душу красну-дѣвицу
И посадили во свои струги легкіе...
И будутъ козаки на великихъ радостяхъ,
Запилися молодцы, а всѣ до одинаго.

Случилось въ это время проѣзжать русскому послу въ Персію, Семену Константину Карамышеву, съ отрядомъ солдатъ.

Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ
умомъ,

Напускалися на нихъ драться...
И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
И въ дракъ убили Карамышева.

Забрали они платье цвѣтное посольское и спрята-

ли въ гору Змѣвую; потомъ Ермакъ съ дружиной пошелъ къ Астрахани, назвался купцомъ заморскимъ и торговалъ своими товарами.

Объ убійствѣ Карамышева существуетъ и отдѣльная пѣсня съ небольшою разницею, о которой мы будемъ говорить послѣ.

Особая пѣсня выясняетъ дальнѣйшія похождения Ермака съ дружиной: убивъ Карамышева подъ пьяную руку, атаманъ протрезвился и призадумался; эта шутка показалась ему не корыстной, и онъ совѣтъ держалъ съ вольными людьми во единомъ кругу.

Они думали думушку все единую,
Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ я гдѣ-то намъ зимовать будетъ?
На *Яикъ* *) намъ итить—переходъ великъ,
На Волгѣ жить—все ворами слыть,
Подъ Казань итти—грозный царь стоитъ,
Какъ грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшену,
А казакамъ быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаже-
нымъ.

По совѣту атамана, сперва молодцы остались-было зимовать въ Астрахани, гуляли по синему морю Хвалынскому, разбивали бусы, корабли *неорленны*, **) убили

---

*) Городъ Яикъ построенъ казаками въ 1586 г., уже по смерти Ермака.

**) Есть народное преданіе, живущее и доселѣ по Волгѣ, что Разинъ разбивалъ и грабилъ суда безъ различія и казенныя и частныя. Когда царь, какой—преданіе не называетъ, узналъ объ этомъ, то будто просилъ Разина не разбивать и не грабить его царскихъ судовъ. Разинъ отвѣчалъ, чтобы царь велѣлъ выставить на казенныхъ судахъ орлы, и что онъ не будетъ трогать эти суда. Такъ съ тѣхъ поръ и появились казенныя суда и барки съ орлами на мачтахъ. Таково народное сказаніе.—Но навѣрно, что *заорленными* судами называютъ суда, вводимыя Пет-

посланника не царскаго, а персидскаго. Потомъ опять собирались бѣглецы Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе на думу крѣпкую. И порѣшили, по совѣту Ермака, на лодочкахъ коломенкахъ съ кочетками еловыми и бабачками сосновыми итти по Волгѣ рѣкѣ въ Усолья Григорья Григорьевича Строганова и къ господамъ Вороновымъ, чтобы добратся до царства басурманскаго—Сибирскаго, покорить его царю Бѣлому и забрать въ полонъ Кучума. Ермакъ уже предвидитъ удачу и говоритъ, что онъ надѣнетъ тогда шубу соболиную, возьметъ купью шапочку подъ мышечку и расскажетъ царю, какъ онъ разбивалъ на морѣ Хвалынскомъ бусы, корабли, а теперь явился съ повинной:

Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.

Царь прощаетъ войсковаго атамана за службу вѣрную и жалуетъ ему славный тихій Донъ.

Одна изъ донскихъ пѣсенъ дополняетъ эти подробности, какъ характеристическимъ оправданіемъ Ермака, такъ и важной заслугой—взятіемъ Казани. Когда Ермакъ звалъ своихъ товарищѣй на Каму рѣку бить куницъ, лисицъ и черныхъ соболей, вдругъ пріѣзжаетъ

рожь Великимъ на манеръ иностранныхъ; о введеніи ихъ Петръ I сильно заботился и во многихъ указахъ повелѣвалъ даже истреблять и сжигать торговые суда стараго образца, напр. на Волгѣ. Въ пѣснѣ о Разинѣ очевидный анахронизмъ: въ раннихъ пѣсняхъ суда являются царскія и торговые, а со времени Петра стали прибавлять—*заорленныя*. Свѣдѣній о заорленныхъ судахъ, иначе—*новоманерныхъ*, много находится въ Полн. Собр. Законовъ за время съ 1700 до 1715 г. Во всякомъ случаѣ, и преданія и пѣсни народныя дѣйствительно рассказываютъ, будто Стенька Разинъ грабилъ безъ различія и царскія и торговые суда; царь укорялъ Разина, зачѣмъ онъ разбиваетъ казенныя корабли; атаманъ оправдывался, что это корабли *не клейменные, не тавренныя*. Тогда царь велѣлъ ихъ заклеить или *заорлить* царскимъ гербомъ и Разинъ сталъ шадеть ихъ. Подробныя пѣсни, въ которыхъ изложено это народное воззрѣніе, можно найти въ «Сборникѣ пѣсенъ» Кирѣевскаго.

курьеръ и везетъ царскій указъ. Прочитавъ его, атаманъ самъ отправляется къ царю отвѣтъ держать и оправдывается тѣмъ, что онъ разбивалъ корабли *не орленые, не таверные*, которые не платили государю дани-пошлины. Тогда царь проситъ его сослужить службу—взять Казань городъ.—Донской атаманъ, по представлениямъ казаковъ, идеаль силы и геройской отваги; слѣдовательно, безъ его участія не обходилось ни одного важнаго завоеванія въ Россіи; только по его почину можно было сладить съ буйной Казанью *).

Какъ далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй—на синемъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспискіимъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскіимъ,

Собиралися музуры, добры молодцы.

Они думушку гадали всѣ великую,

Думу крѣпкую гадали за единую:

«Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ
быть?»

Да кому изъ насъ, ребятушки, эсауломъ слыть?»

—Атаманомъ быть—Ермилу Тимофѣичу,

Эсауломъ слыть—Никитушкѣ Романычу.—

Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу
трубить,

Эсауль-то рѣчь возговоритъ, что въ свирѣль
играть:

«Не пора ли намъ, ребята, со сина моря,

Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?

Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?»

—Астраханско славно царство пройдемъ съ
вечеру,

А Царицынъ городочикъ—во глуху полночь,

А Саратовъ городочикъ—на бѣлой зорѣ,

Мы Самарѣ городочку не поклонимся,

Въ Жигулевскіихъ горахъ мы остановимся.

---

*) Пѣсни Бирѣвскаго. VII, 48.

Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя;
Атаманушку сведемъ двое подь руки,
Эсаулушка, ребята, — онъ и самъ сойдетъ. —
Какъ возговорить нашъ батюшка, атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ
братъ?»

Вотъ подь городомъ Казанью стоитъ Бѣлый
царь,

Стоитъ Бѣлый царь, Иванъ сударь Васильевичъ:
Онъ не много и не мало стоитъ 7 годовъ,
Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь
верстъ,

Калены стрѣлы пускалъ безсчетныя;
Мы поидемъ ка же, ребята, на подмогу къ
нимъ!»

Такимъ образомъ, подвигъ воеводъ Грознаго приписанъ Ермаку и воровскимъ казакамъ, которые служили продолжателями покоренія инородцевъ на востокъ. Въ этомъ случаѣ идея преобладанія Русскаго народа надъ Татарами и другими восточными инородцами связываетъ и древнихъ богатырей и позднихъ атамановъ казачиныхъ: пѣсня часто замѣняетъ Ермака Ильей Муромцемъ или Разинымъ и Пугачевымъ. Вѣковая борьба велась послѣдовательно и представителей ея изъ разныхъ временъ фантазія лептала до послѣднихъ дней, сообразно съ разными мѣстными интересами и возрѣніями. Что на Дону или на Волгѣ воспѣвается съ именемъ Разина или Пугачева, то въ Сибири приписывается Ермаку, который положилъ начало для покоренія громадной области. Въ пѣсняхъ Кирши Данилова, сибирскаго казака, мѣстные отбѣнки весьма замѣтны: дѣйствія Разина съ Персіанами и плѣнъ княжны персидской сибирская пѣсня относитъ къ своему любимому герою — Ермаку. Сходство походеній Ермака и Разина слишкомъ значительно: одинъ разбивалъ Ногаевъ, другой — Персіанъ; оба разгудивали по морю Хвалынскому, грабили восточныхъ и царскихъ пословъ и ходили по

Волгѣ до Сибирска. Самое названіе дочери царя Турскаго *Урзамовны* должно относиться ко времени Ермака, когда ограблена была столица Ногайская Сарайчикъ, гдѣ ханомъ былъ тогда *Урузъ*. Убіиство Семена Карамышева, персидскаго посланника, въ исторіи неизвѣстно; но имя его встрѣчается весьма рано: онъ посланъ былъ Нижегородскимъ княземъ Даниломъ Борисовичемъ въ 1410 году вмѣстѣ съ татарскимъ царевичемъ Талычемъ для опустошенія г. Владиміра. По происхожденію татаринъ, Карамышевъ могъ быть посланъ въ Персію при Грозномъ, какъ знающій персидскій языкъ, и попасться разбойникамъ или воровскимъ казакамъ; извѣстно по лѣтописи, что ватага эта тогда разбивала персидскихъ посланниковъ: «овогда государскіе насады и суды и въ нихъ казну грабаху, а людей побиваху; овогда же персидскихъ посла въ и бухарцевъ и иныхъ россійскихъ людей торговыхъ». Слѣдовательно, переплетенія въ пѣсняхъ и замѣна Ермака Разинымъ и наоборотъ могли быть постоянны, по самому однообразію ихъ дѣяній и тѣмъ легче для пѣвца, что оба атамана по прозванью—Тимоеевичи.

Одна донская пѣсня представляетъ Ермака идущимъ съ покорностью къ царю со всеѣмъ его войскомъ. Онъ вступаетъ въ государевы палаты, здороваается съ царемъ за панибрата и говоритъ прямо:

Я шатался, мотался Ермиль

По чисту полю и по синю морю,

Разбивалъ я Ермиль бусы, корабли

И такырскіе и басурманскіе;

а государевы билъ тѣ, которые были безъ царскаго герба. Назначено было слѣдствіе въ царской думѣ: все Ермила оправдали, только одинъ бояринъ за разбойничьи выходы осудилъ его на смерть; тогда съ гнѣвомъ отвѣчалъ атаманъ:

«Злодѣй-бояринъ—не царскій думчій,

Безъ суда хочешь меня казнити—вѣшати!»

Богатырская его сила подымалася

И богатырская его кровь разгоралася;

Вынималъ Ермиль изъ ноженъ саблю вострую:
Буйна голова съ плечъ могучихъ отвалилася
И по царскимъ палатамъ покатилася...

Здѣсь вставка о карабляхъ неорленныхъ, очевидно, поздняя, не ранѣе Петра Великаго. Есть еще очень прозаическая пѣсня, въ которой подробно описывается путь казаковъ въ Сибирь, завоеваніе и пребываніе Ермака въ Москвѣ. Въ ней изображена смерть славнаго атамана такими чертами: чтобы помочь своимъ товарищамъ въ свалкѣ съ врагами, онъ хотѣлъ перескочить на другую коломенку, —

И ступилъ на переходню обманчивую,
Правую ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опускалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его въ Енисей быстру рѣку;
Такова Ермаку смерть случилася. *)

Эта пѣсня составлена, вѣроятно, при чтеніи какого-либо историческаго описанія походовъ Ермака: она представляетъ самое нехитрое переложеніе въ стихи простаго лѣтописнаго разсказа.

Можетъ быть, благодарный народъ воспѣвалъ подвиги славныхъ сподвижниковъ Ермака и могучихъ богатырей, колонизаторовъ Сибири, проходимцевъ отъ Дона до Амура, въ родѣ Хобарова; но пѣсни этого склада намъ неизвѣстны. Карамзинъ утверждаетъ, что въ кровопролитной схваткѣ при Ишимскомъ устьѣ «Ермакъ лишился пяти мужественныхъ казаковъ, донинѣ воспѣваемыхъ въ ушлыхъ сибирскихъ пѣсняхъ». (И. Г. Р. IX, 239, пр. 719). О геройскихъ подвигахъ товарищей Ермака говоритъ пословица: «Северо пойдутъ, Сибирь возьмутъ». Казаки грабили пожитки частныхъ лицъ и государственные товары; они также не брезговали и

---

*) Древн. рос. стих. 106—112. 122. 310—313. Пѣсни рус. нар. IV, 252. 229. Сборн. донс. пѣсенъ, стр. 73—77. Пѣсни Бирѣвск. VI, 36—54. Рыбник. II, № 38.

монастырской казной, во время царствования Грознаго,
который нерѣдко держалъ ихъ на правѣжѣ.

Ишшо сколько я, добрый молодець, ни гули-
валь,

Такого чуда-дива не нахаживаль,
Какъ нашель я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Среди торгу-базару, среди площади,
У того было колодичка глубокова,
У того было ключа то подземельнова.
Что у той было конторупки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата,
Ужъ какъ бьютъ то добра молодца на правѣжѣ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ и безъ че-
ботовъ;

Правять съ молодца казну да монастырскую.
Изъ за горь-то, было горь высокинхъ,
Изъ-за лѣсу-то, было лѣсочку темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Не праведное красно солнышко выкатается:
Выкаталась тамъ карета красна золота,
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередь торгу.

Ужъ какъ спрашиваль надѣжа-православный
царь,
Ужъ какъ спрашиваль добраго молодца на
правѣжѣ:

«Ты скажи, скажи дѣтина правду истину,
Ишшо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ рав-
бой держалъ?»

Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:
Я пожалую тя молодець въ чистомъ полѣ,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя петелькой шелковою.»
Овѣчатъ ему удалый добрый молодець:

Я скажу тебѣ, надёжа, православный царь,
Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я ту казну крадѣ, не я разбой дер-
жалъ;

Ужъ какъ крали, воровали добры молодцы ко-
заки.

Случилось мнѣ молодцу итти чистымъ полемъ,
Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ сто-
ить,

Что подѣ тѣмъ было подѣ дубомъ подѣ кре-
ковистымъ,

Что козаки дѣлѣ дѣлили, дуванѣ дуванили;
Ужъ какъ бралѣ-то я сырой дубъ посередѣ его,
Я выдерживалѣ изѣ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалѣ кореня о сыру землю.

Ужъ какъ тутѣ-то добры молодцы испугалися,
Со дѣлу они, со дувану разбѣжались,

Одному мнѣ золота казна досталася,

Что ни много и не мало—сорокѣ тысячей.

Я не въ кладѣ-то казну клалѣ, животомъ не
звалѣ,

Ужъ я клалѣ тоѣ казну во большой-атѣ домѣ,
Во большой-атѣ домѣ, во царевѣ кабакѣ. *)

Очевидно, анахронизмы въ этой пѣснѣ даютъ знать, что она прошла черезъ нѣсколько періодовъ: дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ и тамъ является царь Иванъ Васильевичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ контора Румянцева. Складъ пѣсни напоминаетъ былины, и сила молодца, выдерживающаго кряковистый дубъ, похожа на силу Ильи Муромца; но пріемъ общапія—пожаловать дѣтину двумя столбами съ перекладиной—изъ времени Грознаго. Можно думать, что полный составъ пѣсни относится къ первой половинѣ XVIII в., когда Кіевъ уже перешелъ отъ Польши къ Россіи и въ немъ сидѣли русскія власти, завелася конторушка Румянцева, не хитро, что пѣлось прежде—Ромодановскаго. Пѣсня «о праведѣ» воспомина-

*) Пам. и образцы народ. слов. 308.

еть и имя Иоанна IV-го и Петра Великаго; дѣйствіе происходитъ то въ Москвѣ, то въ Кіевѣ. Все это справедливо заставляетъ рѣшить, что основа пѣсни древняя, но распространенная въ теченіи времени историческими чертами разныхъ царствованій изъ XVI, XVII и XVIII стол. *) Иоаннъ Грозный первый началъ жестокою расправу съ казаками, а Петръ Великій добилъ окончательно старыя вольности этихъ сбродныхъ дружинъ; поэтому и пѣсня о праведѣ вспоминаетъ и того и другаго государя, сохраняя правдивыя историческія черты.

Казачество долгое время для Руси служило неистощимымъ запасомъ разбойниковъ, принимая въ свою среду всякаго пропившагося гуляку, вора холопа и каждая недовола московскими порядками. Оно старалось отстоять обычныя старинныя вольности, хотѣло поспорить съ Москвой въ правахъ на силу и господство Руси—старинной или созданной съ помощью Татаръ; но противъ чего шло казачество, то и служило его подгачивающимъ червемъ подъ самый корень. Оно дѣлало попытки сложиться въ одно самостоятельное цѣлое; но ему не хватало средоточія силы и вполне осмысленнаго начала борьбы и жизни, отъ чего и не могло быть внутри его крѣпкой организаціи. При Годуновѣ казачество сильно возрасло и привлекало въ свою среду массы холоповъ изъ Россіи; нося въ себѣ силу противодѣйствія Московской власти, оно ниспровергло тронъ Бориса. Дерзость смѣльчаковъ дошла до такихъ размѣровъ, что они подъ предводительствомъ атамана *Хлопка* или *Косолапа* грабили подъ самой Москвой, не боясь сыскныхъ дружинъ и разбивая ихъ. Выслано было войско и главный московскій воевода, окольный И. О. Басмановъ, палъ въ упорной битвѣ съ Хлопкомъ, который взятъ былъ въ плѣнъ весь израненный.

Самозванцы, эти демократическіе государя, были большею частью или созданиемъ казаковъ, или держа-

---

*) Пѣсни Бирѣевс. вып. VI, 194—201; VII, 53—55; VIII, 30—36.

лись ихъ силой; видимо, вольные люди хотѣли посадить на тронъ въ Россіи казака—царя, или атамана разбойниковъ, какъ Тушинскаго вора, или атамана Заруцкаго. Въ эти тяжелые годы для народа, воровскіе казаки разсыпались по всей Россіи, производили убійства и грабежи, такъ что разоренные ими жители поневолѣ должны были увеличивать собою шайки разбойниковъ. Только и слышно было во время междуцарствія, что мужики заворовали или пристали къ казакамъ и приходятъ всякимъ разбойнымъ обычаемъ, людей побиваютъ и животы грабятъ. Стремленія нисшихъ классовъ народа противъ боярскихъ замысловъ поддерживало по мѣстамъ и духовенство *). Это значеніе историческое имѣетъ пѣсня о смутномъ времени, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является попъ *Семенъ* или *Емеля*, который поддерживалъ перваго самозванца и его приверженцевъ.

Выпала порошица на талую землю;
По той по порошицѣ ишелъ тутъ обозецъ,
Не малъ, не величекъ, да семеро саней,
Да семеро саней, по семеро въ саняхъ.
Во первыхъ-то саняхъ атаманы сами,
Во вторыхъ-то саняхъ эсаулы сами,
А въ четвертыхъ саняхъ разбойники сами,
А въ пятыхъ-то саняхъ мошенники сами,
А въ шестыхъ-то саняхъ да Гришка съ Маринкой;
А въ седьмыхъ-то саняхъ самъ попъ-отъ
Емеля,
Самъ попъ-отъ Емеля, а крестъ на рамени,
А крестъ на рамени въ четыре сажени,
Рукой благословляютъ, крестомъ надѣляютъ:
«Духовные дѣти, полѣзайте въ клѣти,
Головы рубите, а душъ не губите;
Если Богъ поможетъ, попа не забудьте,
Если чортъ обрушитъ, попа не клепайте».

*) См. 1-ю Псковс. лѣтоп. въ концѣ.

Попадья Олена на воду смотрѣла,
На воду смотрѣла, ворами говорила:
«Не ѣздите, дѣти, во чужія клѣти,—
Будеть вамъ невзгода, будетъ непогода.»
Не слушались вору попадья Олены,
Свѣи—засвистали, копей нахлыстали. *)

Громадный крестъ на рамени у попа Емели обличаетъ его католическое происхожденіе. Легкій оттѣнокъ насмѣшки этой пѣсни показываетъ ея казацкое происхожденіе, — и она едва ли могла сложиться съ такимъ характеромъ въ средѣ Русскаго народа, который въ то время жертвой своихъ страданій и лишеній искупилъ грѣхъ розни областной и сословной. Онъ не далъ распасться прочно заложенному государственному строю; не позволилъ преобладать боярамъ съ ихъ выборнымъ шляхетскимъ и католическимъ королевичемъ Владиславомъ и не увлекся свободой казацкой съ ворами и атаманами самозванцами. Однако же эти необыкновенныя усилія — отстоять себя отъ чуждыхъ и крайнихъ стремленій, удержаться на прочномъ самобытномъ основаніи — дорого стоили русскимъ людямъ. Неизвѣстный псковской писатель о смутномъ времени съ горечью восклицаетъ, что тогда ангелъ излил на русскую землю всѣ семь фіаловъ апокалипсическихъ, не осталось и тысячной доли несбывшимся изъ предсказанія пророка...

Когда Русскій народъ избралъ на царство Михаила Федоровича, казаки все еще не хотѣли признать его царемъ и держали сторону Заруцкаго и Маринны, надѣясь принять участіе въ устройствѣ Русскаго государства на другихъ основахъ. Царь молодой ѣхалъ въ Москву, а на дорогѣ его осаждали просьбами ограбленные, перебитые и жженые люди всякаго рода казаками. Они затворили всѣмъ гонцамъ дороги и не пускали къ Москвѣ служилыхъ и торговыхъ людей; отъ убійствъ, грабежей и разныхъ мученій люди не смѣли ѣхать въ столицу и

---

*) Пѣсни Бирѣвск. VII, 19. 20. 119—120; VIII, 311.
См. Изборн. Хронографовъ. А. Попова.

обратно. Казаки и бѣгле разсыпались по всей Россіи, особенно грабили и разбивали по Волгѣ; изъ Нижняго воевода писалъ въ 1614 г. «Пришли—де къ нимъ изъ Пошехонья на Романовъ многіе крестьяне жжены и мучены; стоятъ въ Череповцѣ и иныхъ волостяхъ воры—казаки тысячи полторы и собираютъ съ иными ворами суда, хотятъ итти Шексною въ Волгу и приходитъ дорогой къ городамъ и посадамъ. Съ Шексны прибѣжали на Рыбную многіе люди и сказываютъ, что тѣ воры идутъ тотчасъ къ Рыбной, а оттуда на Низъ къ Ивашкѣ Заруцкому». Воевода Самарскій отписывалъ: «Изъ Астрахани многіе люди выбѣгаютъ на Волгу къ козакамъ, чтобы многихъ людей казнить и имѣніе ихъ грабить; атаманы волжскіе Соловцевъ, Третьякъ Усз, Бирюкъ да Иванъ Донецкой хотятъ итти къ Самарѣ крестьянъ цѣловать царю, а молодые не хотятъ и говорятъ: «намъ бы гдѣ зипуновъ добыть.» Волжскіе казаки хотятъ итти съ Япка на Волгу и Иргизскія вершины, чтобъ погнать рыбныхъ ловцовъ, добыть струги и итти противъ каравана. Разбиваемые царскими войсками, они нашли притонъ на Медвѣжьемъ островѣ и выходили грабить на Волгу; въ числѣ атамановъ у нихъ были Ольферка Губа, и Никита Усз. Замѣчательно, что атамановъ и разбойниковъ Усовз было много и это названіе сдѣлалось какъ бы родовымъ и означало вообще воровскаго казака. Эти атаманы—Усы воспѣваются въ одной старинной пѣснѣ, которая изображаетъ ихъ собравшимися въ Усолъ Строганова:

Ахъ, доселѣва Усовз и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать и видомъ не видѣть;

А какъ попѣча Усы проявились на Руси,
А и въ новомъ Усолы у Строганова.
Они щепотко по городу похаживаютъ,
А кораблики бобровы, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны со подпушечками,
Со подпушечками со камчатными,
А и синіе чулки, астрахански черевики,

А и красныя рубашки, косы воротники,

А косы воротники, золотые плетни.

Въ 1616 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, Балахиѣ, Суздаляѣ, Муромѣ, Владимірѣ собралось такъ много различныхъ воровъ, боярскихъ холопей, и безыменныхъ всякихъ людей, что жители разбѣгались отъ нихъ и крылись по лѣсамъ. Подъ именемъ казаковъ, они побивали бояръ и дѣтей боярскихъ по селамъ, жгли и пытали всякихъ чиновъ людей, вымучивая сознаніе, гдѣ спрятаны ихъ пожитки, и хотѣли итти по городамъ. Сыщики и стольники, посланные преслѣдовать разбойниковъ, только передвигали ихъ съ одного мѣста на другое или загоняли въ безопасныя притоны, въ которыхъ, по старинному выраженію,

Стоять лѣса темныя, отъ земли да до неба,—

И стиглому и сбѣглому прохода нѣтъ,

Ни удалу добру молодцу проѣзда нѣтъ.

Въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ устраивали свои временныя жилища бѣглые крестьяне и разбойники—и отсюда дѣлали нападенія на имѣнія бояръ, мучили ихъ, брали драгоцѣнное, сколько утащить можно, а остальные пожитки жгли безъ всякой жалости, приговаривая:

У него казна не трудовая,

У него казна праховая,

У него казна слезовая,

У него ли съ кроволитья нажитая.

Большихъ трудовъ стоило царскимъ войскамъ усмирить взволновавшихся воровскихъ казаковъ и разбойниковъ. Неутомимый воевода Борисъ Лыковъ постоянно преслѣдовалъ и истреблялъ шайки воровъ; на рѣкѣ Калужѣ разбитъ и повѣшенъ знаменитый атаманъ *Баловня*; на Волгѣ грозой были казаки для торговыхъ судовъ, когда предводительствовалъ ими *Калбакъ*. Наконецъ, дѣло Заруцкаго было проиграно и взятъ его послѣдній притонъ—Астрахань. Битва подъ Астраханью воспѣта въ слѣдующей пѣснѣ:

Снаряжался православный царь Михайло во
дорожку,

Какъ во дальнюю дорожку астраханску;
Сварядился онъ со воинствомъ,
Все съ полками со стрѣлецкими;
Распростился онъ съ царицею,
Благословилъ онъ малыхъ дѣтушекъ.
Распощавшия царица горько всплакала,
Всплаваши слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, по-
скорѣе!

Привези свое здоровье малымъ дѣтушкамъ,
Привези ты мнѣ, царицѣ, жизнь долговѣчную!»
Распростился царь Михайло со боярами,
Распростился со всѣмъ причетомъ,—
И поѣхалъ царь Михайло на воеваньице,
Что къ тому ли ко большому городу ко Астра-
хани.

Подъѣзжаетъ царь Михайло къ крѣпкимъ ка-
меннымъ стѣнамъ,
Какъ увидѣлъ царь Михайло—сила-ратъ боль-
ша стоитъ;

Посылаетъ царь Михайло въ силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонецъ, въ силу ратную, узнай,
Ужь и чье это войско подъ стѣнами стоитъ?»
Ворогился гонецъ со ратной стороны,
Какъ и взговорить гонецъ православному царю:
«Эта сила-ратъ недобрая—все злодѣи бун-
тошники бурлуцкіе.»

Какъ и двинулось войско православное,
Ужь какъ билися, рубилися трое сутокъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ
враговъ,

Отъ злыхъ буйныхъ враговъ, все бурлуцкихъ
бунтовщиковъ.

Другая пѣсня о взятіи Астрахани заключаетъ въ себѣ болѣе исторической дѣйствительности; дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является не царь, а Никита Федоровичъ Одоевскій.

Собирался князь Никита сынъ Θεодоровичъ,
Онъ во путь во дороженьку въ Астрахань
городъ.

Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки атаманскія,
А не мало и не много—48 тысячъ.
Обивалъ онъ телѣжки дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ тонкимъ сукномъ, чернымъ бархатомъ;

Онъ сажалъ на тѣ телѣжки по семи человекъ,
По восьмому онъ сажалъ по кучеру,
По девятому онъ сажалъ кашеварому,
По десятому онъ сажалъ провожатому.
Напередъ онъ послалъ своего гонца:
«Ты гони, гонецъ, въ Астрахань городъ;
Ты воскликни, ты возгаркни громкимъ голосомъ:

Ужъ вы гой еси купцы астраханскіе!
Отворяйте-ка ворота вы широкіе,
Мы пріѣхали къ вамъ купцы черноморскіе;
Привезли мы вамъ товары все заморскіе:
Черныхъ соболей со кунницами,
Съ чернобурыми со лисицами.»
—Отворяли имъ купцы свои ворота,
Становили купцы гонца во гостинницу.
Но тамъ гонецъ не уставился;
Очищали для гонца 3 площади,
Просили со гонца 3 пошлины.—
«Заплачу я вамъ, братцы, всѣ 3 пошлины».
Какъ съ перваго часу со полуночи
Выходилъ нашъ гонецъ на высокъ балконъ,
Онъ воскликнулъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ:

«Ты вставай, вставай, живой товарь!
Ты съ перваго конца жги—пали,
А съ другаго конца сѣки—руби,
А съ третьяго конца во полонъ бери,
На каждаго молодца цѣпь тяжелую клади.»
Закричали купцы, купцы астраханскіе:

— Какъ ни честь, ни хвала царю Бѣлому,
Какъ не взяли Астрахань городъ въ 30 лѣтъ,
А теперь взяли его ровно въ три часа!—

Разбойничьи толпы Заруцкаго разбѣяль Иванъ Никитичъ Олсевскій и взялъ Астрахань; ему выдали мятежника и Марину съ сыномъ его же соучастники; а Никита Ивановичъ, его племянникъ, въ званіи намѣстника астраханскаго, смирялъ Калмыковъ и другихъ инородцевъ, тревожившихъ русскіе предѣлы. Поэтому пѣсня могла легко смѣшать Ивана Никитича съ Никитой Федоровичемъ.

Казаки и разбойники, и послѣ усмиренія Астрахани, продолжали свои воровскія походы; такъ въ 1618 г. въ предѣлахъ Вологодскаго края жители разбѣжались по лѣсамъ отъ движенія набродной шайки въ 400 человекъ; закройщиками были *Митька Кубасовъ*, *Стенка Круловъ*, *Иванка Гурьевъ*.

Въ 1630 г. убитъ былъ на Дону казаками московскій посолъ *Иванъ Карамышевъ*; пѣсня, вѣроятно, по старинному имени, называетъ его *Семеномъ Константиновичемъ*, и приурочиваетъ событіе къ убійству его на Волгѣ, какъ воспѣвается о Ермакѣ.

Ужъ какъ внизъ-то было по матушкѣ Ка-
мышь-рѣкѣ,

Сопротивъ того было устьяца Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ, выплываетъ легкая лоточка,
Что во лоточкѣ сидитъ съ Москвы послан-
никъ царевъ,

Коромышевъ князь Семень да сынъ Констан-
тиновичъ.

Онъ во лѣвой рукѣ держитъ государевъ указъ;
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.

Что по крутому красному бережку,

Что по желтому сыпучему песочку,

Собирались козаки братцы во единый кругъ,

Они думали думу крѣпкую за единую:

Закатили они въ мѣдную пушку ядрышко чу-
гунное

И палили они во лоточку во легкую,
Потопили—подмочили государевъ указъ
И убили царскаго посланника.

Грозная расправа съ казаками царскихъ войскъ охладилъ горячія мечты въ вольныхъ головахъ—устроить самостоятельное казацкое государство, и въ 1634 г. казаки приняли присягу на подданство Россіи. Этимъ обстоятельствомъ не пресѣклись грабежи и разбои, потому что половина гулящихъ казаковъ не хотѣла повиноваться московскимъ властямъ. Власти же съ своей стороны не знали, что дѣлать имъ съ этой вольницей: правительство на словахъ льстило казакамъ и посылало подарки за службу; а другимъ землямъ отписывало, величая ихъ «ворами, бѣглыми людьми боярскими, которые утекаютъ изъ московскаго государства отъ смертной казни и переходятъ съ мѣста на мѣсто разбойническимъ обычаемъ.» Не унялись разбои и къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича; въ 1643 г. царь послалъ грамоту на Волгу, чтобы воеводы препятствовали засѣсть Донскимъ казакамъ въ городкѣ на устьѣ Яика. «А будутъ донскіе козаки учнутъ съ Дону на Яикъ приходить, и съ Яика для воровства на море и на Волгу ходить,—и вы бы на тѣхъ воровъ козаковъ посылали нашихъ ратныхъ людей и велѣли надъ ними промышлять всякими мѣрами, по прежнимъ нашимъ указамъ.» Въ это время въ Астрахани служилъ воеводой Борисъ Репнинъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Волконскимъ; вѣроятно, онъ стѣснялъ казаковъ, въ которыхъ возбуждалъ злость. Пѣсня сохранила этотъ строгій характеръ отношеній.

Какъ пониже было города Саратова,
Что повыше было города Царицына,
Протекала, пробѣгала мать Камышенка рѣка...
Вдоль плывутъ тутъ, выплываютъ трехвесель-
ные стружки,
Ой на тѣхъ стружкахъ все удалы молодцы...
Они въ весельцы гребутъ, сами пѣсенки по-
ютъ,
Они хвалятъ—величаютъ православнаго царя,

Православнаго царя и всея Россіи Петра;
Ой вленуть они, бранять князь Бориса Реп-
нина,

Со женою и съ дѣтьми и со внучатами.

Эта пѣсня опредѣленно относится ко времени Пет-
ра, хотя сложена въ половинѣ XVII в.; Борисъ Реп-
нинъ былъ стольникомъ 1627 г., упомянутъ бояриномъ
въ 1640 г., а скончался 1670 г. Другая пѣсня о Реп-
нинѣ имѣетъ иное содержаніе и окончаніе трагическое;
въ ней вмѣсто Бориса играетъ роль Данила Александро-
вичъ. Вотъ по славной рѣкѣ Камышенкѣ выгребали 50
легкихъ струговъ воровскихъ козаковъ; на каждомъ
стругу по 50 гребцовъ, становились на Коловинскихъ
островахъ въ тихихъ заводахъ и играли золотыми день-
гами; дожидались удалые губернатора изъ Астрахани.
Какъ завидѣли вдали гребныя суда, кинули свои потѣ-
хи и игры въ тавлеи, кости и карты, бросились въ лег-
кіе стружки.

А на что душа рождена, того Богъ и далъ...
Папущались козаки на гребныя струги;
Они всѣ тутю торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ губернатора изъ Астрахани:
«А то коли онъ съ вами, покажите его
намъ,

А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцевъ
Намъ и дѣла-то нѣтъ.»

Потаяли купцы губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ
свои,

Говорили молодцы, воровскіе козаки:
«А вы сами себѣ враги, за что его спряты-
вали!...»

Обыскали подъ товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части во мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыи со дѣтушками

Они всё молодцы, воровскіе козаки, помило-
вали;

А купцовъ молодецвъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги
И пошди по Камышенкѣ рѣкѣ.

Одно ли это лицо съ борисомъ Репнинимъ или дру-
гое, — рѣшить пока мудрено; П. А. Безсоновъ думаетъ,
что здѣсь разумѣется кн. Александръ Даниловичъ Мен-
шиковъ *).

Въ царской грамотѣ 1645 г. мая 28 говорится
объ усиленіи грабежей и разбоевъ по многимъ обла-
стямъ Россіи. «По нашему указу велѣно быть въ Суз-
далѣ, Шуѣ и въ Луху для сыску разбойныхъ дѣлъ ста
человѣкамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Въ 1644 г.
пойманъ у васъ становой разбойникъ Мишка Толстой
съ товарищами, а говорилъ онъ на товарищѣй своихъ
становыхъ разбойниковъ—*Гришку и Ваську Мурышки-
ныхъ* съ товарищами, на многихъ людей въ Костром-
скомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ... Марта 16 писали
намъ съ Костромы, что *Мурышкины* съ товарищами
разбиваютъ денно и ночью во многихъ мѣстахъ, людей
до смерти побиваютъ и дома пожигаютъ».

Этотъ Гришка *Мурышкиныхъ* поѣтически изобра-
жается въ одной старинной пѣснѣ, какъ атаманъ раз-
бойниковъ и притомъ дворянскаго происхожденія; вотъ
съ какими чертами является этотъ *становой разбойникъ*:

Собиралися Усы на царевъ на кабакъ
А сажались молодцы во единой кругъ,
Большой-то Усище и всѣмъ атаманъ,
А Гришка Мурышка—дворянской сыпъ,
Онъ самъ говоритъ, самъ усомъ шевелить:
«А братцы Усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходить, зима настаетъ,
А и надо чѣмъ Усамъ голова кормить,
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть,
Ахъ, нуте-тко Усы, за свои промыслы!

*) Пѣсни Кирѣевск. VIII, 295.

А мечтается по кузницамъ, накуйте топоры,
А накуйте ножей по три четверти...
Ахъ, знаю я крестьянина—богачъ добрѣ,
Хлѣба онъ не пашеть, да рожь продаетъ,
Онъ деньги беретъ да въ кубышку кладетъ,
Онъ пива не варить и сосѣдей не поить,
А прохожихъ людей ночевать не пущать,
А прямая дорога не сказывается...
Пришли они Усы ко крестьянскому двору,
А хватились за заборъ да металися на дворъ,
Ахъ кто-де во двери, атаманъ въ окно...
Ужъ полна-то избушка принабуркалася;
А Гришка Мурышка, дворянской сынъ,
Сѣлъ впереди подъ окномъ, самъ и локоть на
окно.

Онъ самъ говорить и усомъ шевелить:
«А и нутко ты, крестьянинъ, поворачивайся!
А и дай памъ Усамъ и попить и поѣсть»...

Тогда хозяинъ принесъ пять пудовъ толокна, а старуха три ушата молока; послѣ закуски разбойники просили крестьянина надѣлать ихъ животомъ, дать каждому по 50 р., а атаману—150 р.

А крестьянинъ-ать божится: «право, денегъ нѣтъ!»

А старуха-то ратится: «ни полушечки».

Но сынъ ихъ дуракъ говорить съ печи, что у ба-тюшки деньги есть, одѣлать всѣхъ можно, только отецъ копить все своимъ глупымъ зятьямъ. Атаманъ тотчасъ распорядился, чтобы ребята его брались за топоры, щепали лучину да валили крестьянина брюхомъ на огонь и со старухой. Послѣ поджариванья, хозяинъ одѣлалъ всѣхъ, сколько требовалъ Мурышкинъ. Поклонились Усы хозяину за то, что напоилъ—накормилъ и животомъ ихъ надѣлалъ; потомъ прибавили: «Мы опять къ тебѣ зайдемъ,—тебя убьемъ, дочерей твоихъ уведемъ, а дурака въ есаулы возьмемъ»...

Усиленіе разбоевъ въ XVII ст. вытекало изъ недостатковъ общественной и экономической жизни Русскаго народа. На всѣхъ путяхъ дѣятельности преслѣдовали человѣка утѣсненіе и оскорбленіе, гнались по слѣдамъ его нужда и лишенія, вездѣ сидѣлъ передъ нимъ запугивающій призракъ *Горя—Злосчастія*, —это неказистое олицетвореніе враждебныхъ обстоятельствъ! Удача-добрый молодець, не смотря на свои силы и энергію, умѣлость и находчивость, не могъ отвязаться отъ этого воплощеннаго злодѣя, лыкомъ подпоясанныаго; горе гналось по его пятамъ всюду и насмѣшливо твердило:

Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,

Горя горькаго вѣчно не смыкати!

Хотѣлъ ли молодець бѣжать отъ нужды крестьянской во житіе солдатское, но то житіе было невольное и связанное, а душа рвалась на просторъ. Шелъ ли молодець во торгъ торговать и наживалъ себѣ много добраго, и тутъ не было покою отъ придирокъ, грозила опасность лишиться нажитой казны. Вотъ онъ, бывало, возьметъ съ опаски и винца выкушаетъ, а горе подтолкнетъ подъ руку, и поставитъ онъ ребромъ копѣйку: «нагому босому шумить разбой». Натерпѣвшійся въ жизни неудачъ, онъ готовъ уже свернуть съ прямого и трудового пути, кинуться на чужое добро и мстить обществу, какъ ни попало.

Молодець пошелъ ишь дорогою,

А горе подъ руку подъ правую,

Научаетъ молодца богато жить,

Убити и ограбити.

Но вздрогнетъ честная душа при такихъ мрачныхъ думкахъ, вспомнитъ молодець спасенный путь и пойдетъ въ монастырь постригаться, но и тамъ не всякое сердце находило успокоеніе. Въ XVII стол. часто жизнь въ кельѣ не отвѣчала строгости правилъ и шло тамъ «пьянственное житіе многоазорное, мірскія угодія творили, чревоугодію посаждующе и лѣнностію содержащеса». У многихъ отъ этой картины смущался умъ, трепетала совесть; иногда монахи выходили на разбой или припра-

тывали грабежную рухлядь *). Народная нѣсія сохранила черты минувшихъ дней; она помнитъ, что

При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ
Было беззаконство великое:

Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ разбойницы.

И вотъ, когда уже горе несетъ костыль за молодцомъ, пожелавшимъ въ монахи, онъ задумывается, не махнуть ли изъ монастыря на Украину... Такъ обыкновенно шатался, метался даровитый русскій человекъ, запутанный горькими явленіями жизни, пока столкнутый собственной или насильной смертью во сыру землю, зарытъ бывалъ горешъ лютымъ....

Противъ этой-то незавидной доли бушевали смѣлые люди, хотѣли побороть ее, во имя свободныхъ правъ. Казаки, разсѣявшись по всѣмъ областямъ Россіи, дѣйствовали зажигательно этимъ *именемъ свободы*, такъ что послѣ междоусобицъ бѣжала въ ихъ ряды отъ рабства едва ли не третья часть крѣпостныхъ. Разумѣется, кровавые протесты народа не давали покоя правительству, забравшему въ свои руки страшную силу и власть, заставляли дѣятелей государственныхъ извертываться на всѣ лады для усмиренія безпокойной вольницы, жестоко заявлявшей свои желанія и вынуждавшей къ уступкамъ. Тутъ бояре не могли спать спокойно и образовать изъ себя аристократію или шляхетство, къ чему стремились въ XVII стол.; а глава правительства не въ силахъ былъ оставаться одностороннимъ рабомъ барства и помынать народомъ, какъ польскими хлопами, между которыми не было никакого движенія противъ угнетателей болѣе 500 лѣтъ. Живучая сила народа Русскаго давала себя знать при всякомъ удобномъ случаѣ и не довела его до позорнаго хлопства; говоря короче—одна крайность крутой неподатливой власти вызывала другую крайность со стороны сдавленной народной силы, стремившейся къ лучшему устройству своего житья-бытья. Тоже казачь-

*) Аг. экон. III, № 285; IV, № 116. 208. 328.

ство, которое содѣйствовало разложенію Речи Посполитой, принесло громадную пользу Русскому государству, какъ болѣе терпимому къ народнымъ массамъ и болѣе близкому по воззрѣніямъ и быту къ украинскимъ вольнымъ людямъ. Здѣсь то кроется причина, почему Русскій народъ, не смотря на разоренія отъ разбойниковъ и казаковъ, съ такимъ одушевленіемъ и сочувствіемъ воспѣваетъ доселѣ заслуги этихъ передовыхъ бѣйцовъ за свободныя права низкихъ и темныхъ людей.

II.

Въ малолѣтство царя Алексѣя Михайловича, бояре забрали громадную силу и стали грубо притѣснять народъ, а юный вѣнценосецъ, по старинному выраженію, только «глядѣлъ изо-рта у бояръ,» т. е. говорилъ ихъ устами. Это явленіе, однако, не прошло даромъ: бунтъ московскій противъ Морозова и компаніи бояръ взволновалъ многія области; крестьяне, впрочемъ, открытымъ протестомъ не добились ничего, и значительно проиграли. Боярамъ удалось, со времени Уложенія 1649 г., окончательно закрѣпить народъ за помѣщиками и выдвинуть свою силу. Это закрѣпощеніе служило одной изъ существенныхъ причинъ увеличенія бѣглыхъ съ половины XVII стол.; а въ слѣдъ затѣмъ встрѣчаются цѣлые ряды чело-битныхъ отъ помѣщиковъ, которые жалуются, что ихъ сильно разоряютъ разбойники, бывшіе ихъ крѣпостные люди. «Оборони, государь, пишется въ этихъ просьбахъ, вору ѣздить многолюдствомъ съ огненнымъ оружіемъ, многія села разоряютъ и жгутъ, помѣщиковъ мучатъ и до смерти побиваютъ». Но помимо крѣпостнаго права, много было причинъ къ побѣгу во внутреннемъ неустройствѣ государственнымъ, въ злоупотребленіяхъ служилыхъ и приказныхъ людей, въ тяжелыхъ поборкахъ и т. под. Сыщики старались рассадить по тюремнымъ мѣстамъ схваченныхъ бѣглецовъ, но усилія ихъ не достигали цѣли: послѣ наказанія кнутомъ за побѣгъ, они естественно снова уходили и приставали къ разбойникамъ. Тя-

желая работы вынуждали иногда и небѣглыхъ крестьянъ мѣнять честный трудъ на воровскія дѣйствія; такъ въ 1654 г. казаки разорили Нижне-Яицкій учугъ гостя Гурьева,—и рабочіе охотники примкнули къ нимъ. Казачество умножалось бѣглецами, становилось сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и разбой. Въ 1659 г. около городка Паншина казаки воровскіе основали даже свой городокъ и выходили изъ этого притона для грабежей на Волгу, подъ предводительствомъ *Ивашки* и *Петрушки*. По Донцу также проѣзды не были безопасны: тамъ *Грицка Торискій* съ толпой Черкасъ разбивалъ пословъ турецкихъ, крымскихъ и русскихъ; воры грабили даже Святогорскій монастырь. Въ 1664 г. 13 іюля, старецъ Іовъ объявилъ, что «приходили въ Святія горы Черкасы, 8 человекъ и сказали, что они съ атаманомъ своимъ *Безперстымъ*, въ числѣ 70 человекъ, ходили въ Мордву, а теперь дожидаются въ окрестностяхъ горъ крымскихъ гоццовъ и посланниковъ государевыхъ, чтобы обобрать ихъ». Кромѣ этой шайки, другіе воровскіе Черкасы лежали около Св. Горъ по Донцу и около посольской дороги.

Передъ появленіемъ Стеньки Разина, сыскныя команды вели борьбу съ разбойниками въ Казани, Нижнемъ, Алатырѣ, Курмышѣ, Пошехонѣ, Унжѣ, Тотмѣ; на Волгу бѣжали безпкойные люди съ Воронежской украины; тамъ разбойничалъ и разорялъ помѣщиковъ атаманъ Васька *Усз* съ бѣглецами крестьянами, а потомъ сдѣлался есауломъ Разина. Въ 1667 г. разбой разлились по всей Россіи, не смотря на грозный законъ — казнить не только за разбой и укрывательство, но и за то, что если кто слышалъ крикъ и не вышелъ на помощь.

Всѣ эти задорныя броженія вольницы, какъ ручьи и рѣчки въ половодье, слились въ одну бурливую широкою рѣку при Стенькѣ Разинѣ, и захлестнули своими волнами множество мирныхъ жителей и увлекли въ свой порывистый водоворотъ не мало жертвъ и сокровищъ. Народная пѣсня передала потомству очень много явленій изъ походовъ Разина, и въ ея изображеніяхъ есть доля исторической истины.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по словамъ Котошихина, въ числѣ Донскихъ казаковъ находились москвичи, Татары, Поляки, торговые люди и крестьяне, «которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ; и покрадчи и пограбя своихъ бояръ, уходятъ на Донъ; и бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ—нибудь прѣхать къ Москвѣ, и до нихъ напередъ дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни вороваль, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить своя воля, а ежели бы имъ воли не было—и они-бъ на Дону служить и послушны быть не учали»... Большая часть этой набродной вольницы, разгуливая для поживы на Азовское море и на Волгу; только главные старшины и зажиточные казаки предпочитали повиновеніе Московскому царю, за что доставалось имъ отъ голытьбы; *зипунники* и *хармазинники* стояли между собою во враждебномъ отношеніи. Это раздвоеніе особенно ярко обозначилось при началѣ возмущенія Разина: атаманъ Корнило Яковлевъ старался водворить на Дону законный порядокъ и на его сторонѣ были домовитые казаки; а Разинъ собралъ подъ свое крыло бѣдняковъ и всю голь кабацкую. Пѣсня весьма вѣрно опредѣлила эти отношенія казацкія:

У насъ то было, братцы, на тихой Дону,
Породился удалъ добрый молодець,
По имени Стенька Разинъ Тимофеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ;
Ходилъ—гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпко думушку съ голытьбою:
«Сударь мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине—море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы казны сколько надобно».

Дѣйствительно, Стенька погулялъ съ своей голой толпой по Азовскому морю и пограбилъ берега турецкіе, разбивалъ басурмански корабли, но потомъ напра

вилъ свой сбродъ на Волгу, ограбивъ предварительно на Дону зажиточныхъ казаковъ. Высадился Разинъ недалеко отъ Царицына и скоро успѣлъ разграбить караванъ судовъ съ царскимъ хлѣбомъ, съ товарами патріарха и частныхъ лицъ; преступниковъ, осылаемыхъ въ Астрахань, онъ освободилъ отъ оковъ, и они чинили потомъ разоренье, мученья и грабежи «лучше притыхъ донскихъ казаковъ». Эти походы Рязина внушили жителямъ и начальникамъ суевѣрный ужасъ и вѣру въ чародѣйскую силу атамана; симбирскій воевода князь Иванъ Дашковъ писалъ въ 1668 г. 29 іюня: «Донскіе—де козаки атаманъ *Стенька Разинъ*, да ясаулъ *Ивашко Чернырецъ*, а съ нимъ съ 1000 человекъ, да къ нимъ же де пристають, по ихъ подговору, волскіе арышки, караванъ астраханской остановили выше Царицына. А какъ они воры мимо Царицына Волгою плыли изъ Царицына—де стрѣляли по нимъ изъ пушекъ, и пушка—де ни одна не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ, а стояли отъ города въ 4-хъ верстахъ, и присылали они на Царицынъ ясаула, чтобъ имъ дать Льва Плецеева да купчину Кызылбашскаго; и взяли на Царицынѣ у воеводы наковальню и мѣхи и кузнечную снасть, а далъ имъ онъ, убоясь тѣхъ воровъ, что того атамана и ясаула пицаль, ни сабля—ништо не возметъ, и все—де войско они берутъ».—Если вѣра въ чудесную силу Рязина проглядываетъ въ официальныхъ донесеніяхъ, то въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ—и подавно, какъ увидимъ ниже.

Когда 35 струговъ Стенькиныхъ поплыли отъ Чернаго Яра къ Астрахани, встрѣтился имъ воевода *Семенъ Беклемишевъ*; они его ограбили безъ остатку, руку чеканомъ прорубили, плетью били и на мачту вѣшали, но отпустили живаго. Можетъ быть, этотъ случай примѣнялъ къ прежней пѣсни объ убійствѣ Ивана Карамышева на Дону имя Семена, будто бы убитаго казаками на Волгѣ, какъ означено нами выше. Не смотря на славу чародѣя, которая разнеслась въ народѣ, Разинъ былъ однако весьма остороженъ, прошелъ въ тихомолку мимо

Астрахани и выплылъ въ море въ началѣ іюня. Это путешествіе пѣсня сопровождаетъ совѣтомъ атамана Разина:

«Охъ, вы гой еси ребята,
Удады, добры молодцы!
Работайте, не робѣйте,
Бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте:
Во полночь бы намъ, ребята,
Астрахань—городъ проѣхать,
Да никто бы насъ не видѣлъ,
Да никто бы насъ не слышалъ».

Въ 1668—69 г. Разинъ взялъ Яикъ, затѣмъ разгромилъ много торговыхъ персидскихъ городовъ по берегамъ Каспійскаго моря, разбилъ 70 персидскихъ судовъ, посланныхъ противъ него, взялъ въ плѣнъ дочь начальника ихъ Менеды-хана и его сына, по имени Шабунь-Дебея. Послѣ такой удачи, сотоварищи Разина имѣли полное право распѣвать, что они разбили ба-сурмански корабли и полонили, дочь Мурзы Турскаго, молодую Урзамовну (см. выше о Ермакѣ). Они могли похвалиться послѣ трудныхъ кровавыхъ подвиговъ съ Персіанами и во время ночныхъ холодовъ іюльскихъ на Каспійскомъ морѣ въ такихъ выраженіяхъ:

«Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныхъ, людей бѣглыхъ;
Мы не воры, не разбойнички,
Стѣнки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—корованъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

Долговременная стоянка товарищей Разина на морѣ, отсутствіе прѣсной воды и недостатокъ хлѣба служили причиной распространенія болѣзней и смертности между ними. Къ тому же они должны были провести цѣлую зиму на острову и дѣлать набѣги на сосѣдніе острова. Эта зимовка оставила слѣдъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Тихохонько сине море становилося,
Ни чѣмъ наше Каспійское не шевельнулося,
Что осеннимъ ледочкомъ покрывалося,
Замерзъ-то нашъ воровской стружокъ.
Что на томъ ли на стружкѣ атаманъ сидитъ.
Что по имени Степанъ Тимоѣевичъ,
По прозванью Стенька Разинъ сынъ.
Онъ рѣчь говорить, какъ въ трубу трубить:
«Ай вы гой еси удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатяя веселечки,
Вы бейте—пробивайте тонкой осенней ледъ;
Ахъ, какъ бы намъ добиться до тихихъ мѣсть,
Что до той ли до проточинки Червоныя,
Что до славнаго до острова Кавалерскаго.
Ахъ, тамъ ли вамъ, братцы, дуванъ дѣлать:
Намъ отласу и бархуту по размѣру всѣмъ,
Золотой парчи по достоинствамъ,
Жемчугу по молодечествамъ,
А золотой казны сколько надобно».

Дѣйствительно, награбленныхъ товаровъ у Персианъ было множество и дѣлать можно было богатя издѣлія, во время зимовки и попить и поиграть ими. Пѣсня, касаясь этого вольнаго житья на островахъ, радостно привѣтствуетъ весенній разломъ льду:

Что пропились ребятушки, промотались,
Во косточки и въ карты проигралися;
На что-то мы, робята, понадѣялись?
Понадѣялись робятушки на сине море...
Поглядите мы, робята, на сине море:
Какое-то наше море становилося,—
Что ничѣмъ наше Хвалынское не ворохнется,
Замерзало наше судно въ воровскихъ островахъ.
Потянула тутъ погода со святой Руси,
Какъ взломало наше море изъ конца въ конецъ,
Выплываетъ наше судно съ воровскихъ
острововъ

И мы взяли это судно да поѣхали,
Что развѣхавшись робята роззаводились.

Т. е. когда поплыли по морю, обзавелись снова добычей и вернули зимній проигрышъ; въ это время, какъ извѣстно, они нападали на Трухменскіе улусы для добыванія пищи и 10 недѣль прожили на Свѣномъ острову; въ стычкѣ съ Трухменами убитъ былъ отважный пріятель Разина *Саражска—Крисой*. Можетъ быть, этотъ случай представленъ такъ ярко въ одной пѣснѣ, когда на островѣ Кругломъ пойманъ былъ асаулъ, лучший изъ молодецъ; какъ бы то ни было, а эта пѣсня относится ко времени стоянки Разина на островахъ Каспійскихъ; тогда высылки изъ Астрахани для провѣдыванія воровъ были частыя.

Какъ изъ славнаго царства Астраханскаго,
Что не грозная тутъ туча подымалася,
Подымалась, смаряжалась грозна высылка,
Что разѣздъ она держитъ до Кругла острова,
До славнаго пристанища молодецкаго,
До соборища бурлацкаго, до притоу ли
козцакаго.

Козаки тамъ суда догадалися,
Что во легкія во лодки пометалися,
Однаго ли добра молодца покинули,
Что ни лучшего ль изъ молодецъ, асаула.
Добрый молодецъ по острову похаживаетъ,
И онъ добрую свою фузою за плечамъ носить,
И онъ острою своею саблей подпиратся,
Самъ горячими слезами обливатся.
Онъ вѣкричалъ ли, возопилъ ли громкимъ
голосомъ:

«Государи мои, братцы-товарищи!
Не покиньте добраго молодца при бѣдности,
Ужъ какъ въ нѣкое время пригожусь я вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
Животомъ моимъ и грудью бѣлою».
Какъ товарищи отъ молодца уѣдали, —
Поймали молодца на островѣ.

Награбивъ множество сокровищъ, Стенька Разинъ
приплылъ къ Астрахани съ повинной и произвелъ замѣ-

чательно впечатлѣніе на народъ. Преданіе современниковъ говоритъ: «Поистинѣ Стенька Разинъ богатъ приѣхалъ, что и невѣроятно были мнится: на судахъ его веревки и канаты всё шелковыя и паруса также всё изъ матеріи персидской шелковыя учинены». (Москвит. 1841 г. IV). Во многихъ пѣсняхъ воровской корабль или разбойничьи струги описываются со снастями шелковыми, о 12 тонкихъ парусовъ и т. под. Въ сентябрѣ 1669 г. прощенный царемъ Разинъ отправился мимо Царицына на Донъ, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года уже двинулся его передовой отрядъ снова на Волгу для разбоя и грабежа. Възвѣ Царицынъ и Камышинъ, Стенька Разинъ направился съ своей дружиной, доходившей до 10,000 человекъ къ Астрахани; его лазутчики тайно работали всюду по Волгѣ и подговаривали стрѣльцовъ держать сторону атамана. Такой тайный агентъ или сынокъ своего батюшки Разина попался въ Астрахани; его страшно истерзали въ пыткахъ и потомъ повѣсили. Относящуюся сюда пѣсню о сынѣ Разина я сообщаю, какъ она распѣвается въ Дипецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. въ с. Бутыркахъ.

Какъ во славномъ городѣ, во Астрахани
 Очутился, проявился незнакомый человекъ;
 Онъ и шепетко по городу похаживаетъ,
 На немъ бархатный кафтанчикъ на распахочку,
 Черна шляпа цуховая съ прозументами.
 Съ астраханскими купцами онъ не зчется,
 Астраханскому губернатору чедомъ не бьетъ,
 А водить онъ за собою голь кабацкую.
 Какъ заидѣлъ губернаторъ изъ косянцата окна,
 Воскричалъ же губернаторъ: слугамъ вѣрнымъ
 своимъ:

«Вы подите, приведите удалова молодца!»
 Какъ искали добра молодца по Астрахани,
 По трактирамъ, кабакамъ, по питейнымъ

домамъ,

Нашли, нашли молодца во царевомъ кабакѣ,
 Во царевомъ кабакѣ, — зеленое вино пьетъ.

Какъ и взяли, подхватили подъ бѣлыя рученьки.
Приводили молодца къ губернатору на дворъ.
Воскричалъ же губернаторъ со высокаго

крыльца:

«Ты скажи, скажи, дѣтина, незнакомый
человѣкъ!

Ты ли княжескій, иль барскій, иль
купеческій сынокъ?

Ты съ Москвы ли купецъ, или съ Дону
молодецъ?»

Отвѣчаетъ тутъ дѣтина губернатору:

—Я не княжескій, не барскій, не купеческій
сынокъ,

А со матушки со Волги, Стеньки Разина я
сынъ.

Какъ завтра мой батюшка хотѣлъ въ гости
къ тебѣ быть,

Ты изволь его встрѣчать, изволь подчивать;
Опъ и пива не пьетъ, вина въ ротъ не беретъ,
Онъ гостинчики свои на поклонъ тебѣ несетъ.
Воскричалъ же губернаторъ со высокаго

крыльца:

«Вы возьмите, отведите въ бѣлокаменну
тюрьму!»

Какъ удаленькій молодчикъ да посиживаетъ
И въ окошечко на Волгу онъ поглядываетъ:
Ужъ на Волгѣ на рѣкѣ заблѣлися стружки,
Какъ во лодочкѣ косной Стенька Разинъ
сидитъ самъ, *)

Добры молодцы гребутъ, сами пѣсенки поютъ:
«Ужъ мы эту тюрьму по камушкамъ
разберемъ,

Всѣхъ охотничковъ, невольничковъ мы
выпустимъ». **)

---

*) Поютъ вмѣсто Стеньки—Сенька.

**) Множество самыхъ разнообразныхъ вариантовъ этой пѣ-
сни см. *Киртесск.* VII, 34—40. 144; VIII, 317.

Послѣдняя угроза—выпустить изъ острога арестантовъ—исполнялась всегда и Пугачевымъ и Разинымъ и другими сильными атаманами разбойниковъ, которые брали города русскіе,—и эти освобожденные заключенники дѣйствовали потомъ болѣе свирѣпо, чѣмъ казаки или другіе воры.—Сынки Разина, подосланные въ Астрахань, сдѣлали свое дѣло удачно: городъ былъ взятъ 24 іюня; сами служилые и посадскіе люди, настроенные въ пользу атамана, дѣйствовали противъ царскихъ воеводъ приказныхъ и своихъ начальниковъ. Раненаго воеводу Прозоровскаго Стенька повелѣ самъ къ раскату и столкнулъ внизъ головою; а 13 іюля пьяный и необузданный атаманъ велѣлъ повѣсить за ноги двухъ сыновей воеводы; одному было 16 лѣтъ, а другому только 6 лѣтъ.—Пѣсня и на этотъ разъ откликнулась и занисала кровавую драму въ народной памяти; тутъ встрѣчается намекъ и на взятіе Астрахани въ раннюю пору дня, которое случилось въ 4-мъ часу утра,—и на измѣну стрѣльцовъ, почему Разинъ, зная заранѣе о будущемъ, могъ прямо говорить, что его ни пуля не тронетъ, ни ядро не возьметъ.

Въ пѣснѣ Прозоровскій названъ Черноярскимъ воеводой, такъ какъ Черный Яръ служилъ мѣстомъ для разбойничьихъ предпріятій. Стенька приказываетъ товарищамъ пробѣжать Астрахань, чтобы никто не замѣтилъ;

Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ

И одинъ, братцы, услышалъ,

Господинъ большой бояринъ,

Астраханскій воевода:

Шолъ отъ рання обѣдни,

Велѣлъ въ колоколъ звонити,

Во большой да во набатной,

Чтобъ стрѣльцы да собирались,

Пушкарѣ бы снаряжались,

Они пушки бѣ заряжали

И по Стенькѣ бы стрѣляли.

Што возговоритъ Стенька Разинъ:

«И вы пороху не теряйте,

И ошаридовъ не лошайте, —
Меня нулечка не тронетъ,
Меня ядрышко не возьметъ!
Что метался Стеньга Разинъ
На угольную на башню,
Со великова раскату
Воеводу долой сбросилъ,
Его маденькиихъ дѣтокъ
Онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

Послѣ неудачнаго дѣла подъ Симбирскомъ въ октябрѣ 1670 г. Разинъ бѣжалъ съ шайкой казаковъ на Донъ; его сотоварищей пачали мало по малу разбивать въ разныхъ мѣстахъ, забирать въ плѣнъ или вѣнчать. Къ этому времени надо отнести слѣдующую грустную пѣсню:

Вы лѣса мои, лѣса, братцы, лѣсочки, лѣса
темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки,
кусты частые!
Вы станы ли мои, вы мои братцы, станочки,
всѣ поразорены!
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки всѣ
норублены;
Какъ и всѣ-то мои, братцы, кусточки всѣ
повыжжены,
Какъ и всѣ-то мои братцы товарищи, всѣ
половлены!
Не пойманъ изъ насъ, братцы, товарищъ нашъ
Отенька Разинъ сынъ.
Выходилъ же тутъ Отенька Разинъ сынъ
на Дунай рѣку,
Закричалъ же тутъ Стеньга Разинъ сынъ
своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ и всѣ-то вы, мои братцы товарищи,
всѣ положены!
Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой
тугой лукъ,

Натавите-тко, браццы мои товарищи, калену
стрѣлу,
Прострѣлите-тко, братцы товарищи, грудь мою
бѣлу!»

(Пѣсни Киргизск. VII, 40).

Народное преданіе говоритъ, что Стеньку Разина не брали ни огонь, ни вода, ни сталь, ни самонецъ, потому что онъ умѣлъ заговаривать всякое оружіе; мойнать его почти не было никакой возможности, а сковать и недавно: самой хитрой головѣ не удавалось придумать средствъ удержать атамана въ ирѣнскихъ желѣзакъ и въ каменныхъ стѣнахъ острога; ни одинъ дока-знахарь не могъ одолѣть его. Случалось, ловили его, но онъ тряхаетъ кандалами—и онѣ летятъ съ рукъ и съ ногъ; выстрѣлятъ въ него чуть не въ упоръ изъ ружья—шуга отскакиваетъ, какъ горохъ отъ стѣны, а Стенька со смѣхомъ приговариваетъ:

«Ваши пушки меня не возьмутъ,
Легки ружьица не проймутъ:
Ужъ какъ возьметъ ли, не возьметъ
Астраханска дѣвка Маша.»
По бережку Маша ходитъ,
Шелковымъ платкомъ машетъ,
Шелковымъ платкомъ макала,
Стеньку Разина прельстила;
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранный столъ посадила,
И до-пьяна напоила,
На кровать спать положила—
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодью,
Что сковали руки, ноги
Желѣзными кандалами;
Посадили же да Стеньку
Во желѣзную во кѣтку,
Три дни въ городѣ возиди,

Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться.
Онъ во клѣткѣ окатился—
И на Волгѣ очутился.

Но не вѣкъ было суждено атаману-чародѣю разгуливать по Россіи и заниматься грабежомъ; его дѣло проиграно окончательно подъ Симбирскомъ. Когда степные старшины донскихъ казаковъ узнали, что сила его чародѣйнаго заговорнаго слова уже миновала, взяли Разина удобно, заковали въ кандалы и привезли въ Москву. Говорятъ, будто онъ, сидя въ темницѣ въ ожиданіи казни, выразилъ свои чувства въ видѣ завѣщанія въ слѣдующей пѣснѣ:

Схороните меня, братьцы, между трехъ дорогъ:
Межь Казанской, Астраханской, славной
Кіевской;

Въ головахъ моихъ поставьте животворный
крестъ,

Во ногахъ моихъ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей вострой, вострой сабли испужается,
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодець,
Стенька Разинъ по прозванью, Тимоѣевичъ.

Но по всему вѣроятію, эта пѣсня составлена приверженцами Разина по его смерти, какъ распѣваемая съ нею виѣсть о его казни. Атамана вершили 6-го Іюня 1671 г. на Красной площади, отсѣкли ему руку и ногу, потомъ голову, разбили члены на колья и поставили на болотѣ.

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна моря,
Замѣшался весь козачій кругъ:
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѣевича,
По прозванью Стеньки Разина!

Поимали добраго молодца,
Заковали руки—ноженьки,
Привезли во каменну Москву,—
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Пѣсня согласна на этотъ разъ точно съ суровой исторической истиной; но молва стариковъ въ теченіе всего XVIII стол. ходила изъ устъ въ уста, что Стенька и не думалъ умирать, а живетъ на отдаленномъ островѣ и многіе видали его своими глазами. Въ этомъ своеобразномъ преданіи, которое можно слышать и теперь въ народѣ, есть особый смыслъ: дѣйствительно, Разинъ долго не умиралъ въ своихъ сообщникахъ, т. е. не замеръ духъ его своеволія въ извѣстной средѣ народной. Онъ «очутился» опять на Волгѣ и на Дону, гулялъ по всей широкой Россіи, наводилъ грозу и ужасъ, особенно на высшіе классы общества. Дѣтушки или сынки Стеньки Разина, потерявъ своего атамана, рассыпались мелкими шайками по Россіи: они являются даже на крайнемъ сѣверѣ во время соловецкаго возмущенія, разбойничаютъ по Волгѣ и въ дѣсахъ воронежскихъ. Превосходная пѣсня знакомить съ характеромъ жизни этихъ сынковъ атамана:

Какъ не буйные вѣтры во чистомъ полѣ
бушевали,

Бушевала бѣла грудь красной дѣвицы,

Раздиралось ретиво сердечко у молодушки;

Тосковала красна дѣвица по любовничку,

Возрыдала еще голубушка по обманчику,

Во зрыданьицѣ она рѣчи молвила:

«Ахъ, на что меня родители породили?

А на что меня на свѣтъ пустили?

Для того ли, чтобъ кручиниться?

Для того ли, чтобъ мнѣ вѣкъ печалиться?

Какъ и былъ у меня милъ сердечный другъ,

Онъ любилъ меня и жаловалъ,

Много злата—серебра обѣщивалъ;

Онъ частехонько говаривалъ:

— Я куплю тебѣ, дѣвица, цвѣтное платье,
А на шею твою бѣлу жемчужны жерелья,
На головушку твою золотой повойникъ,
Я сострою тѣ, дѣвица, каменны палаты,
Я поставлю во палатахъ кровить тесовую,
На кроватку положу перину пуховую,
Я покрою постелюшку одѣломъ соболынымъ;
Я частенько буду, дѣвица, къ тебѣ ѣзжати
И со Волги со разбою буду отдыхати. —
А уѣхалъ злой разбойникъ со мной

не простился,
Ужъ и съ той поры злодѣй со мной
не водился.

И не вѣдала я дѣвица ровно 10 лѣтъ,
Гдѣ злодѣй живетъ, гдѣ разбойничаетъ.
Услыхала я дѣвица на одиннадцатый годъ,
Что поймали разбойничка на большой Волгѣ
рѣкѣ,
Допросили разбойничка, изъ какого роду —
племени онъ былъ?

Показалъ злодѣй разбойникъ, что онъ
Стеньки Разина былъ сынъ». —
(*Пѣсни Курьес.* VII, 42).

Стояло большіихъ хлопотъ, чтобы подавить расшевелившіяся массы народа въ концѣ XVII стол.; онѣ дѣйствовали именемъ Разина, думали и гадали съ нимъ за-одно и имѣли смѣлость продолжать его начинанія. Причины, породившія громаднѣйшій бунтъ, не уничтожались; а потому не переводились и послѣдователи его возрѣнія, только они дѣйствовали отдѣльными шайками и раздробленно. Одно имя Разина долго заключало въ себѣ магическую силу для казаковъ, а разбойники всегда считали себя его дѣтушками и работничками, ставили его идоломъ молодецескихъ похожденій. Объ немъ частенько вспоминали и лица правительственныя: такъ А. С. Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной, что онъ совѣтывалъ царю Алексѣю Михайловичу вора Стеньку Разина изъ Астрахани не отпускать, для многихъ его

воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море... «Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ разспрашивали и очныя ставки давали, а меня боярина безъ суда осудили!» Въ 1677 г. Донскіе и Яицкіе казаки погромили Калмыковъ, которые признавали власть государя, ходили съ атаманомъ *Иматьевымъ* и вернулись назадъ по убѣжденію Змѣева. Тогда же Яицкіе казаки взяли Гурьевъ городокъ, забрали царскую казну и пушки; разбитые Мамоновымъ, они бѣжали и 230 человекъ поселились на островѣ Сары, гдѣ стоялъ Разинъ. Московское правительство испугалось, опасаясь повторенія похѣжденій Стенькиныхъ. Полковникъ Цыклеръ говорилъ: «Какъ буду на Дону у городского дѣла Таганрога, то, оставя службу, пойду съ Донскими козаками къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что и Стенька Разинъ».

Послѣ Разина правительство строже стало присматривать за движеніями Донскихъ казаковъ, а количество бѣглыхъ увеличилось; необходимость заставляла итти куда-нибудь на промыслъ, и вотъ Донцы собираются ударить то на Калмыковъ или на Хиву, то хотятъ помогать Полякамъ въ войнѣ съ Крымскими Татарами; но боясь Москвы, шлютъ отписки: «И мы, холопы ваши, безъ вашего указа итти не смѣемъ... что укажете»? Но кто посмѣлѣе и бѣднѣе, тотъ не дожидался указа и шелъ по стопамъ Стеньки Разина. Такъ въ 1683 г. атаманъ *Максимъ Скалозубъ* собралъ толпу охочихъ казаковъ, пошелъ—было на непокорныхъ Калмыковъ для *зипуна*, но приступилъ къ Царицыну и хотя былъ отбитъ, но въ жестокой сѣчѣ пало много государевыхъ людей. Войсковою атаманъ *Фролъ Минаевъ* писалъ по этому поводу В. Голицыну, чтобы не посылали изъ Москвы съ увѣщаніями къ Скалозубу: «Теперь у насъ стало тѣсно (*на Дону*), вольницы много, унимать намъ ихъ нельзя, потому что всѣмъ намъ старшинамъ отъ *золутьбы* теперь стало тѣсно. Призывали вора Стеньку Разина, и этимъ призывомъ его испортили; а Скалозубъ, ходя на низу безъ пристанища, пропадетъ скоро».

ка улюдила и стало нечѣмъ прокормиться, а тутъ къ концу XVII в. пошли новыя стѣсненія для казаковъ: Петръ Великій взялъ Азовъ и Фроль Минаевъ съ отрядомъ казаковъ первый засѣлъ и укрѣпился на валу; явились строгія приказанія, чтобы не ходили для грабежа Турокъ и Татаръ. Фроль Минаевъ былъ героемъ донцовъ и потому оставилъ по себѣ въ народной памяти славу защитника интересовъ голи кабацкой, которой надо выйти изъ тяжелаго положенія, хотя строго держалъ сторону Москвы, онъ является ходатаемъ за казаковъ, чтобы царь позволилъ имъ порасправить плечо богатырское и пожить на счетъ басурманъ. Въ пѣснѣ поется: приуныли казаки на Дону, государь взялъ у нихъ съ славной Кубалью и крѣпкій Лютикъ; въ Земляномъ городѣ Черкасскомъ передъ золотымъ бунчукомъ (подаренъ 1706 г.) и чуднымъ крестомъ стоитъ войсковою атаманъ Фроль Минаевичъ. Собирались ко кресту донскіе, гребенскіе казаки и запорожски хохлачи; сталъ среди круга войсковою атаманъ и говоритъ рѣчи, какъ въ трубу трубить: «вотъ, братцы, пособи́те мнѣ думу думать—самому ли ѣхать къ государю или послать челобитную:

Залегли пути-дороги за сине море гулять,
А не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ на Дону на Иванычѣ».

Поѣхалъ самъ атаманъ въ каменну Москву (былъ въ первый разъ въ 1694 г.), поклонился грозному царю Петру Алексѣевичу *о праву руку* и сквозь слезы едва словечко выговорилъ:

«Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормиться,
Залегли пути-дорожки за сине море».

Государь укзаываетъ, что у атамана есть свой казначій судъ; если что непорядочно, то надо разсудить и расправиться.

Разбои по многимъ областямъ Россіи вызывали строгія мѣры Петра къ ихъ искорененію: разсланы были сыщики по всѣмъ городамъ, постановлены старосты для розыска, съ правомъ судить и наказывать воровъ; но

охранители порядка, по малолюдству и безсилію, рѣдко вступали съ ними въ борьбу, а иногда отпускали на свободу и получали часть изъ награбленнаго, какъ подробно значится въ указѣ 2 сентября 1695 г. Черезъ два года помѣщики и вотчинники Шуйскіе писали, что у нихъ въ городѣ и уѣздѣ «воровства явились многія отъ воровскихъ людей; имъ и людямъ ихъ въ домахъ жить не мочно, крадутъ и разбиваютъ и по дорогамъ грабятъ и людей побиваютъ» и проч.

Къ числу недовольныхъ казаковъ и крѣпостныхъ людей присоединились и стрѣльцы, изъ которыхъ многіе участвовали въ бунтѣ Разина; они задумали въ 1698 г. идти къ Москвѣ съ литовской границы и истребить всѣхъ Нѣмцевъ, казнить бояръ и вельможъ и возстановить свой порядокъ управленія. Но московское войско подъ предводительствомъ иностранцевъ взяло перевѣсъ, и страшная казнь постигла несчастныхъ. Не смотря на всевозможные роды пытокъ, стрѣльцы не могли указать виновниковъ заговора и умирали на колесѣ, висѣлицѣ или подъ сѣкирою палача въ ужасныхъ мученіяхъ. Изумнительны были пытки и казни, за то и твердость и жесточенность стрѣльцовъ превосходила всякое вѣроятіе. Корбъ пишетъ, что они видимо торопились избавиться жизни и многіе сами надѣвали петли на шею и бросались съ подмостокъ, не дожидаясь толчка палачей. Эту твердость и жесточеніе изображаетъ пѣсня въ лицѣ атамана стрѣлецкаго:

Изъ Кремля ли, Кремля крѣпкаго,
Изъ дворца ли, дворца государева,
Что по Красной славной площади
Ведутъ молодца атамана стрѣлецкаго.

Ведутъ его на казнь, хотятъ повѣсить; рядомъ идетъ грозный палачъ; сопровождаютъ его отецъ, мать, жена и дѣти; они молятъ—просятъ его со слезами, чтобы онъ повинился и тѣмъ заслужилъ прошеніе. Но молодецъ совершенно ожесточился и родственныя чувства какъ-будто замерли въ немъ, а на первый планъ выдвигаются отношенія политическія или общественныя:

Каменѣтъ сердце молодецкое:
Онъ противится царю, упрямствуеъ,
Отца—матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуеъ.

Въ иныхъ пѣсняхъ вмѣсто капитана или атамана стрѣleckаго является большой бояринъ, а также и атаманъ разбойниковъ; всѣ эти личности какъ будто выхвачены тоже изъ конца XVII в. *)

Грозная расправа съ стрѣльцами ничего не общала добраго вольности мъ казацкимъ при Петрѣ, и потому начались движенія въ Азовѣ и на Дону. Въ Черкасскѣ толковали, что въ отсутствіе государя «боярамъ мы не будемъ служить, и царствомъ имъ не владать!» Въ Азовѣ старый стрѣлецъ *Пароенъ Тимоѣевъ* говорилъ: «Когда бунтовалъ Разинъ, и я ходилъ съ нимъ же; я еще на старости трахну!» *Буишевъ* жаловался, что отъ бояръ и нѣмцевъ стрѣльцамъ нигдѣ житья нѣтъ; отнимаютъ у нихъ жалованье и бьютъ на тяжелой работѣ; «на Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти!» Стѣсня права и вольности казацкія, Петръ въ 1699 г. согласился на условіе, что если казаки пойдутъ войной на турецкія и крымскія мѣста во время мира, то вольно ихъ побивать, какъ злодѣевъ; а когда вернутся изъ походу, учинить имъ смертную казнь. Не смотря однако на строгіе приказы Петра, множество людей бѣжало на Донъ отъ тяжести военной службы, трудныхъ работъ и податей; донесли царю, что казачество наполнилось крѣпостными «безчисленно», такъ что опустѣли селенія, не съ кого стало собирать подати и повинности и неоткуда поставлять рекрутъ. Въ исходѣ 1707 г. Петръ Великій послалъ на Донъ Юрія Долгорукаго съ командой ловить бѣглецовъ; князь перехваталъ и разослалъ на мѣста жительства до 3 тысячъ бѣглыхъ. Многіе казаки озлоби-

*) Подробности и другія пѣсни о стрѣльцахъ см. въ Пѣсн. Бирѣвскаго VIII, 16—30; IX, въ дополненіи.

лись, что москали мѣшаютъ въ права вольнаго войска; но когда они выражали свое недовольство, ихъ считали заводчиками бунта и наказывали. Самымъ отчаяннымъ защитникомъ вольницы явился *Кондратій Булавинъ*, атаманъ рабочихъ при соляномъ заводѣ въ Бахмутѣ; онъ прослышалъ, что Долгорукій подвигается къ нимъ, и съ шайкой бѣглыхъ въ 500 человекъ быстро напалъ на Долгорукаго, его убилъ и команду всю въ 1000 человекъ перерѣзалъ. Войсковою атаманъ Максимовъ разбилъ шайку Булавина, но онъ снова взбунтовалъ всѣ верховныя станицы, увеличилъ свое войско тысячами бѣглыхъ, овладѣлъ Черкасскомъ и сдѣлался войсковымъ атаманомъ. Онъ разослалъ воззваніе, что Максимовъ и старшины казаціе взяли съ Долгорукова 5 тысячъ р., чтобы выдать бѣглыхъ, и за то казнилъ ихъ по взятіи Черкаска. Въ своихъ призывныхъ грамотахъ Булавинъ выразилъ свой взглядъ на бунтъ, подобно Стенькѣ Разину: «Худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и Нѣмцомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не слушать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной Христіанской вѣры отвратили своими знаменьями и чудеса прелестными; а между собою добрымъ, начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людемъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять,—и буде кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь. А по которымъ городамъ и по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы выпустить тотчасъ безъ задержанія.» Булавинъ оправдывался въ челобитной къ царю, что Долгорукаго и команду перебилъ за то, что они постунали не *по государеву указу*, выслали не однихъ бѣглыхъ, а и старыхъ казаковъ, иныхъ ради бездѣльной корысти за ноги по деревьямъ вѣшали и всякое ругательство чинили; «а отъ тебя, великій государь, мы никуда не откладываемся». Замѣчательна эта преданность царю и обвиненіе бояръ въ своевольствѣ и неразумной гордости! Пѣсня сохранила этотъ мотивъ

весьма ярко; она передаетъ, что при походномъ атаманѣ *Иванъ Ивановичъ Фроловъ* *) прѣхали на Донъ разсыльщики съ двумя боярами:

«Безъ указа то они государева насъ разоряють,
И они старыхъ стариковъ всѣхъ сылають,
Молодыхъ то малолѣтковъ берутъ во солдаты.
Оттого нашъ славный тихій Донъ возмутился
Вплоть до устьяца и до славнаго до города
Черкаска».

Другая пѣсня еще характернѣе рисуетъ взглядъ казаковъ на произволь бояръ:

«Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на тихій Донъ Ивановичъ гуляти;
Не доѣхавши Дона, становился,
Похвалялся всѣхъ козаковъ перевѣшать».

Казаки, замѣтивъ такую отвагу, стали слушать смиренно указъ,—и когда бояринъ вычитывалъ царскій титулъ, они шапки снимали, а бояринъ шляпы не снѣлъ. Оттого казаки взволновались, бросились на него, срубили голову и кинули тѣло въ тихій Донъ.

И убивши, тѣлу бѣлому говорили:

Почитай ты, бояринъ, государя,
Не гордись ты передъ нимъ и не славься.
Ко царю они съ повинной приходили:
«Ты гой еси батюшка православный царь!
Ты суди насъ праведной расправой,
Ты вели надъ нами дѣлать что изволишь.
Ты воленъ надъ нашими буйными головами».

Простой народъ, казаки, стрѣльцы и разбойники причиной своего несчастія всегда считали произволь бояръ; имъ приписывали всѣ общественныя неурюстройства; мятежники двигали массами только именемъ царя, какъ будто чутье подсказывало имъ, что рано ли, поздно ли начало свободы выйдетъ изъ воли царской. Точно также и во время Булавина жалобы казаковъ не касались личности царя; они считали виновниками неурядицы и

*) У Фрола Мишаева были сыновья Василій и Максимъ.

угнетеній народа бояръ и вообще властей, которые отъ царя получаютъ силу и власть, богатства и почести и въ то же время обманываютъ его. «Намъ до черни дѣла нѣтъ, писалъ въ своихъ воззваніяхъ атаманъ *Голый*; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ. а вы, голутьба, всё идите со всёхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе, и босые,—идите, не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру и за домъ Пресв. Богородицы, и за васъ, и за всю чернь, и чтобъ не впасть намъ въ Еллинскую вѣру». Булавинъ обвинялъ старшинъ, что они не выдали *царскаго годового денежнаго жалованья* и за службы до 30,000 р.; другіе казаки въ томъ же иногда винили бояръ и воеводъ. Пѣсня воспроизводитъ это казацкое міросозерцаніе энергическимъ образомъ: Вотъ плывутъ разбойные казаки по Камышевкѣ—рѣкѣ,

Они веслами гребутъ,
Сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ
Православнаго царя,
А бранятъ они, клянутъ
Воеводу со женой,
Что съ женою и съ дѣтьми
И со внучатами:
«Заѣдаетъ воръ—собака
Наше жалованье,
Кормовое, годовое
Наше денежное;
Да еще же не пускаетъ
Насъ по Волгѣ погулять,
Съ дунайниной воспѣвать».

Когда бунтовщики собирали голытьбу на борьбу съ боярствомъ, къ Черкасску двигалось 20 тысячъ войска, для усмиренія мятежныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ Василія Долгорукаго, роднаго брата убитаго Булавинымъ—Юрія; Василій имѣлъ отъ царя наказъ: «безъ пощады всёхъ злодѣевъ и ихъ жилища истреб-

лять и пойманныхъ казнить и вѣшать». Долгорукій дѣйствительно срылъ съ лица земли 14 казачьихъ станицъ, перевѣшалъ и переказнилъ множество народа. Булавинъ, осажденный самими казаками въ Черкасскѣ, застрѣлился 7 июня 1708 г. Такъ закончилъ атаманъ свою дѣятельность, желая подражать Разину; за то долго еще сражался съ царскими войсками Голый, его сотоварищъ. Сколько извѣстно, Булавинъ былъ вовсе недалекой чело-вѣкъ и казаки выражались о немъ, какъ о безтактной личности: «Булавинъ былъ дуракъ, все воровство и вся надежда была на *Драного*».

Когда Долгорукій занимался казнями, атаманъ *Игнатій Некрасовъ*, набравъ большую шайку вольницы, пошелъ на Волгу, ограбилъ караваны судовъ и разрушилъ нѣсколько селеній. Возвращаясь на Донъ, онъ писалъ, чтобы собирались казаки въ Есауловъ городокъ, а онъ скоро къ нимъ будетъ съ товарищами. Когда собралось 3000 чело-вѣкъ, Долгорукій успѣлъ осадить ихъ въ Есауловѣ и они принесли повинную; по чело-вѣку изъ десятка онъ перевѣшалъ кругомъ городка, а иныхъ воровъ повѣшалъ на плотахъ и пустилъ по Дону; тогда казнено было больше 200 чело-вѣкъ. Взявъ жену и дѣтей, Некрасовъ ушелъ на Кубань въ подданство Крымскаго хана и съ нимъ переселилось до 2000 казаковъ.

По народнымъ преданіямъ, сообщниковъ Некрасова считаютъ до 40,000. Пѣсни сообщаютъ слѣдующія черты объ-этомъ событіи: Возмутилъ славный Донъ казакъ Игнатій, по отечеству Ивановичъ, а по фамилицѣ Некрасовъ:

Онъ увелъ силы—рати 40 тысячъ,
Кромѣ стариковъ староженныхъ,
Опричь малолѣтковъ малолѣтнихъ
И отъ тумовъ прврожденныхъ.

Когда перешли они Днѣпръ, распустили знамя по-здащенное, молодой атаманушка сталъ писать на хоро-шенькомъ раздвижномъ столѣ во кругу казацкомъ на-скоро грамотку къ графу Долгорукому:

Не перомъ пишеть, не чернилами,

А онъ пишетъ своими горячими слезами:
«Ты спасибо, нашъ батюшка,
Поилъ, кормилъ и берегъ, жаловалъ.
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка,
прогнѣвался,—
Захотѣлъ старикамъ усы—бороды брить,
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать.
Ты пріѣхалъ къ намъ на тихій Донъ,
Безъ указу—те насъ разорять сталъ:
Ужъ мы бросили свое бытѣ—богатство,
Мы пошли къ турецкому хану въ подданство.
Онъ принялъ насъ со честію, со славою,
И пожаловалъ намъ по коню хорошему
И по сѣделечку Черкасскому».

Эта пѣсня на обстоятельства дѣла бросаетъ взглядъ приверженцевъ Некрасова, старообрядцевъ; въ «Церковной исторіи» раскольниковъ проводится тоже воззрѣніе на это событіе и съ одинаковыми подробностями. Тамъ говорится, что пріѣхалъ на Донъ полномочный чиновникъ и велѣлъ выбирать изъ двухъ едино—«или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ, или на висѣлицѣ умирать,—и всѣ согласились умереть... Мучитель подавалъ лишь знакъ—и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ плывущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ пріѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подъ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова, съ елико-возможною поспѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и поднялись въ бѣгство, всего 40,000 самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, оставя на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество».

Другая же пѣсня называетъ Игнатку Некрасова измѣнникомъ, который увелъ съ Дону глупыхъ малолѣтковъ и бѣжалъ за Дунай. Тамъ собралъ кругъ, поставилъ царское знамя и отдалъ приказъ:

«Кидайте, козачки, вѣру христіанскую,
Понимайте вѣру басурманскую».

Здѣсь очевидно, выражена молва о Некрасовцахъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, приверженцевъ Москвы, которые всякое подчиненіе Туркамъ считали измѣною родинѣ и басурманствомъ. Казаки хотѣли опять служить Петру, а Игнаткѣ отрубить голову. *)

Смиривъ Донъ, Петръ Великій добрался и до Сѣчи Запорожской: когда казаки пристали-было къ Мазепѣ, царь двинулъ войско и велѣлъ «всѣ ихъ мѣста разорить, дабы оное измѣнническое гнѣздо весьма выкоренить». Большая часть казаковъ погибли въ схваткѣ и взято много пушекъ и аммуниціи... Въ насмѣшливой пѣснѣ, начало которой надо относить къ этому случаю, говорится:

Похвалялись славны Запорожцы
Полтавъ—городъ взяти;
Поутру они рано вставали,^т
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали;
А къ вечеру славны Запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши ружья?
«Наши ружья заряжены,
А мы въ острогъ посажены...
Наши кони на пригонѣ,
А мы козаченьки во неволѣ»... **)

Смиривъ стрѣльцовъ и казаковъ, Петръ не добился однако уничтоженія бѣглыхъ и разбойниковъ внутри государства: они попрежнему составляли шайки во 100 и въ 200 человекъ, жгли села и города, грабили и тиранили жителей. Сильныя преслѣдованія воровъ ожесточали послѣднихъ и не всегда были удачны: *воеводы*, посылаемые противъ нихъ, не рѣдко платили за смѣлость

*) Пѣсни Бирѣвск. VIII, 71—75; 87—89.

**) Въ полномъ развитіи эта пѣсня относится къ уничтоженію Запорожской Сѣчи 1775 г.

своею жизнью; прежде всего въ этомъ случаѣ доставалось воеводамъ и губернаторамъ астраханскимъ. Можно насчитать много подобныхъ событій, особенно во время астраханскихъ мятежей,—и потому пѣсня объ убійствѣ воеводы относится къ концу XVII и началу XVIII стол. Вотъ какъ она пѣта была Ванькой Каинномъ о бурлакахъ молодцахъ и заволжскихъ удалцахъ:

...Становилися стружечки среди Волги

къ островку:

Они ждали—поджидали губернатора къ себѣ,
Губернатора къ себѣ астраханскаго еще.

Ахъ, что взговорятъ бурлаки молодцы:
«Еще что-то на водѣ у насъ бѣлѣтся?»

Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе:

Кого ждали—поджидали, того лядъ и несетъ.

Астраханскій губернаторъ догадается:

—Ахъ, вы гой еси бурлаки, люди вольные!

Вы берите золотой казны, что надобно,

Вы берите цвѣтно платье губернаторское,

Вы берите всё диковинки заморскія,

Вы берите ли вещицы астраханскія.—

(Бурлаки отказались ото всего).

«Намъ не дорога твоя ли золота казна...

Дорога намъ буйная твоя головушка».

Какъ срубили съ губернатора буйну голову,

Они бросили головку въ Волгу матушку рѣку

И что сами молодцы насмѣялися ему:

«Ты добръ ли, губернаторъ, къ намъ строгий
былъ,

Ахъ ты билъ ли насъ, губилъ, много въ
ссылку посылалъ,

Ахъ ты женъ нашихъ—дѣтей на воротахъ
разстрѣлялъ!»!

Последнія слова о жестокостяхъ напоминаютъ убійство воеводы Ржевскаго во время бунта астраханскаго 1706 года; мятежники оправдывались тогда предъ царемъ въ повинной, что междуусобіе учинилось между прочимъ по случаю взяточничества, налоговъ и обидъ вое-

воды. Ржевскій со всего бралъ деньги, «съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ; съ малолѣтнихъ и со вдовъ,— и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правожѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали».

По изображенію пѣсенъ, изъ Казани противъ разбойниковъ идетъ то воевода лихой, то генералъ— злодѣй, являются высылки то солдатскія, то стрѣлецкія. Очевидно, пѣсня перешла изъ XVII в. и получила отѣнки въ XVIII стол., сообразныя съ временемъ и обстоятельствами. Такъ въ пѣсни, пѣтой Ванькой Каиномъ, воевода уже преобразился въ генерала, а стрѣльцы— въ солдатъ:

Высылаютъ на насъ часты высылки солдатскія,
Онѣ ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодецвъ;
Называютъ насъ вѣрами, разбойниками....

А мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойники,—
Мы люди добрые, ребята все повольскіе.

Въ одной Саратовской пѣснѣ смѣсь старинныхъ понатій съ позднѣйшими выражается весьма наглядно: дѣйствующимъ лицомъ является старинный богатырь Алѣша Поповичъ, но не въ качествѣ врага Тугарина, а въ родѣ полицейскаго сыщика воровъ на Волгѣ. Не смотря на древнее начало склада пѣсни, содержаніе ея относится ко времени Петра Великаго: тутъ удалые матросы начинаютъ рубить и крошить разбойниковъ на славу.

....Какъ напали на соколъ—корабль

разбойнички,

Хотѣли соколъ—корабль разбить, разграбить.

По кораблику гуляетъ свѣтъ Олѣша Поповъ.

Что возговорить онъ громкимъ голосомъ:

«Ахъ вы гой есте, ребята, удалые матросы!

Вы беритесь за сабли и копыя острія,

Вѣдь напали на насъ злы разбойнички

И хотятъ нашъ корабль разбить—разграбить».

Вдругъ матросы всѣ вскочили съ саблями, съ
копьями

И стали разбойниковъ рубить и крошить,
Самого же атамана во полонъ взяли

И, сковавши руки—ноги, въ городъ отвезли.

Но что легко давалось позже, то весьма трудно въ началѣ XVIII-го стол. Пѣсни о преслѣдованіи разбойниковъ, со времени Петра Великаго, разрослись въ своей численности и отличаются большимъ разнообразіемъ, какъ разнородна была борьба его съ бродягами и разбойниками въ дѣйствительности. Энергическій императоръ пробовалъ всевозможныя строгости и переходилъ иногда къ совершенному всепрощенію виновныхъ: никакія однако средства не помогали, потому что причины волненій и положеніе дѣлъ внутри государства оставались прежнія. Учрежденіемъ паспортной системы онъ хотѣлъ найти всюду каждаго члена государства и думать этимъ средствомъ уменьшить побѣги. Но на практикѣ большая часть высокихъ мѣръ Петра не достигали цѣли: часть народа взглянула на паспортъ, какъ на печать антихриста, и не хотѣла брать его по религіозному принципу; другая часть народа видѣла въ немъ бесполезное стѣсненіе экономическихъ предпріятій; третья, гуляющая, свободу которой стѣсняло царское распоряженіе, прибѣгла къ новому злу политическому—къ поддѣлкѣ фальшивыхъ паспортовъ. Поэтому, ко времени Петра можетъ относиться происхожденіе пѣсни о безпаспортныхъ бродягахъ, или приспособленіе прежней пѣсни къ специальному случаю:

«Не былинushка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Зашаталась безпріютная моя головушка!

Ужъ куда-то я, добрый молодець, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы.

Они спрашиваютъ печатнаго пашпорта,

Что за красною печатью сургучевой;

У меня у добра молодца своеручной,

Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.

Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,

Что ни въ чемъ-то мнѣ, молодцу, нѣтъ счастья».

Самый большой процентъ разбойниковъ во время Петра Великаго составляли бродяги—рекруты, солдаты и драгуны; они бѣжали сотнями отъ невыносимыхъ тяжестей или при наборѣ или изъ полковъ. Даже, по сознанию правительства (отъ 20 октября 1719 г.), тогда наборы происходили горькимъ способомъ и слѣдствія оказывались весьма печальныя: «Первое, гласитъ указъ, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала *изъ домовъ ихъ вьдутъ скованныхъ*, а приведчи въ городъ, держать въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени; и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуришь, и потомъ отправятъ не разсуждая, по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человекъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ! Къ тому-жъ поведутъ, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего приключаются въ дорогѣ многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего злѣе, что многіе—безъ покаянія. Другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ,—и боясь *лечь въ домахъ*, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отчего *такія великія въ государство умножились воровскія оруженныя компаніи, что не отъ такихъ блыцезв?*... *)

*) Эти подробности о наборѣ и боязни появиться въ домѣ родныхъ съ побѣга поэтически рисуютъ пѣсни:

«Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды,
Невзгоды мои гудерюшки—большое солдатство;
Вечоръ-то меня, молодца, вечеръ поимали,
Рѣзвы ноженъки во желѣза сковали,
Бѣлы рученьки назадъ завязали,
Посадили добраго молодца во легкія сани,
Повезли-то меня по большой дорогѣ» и проч.

Въ другой пѣснѣ дѣвица жалуется съ трепетнымъ сердцемъ:

«Бавъ сазана милу друга царска служба,—
Со всѣми милъ сердечный другъ простился,
Со мной одной красной дѣвицей не простился;
Съ половины пути—дороженьки воротился,
Подъ косящетымъ окошечкомъ моимъ колотился».

Память объ этихъ тяжелыхъ временахъ передана потомкамъ во множествѣ пѣсенъ, которыя рисуютъ, какъ солдаты бѣжали отъ своей горемычной доли. Даже ропотъ солдатъ на иноземныхъ начальниковъ, безжалостныхъ до русскихъ, отразился въ пѣсняхъ:

«Еще шли—прошли солдаты новобраны;
Илучй они, солдаты, сами плачуть,
Во слезахъ они дороженьки не видать,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвять:
«Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвили!
Ужъ какъ отдалъ насъ не русскому началу
(начальству),
Что не русскому начальнику—Нѣмчйну,
Онъ и бьетъ—губить солдатушекъ напрасно».

При такихъ обстоятельствахъ бѣглыхъ солдатъ было много:

«Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Не дубровушка расшаталась:
Разшатался удалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ человекъ бѣдный,]
Человекъ бѣдный, солдатъ бѣглый.
Онъ ни самъ пошелъ, ни своею охотою,
Довела то его нужда крайняя,

Въ подметномъ письмѣ Петру Великому солдаты писали: «Сравнили насъ съ посохою; уже пришелъ изъ конъпани, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ... А зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ; а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и съ холоду помирають... Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повинною, примуть насъ вездѣ съ ружемъ служить». Въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ тоже недовольство солдатъ на тяжелую службу и часто въ одинаковыхъ выраженіяхъ:

«Охъ, вы бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Во бѣлу свѣту солдаты во строю стоять» и проч.

Нужда крайняя, служба царская
Царя Бѣлаго Петра Перваго». *)

Понятно, отчего разбойники къ концу царствованія Петра Великаго сильнѣе и сильнѣе размножились; почему забота объ искорененіи общественнаго зла не удавалась правительству; настойчивость его разбивалась объ упорное сопротивленіе воровскихъ людей, которые впрочемъ не думали причислять себя къ людямъ недобрымъ или преступникамъ. **) Они продолжали воспѣвать старинныя пѣсни, относя къ своему положенію:

«Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодець,
Сиротъ бѣдныхъ безпашпортныхъ:
Мы не воры, мы не разбойнички,
Ужъ мы *плотнички*, безтопорнички,
Атамановы мы работнички,
Эсауловы мы помощнички!»

Они и составили насмѣшливую пословицу на свой счетъ: «Это вовсе не покорь, что за поясомъ топорь; скажутъ—*плотнички*, а не ворь».

Послѣ Петра Великаго, какъ разбои, такъ и пѣсни о нихъ получили другой характеръ: сила народнаго элемента поникла съ того времени, какъ трава передъ палящимъ зноемъ, передъ могуществомъ государства, которому первый русскій императоръ далъ могучую внѣшнюю закладку. Казачество годъ отъ году теряло свою самостоятельную роль; создались рекрутчина и солдатчина, разрознились сильнѣе классы общества. Поэтому словность выдвигается на первый планъ, частные интересы начинаютъ преобладать надъ общественными; являются пѣсни раскольничьи, солдатскія, боярскія или вообще книжныя; а чисто—народныя историческія пѣсни,

---

*) *Собр. тс. Куртеск. Вып. 9-й въ концѣ прилож. V. XXX.*

**) См. подробно въ моей статьѣ: «Разбойники и бѣглецы временъ Петра Великаго». *Библ. для Чтенія 1864 г. Октябр. книжка.*

даже о крупных разбойниках XVIII-го стол., весьма ничтожны и по количеству и по качеству. Народное творчество какъ—будто чуждалось историческихъ случаевъ и общественной государственной жизни, отъ которой народъ былъ отстраненъ. Оно обратилось къ воспѣванію своей горемычной доли да къ сатирическимъ пѣснямъ, въ родѣ прошенія къ всемилостивому Творцу; («Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда!») или къ изображенію всѣхъ прелестей и нравственныхъ достоинствъ *барыни* и проч. Во всякомъ случаѣ историческая сторона и даже внѣшняя форма сильно затмили; въ нихъ нѣтъ того сердечнаго огня, нѣтъ той красоты поэзіи, которую создали предыдущіе вѣка на свободѣ и раздолѣ.

Образомъ безталанности служатъ рассказы о похожденияхъ Ивана Осипова или *Ваньки Каина*. Эта глубоко-безнравственная личность не могла найти сочувствія въ народѣ; его мелкія воровства и мошенничества отпугивали честную натуру простолюдина. Не отличаясь ни предприимчивостью, ни отвагой, не возбуждая ни трагическаго, ни комическаго въ душѣ, предпріятія Каина не могли возбудить сочувственнаго отголоска въ массѣ—и напрасно стали бы мы искать поэзіи въ повѣстяхъ о дѣяніяхъ Каина. Эта смѣсь простонародныхъ поговорокъ съ нахальнымъ хвастовствомъ объ омерзительныхъ продѣлкахъ,—это самохвальство наглости съ претензіей на остроуміе,—эти похвалы гнуснымъ выходкамъ и насмѣшки надъ святыней жизни и личности не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной фантазіи, къ высокой чести послѣднихъ. Достаточно привести на пробу рассказъ о женитьбѣ Каина и о насмѣшкахъ надъ священникомъ, вѣнчавшимъ его, чтобы получить полное отвращеніе къ такой поэзіи, которая можетъ нравиться только въ лакейскихъ. Отъ лица Каина повѣсть сообщаетъ слѣдующее: «Какъ я сдѣлался сыщикомъ, то не оставилъ прежняго своего намѣренія (*жениться на дочери сержанта*). Свѣдалъ объ ней, что она охоту имѣетъ итти за мужъ: пришедъ къ ней говорилъ, чтобъ она кромѣ меня ни за кого за-

мужъ не ходила. Чего она не токмо получить, но слышать не хотѣла, и мнѣ о томъ думать не велѣла. Не могъ сыскать болѣе къ тому способу: научилъ въ сыскомъ приказѣ содержащагося въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатаго, при допросѣ его, въ знаніи того воровства оговорить ее. Почему она взята въ тотъ приказъ была, гдѣ по приводѣ, подъ жестокимъ битьемъ плетями, срашивана; однако по правости своей ничего на себя указать не могла. Послѣ чего я къ ней прислалъ женщину сказать; «ежели она пойдетъ за меня замужъ, то въ тожь время освобождена на волю будетъ». Сказала она той женщинѣ, чтобъ я на то вовсе надежды не имѣлъ. А дѣло ея нечѣмъ было разобрать, кромѣ одной пытки; почему она увѣдомилась, прислала по меня, чему я былъ радъ, тотъ же часъ пришелъ къ ней. Тогда услышалъ отъ нее, что уже за меня замужъ итти желаетъ. Почему я просилъ присутствующихъ, чтобъ до дальнаго дѣла не доводить, а назначить кнотомъ и выпустить на волю, потому что «сколоченная посуда два вѣка живетъ». Что въ скоромъ времени ей и учинено. Послѣ чего я взялъ ее на свою росписку, отдалъ для излѣченія одной просвирнѣ; а какъ пришла въ прежнее здоровье, то назначилъ день жениться».

«Пришло уже то время, какъ съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церковь,—и по приходѣ ожидалъ того приходу попа, которой не мѣшкавъ пришелъ, и по признаніи вѣнечной моей памяти фальшивою, которую я написалъ самъ въ своей квартирѣ, изъ церкви обратно въ домъ свой тотъ попъ пошелъ. А мнѣ по множеству тогда случившагося въ церкви народу, безъ того выдти было стыдно. Послалъ для сыску идущаго по улицѣ какого-нибудь попа, которой въ тожь время командою моею идущій пьяный по улицѣ взять, приведенъ въ церковь былъ. Говорилъ я ему: «для чего онъ, идучи по улицѣ и въ пьяномъ образѣ, пѣсни пѣлъ? За что отосланъ будетъ въ духовную консисторію; а ежели хочетъ быть отпущенъ, то бѣ за небытіемъ того прихода попа,

обвѣчалъ насъ», которой безъ сумнѣнія на то и согласился. При чемъ вѣнчая началъ кричать, что есть силы, и не такъ, какъ прочіе попы обводять вокругъ вѣнчальнаго стола только 3 раза,—онъ обвелъ 8 разъ. Которому я говорилъ: «что такъ съ прибавкой противъ другихъ вокругъ насъ водить?» На что онъ сказалъ, что-де долѣ станешь жить. По окончаніи пошла изъ церкви въ домъ; тогда и попъ тотъ въ домъ ко мнѣ взять былъ, и съ одною только свахою, (за неизмѣнимъ въ тогдашнее время гостей), они за столъ посажены были. Попъ сдѣлался чрезвычайно пьянъ, выведенъ былъ изъ покоевъ вонъ, гдѣ заплатилъ я ему за труды одинъ рубль, и потомъ завязалъ руки назадъ, повѣсилъ на шею 2 бутылки съ простымъ виномъ, за пазуху положилъ живую курицу, притомъ подписалъ у него на спинѣ: «Ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ, то и развязанъ будетъ». И съ тѣмъ столкалъ его со двора, чтобы не зналъ впредь меня. По прошествіи послѣ онаго нѣсколькаго времени, оный попъ попалъ мнѣ въ стрѣчу, который увидя и признавъ меня, поднялъ свою рясу выше головы и бросаясь въ сторону, бѣжалъ, думая, что я всякой день вѣнчаться буду». (*Пѣсни Кирьевск. IX, 44—47*). Такая поэзія, разумѣется, не требуетъ ни дополненій, ни объясненій.

Сначала я предполагалъ, что пѣсня «Разыгралась, разбушевалась Сура-рѣка» можетъ относиться къ похиженію Ваньки Каина на Сурѣ и къ ограбленію имъ армянскаго судна (*Лит. Литер. Тихонравова IV, 75. Пѣсни Кирьевск. IX, 35*); но потомъ увѣрился, что она слишкомъ поэтична и граціозна для такой грязной личности, на какую народъ нашъ неспособенъ тратить цвѣты поэзіи. Только стоятъ вниманія пѣсни, хотя сложенные раньше, но любимыя самимъ Каиномъ, распѣваемые имъ и приспособленныя къ его личности. Такая передѣлка сѣверной или архангельской пѣсни:

Во Архангельскомъ во градѣ

Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ...

Въ ней, по преданію, воспѣта привязанность Ивана

Осипова къ Авдотѣ Степановнѣ, которая была потомъ женою рейтара конной гвардіи. Здѣсь Ваня съ Дуней ведутъ рѣчь:

Говоритъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ:
«Про насъ люди говорятъ—
Разлучить съ тобой хотять»!..
—Еще гдѣ жъ тому бывать,
Что намъ по-розну живать?
Еще гдѣ же тому статься,
Чтобы намъ съ тобой разстаться?
На погибель бы тому,
Кто завидуетъ кому!—

Эта Авдотья и ея мужъ принимали грабежную ружья Ивана, выручали его изъ бѣды и брали на поруки, за что онъ съ ними расплачивался щедро.

Другія пѣсни только и говорятъ о низкихъ продажахъ Каина: въ 1749 г. января 17 го онъ увезъ дочь отставнаго солдата *Федора Тарасова*, который узналъ о похищеніи своей дѣвицы и подалъ жалобу въ полицію. Въ пѣснѣ изображенъ этотъ случай своеобразно:

Какъ у насъ ли въ каменной Москвѣ,
Во Кремль во крѣпкомъ городѣ,
Что на Красной славной площади
Учинилася диковинка:
Полюбилась красна дѣвица
Удалому добру молодцу,
Что Ивану ли Осиповичу,
По прозванью—Ванькѣ Каину.
Онъ сзывалъ ли добрыхъ молодцевъ,
Молодцовъ—все голь кабацкую
Во единъ кругъ думу думати,
Какъ бы взять имъ красну дѣвицу?
Какъ придумали ту думушку,
Пригадали думу крѣпкую:
Наряжали Ваньку Каина
Въ парчевой кафтанъ съ нашивками,
Въ черну шляпу съ позументами,

Нарекали его бариномъ.
Подходили съ нимъ къ колясочкѣ,
Въ ней дѣвица укрывалася,
(Что въ рядахъ ужъ нагулялася),
Отца мать тутъ сидя дожидалася.
Молодецъ ей поклоняется,
Дьячьиимъ сыномъ называется.
«Ты душа ли красна дѣвица,
Говорить ей добрый молодецъ,
Твоя матушка и батюшка
Съ моимъ батюшкомъ родимымъ
Къ намъ пѣшкомъ они пожалуютъ;
Миѣ велѣли проводить тебя
Къ моей матушкѣ во горницу,
Она дома дожидается».
Красна дѣвица въ обманъ далась:
Повезли ее на Мытный дворъ,
На квартиру къ Ванькѣ Каину.
Тамъ дѣвица обезславилась... *)

Около половины XVIII-го стол. тягости крѣпостничества продолжались, рекрутчина разрасталась; а потому количество бѣглыхъ и разбойниковъ не уменьшалось. Указъ о второй ревизіи 1745 г. краснорѣчиво свидѣтельствуешь, что въ то время насчитали до 200,000 бѣглыхъ, которые только показали себя непомятыми родства. Немудрено по этому встрѣчать много свидѣній о ворахъ и грабителяхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны: 1743 года въ селцѣ Семеновскомъ Дмитровскаго уѣзда разбойники—крестьяне отбивались отъ офицера съ командой, 14 солдатъ ранили и наконецъ прогнали всѣхъ военныхъ; правительство рѣшило послать противъ нихъ другую добрую команду. Въ то же время 50 чело-вѣкъ разбойниковъ разбила въ Астрахани купеческія рыбныя ватаги, взяли большія морскія лодки, пушки и порохъ и пошли въ море. Около Москвы и по Влади-мирской дорогѣ постоянно разбивали села и проѣзжихъ;

*) Письма Киртеевскаго IX, 27—8. 60—61. 70.

по рѣкѣ Воронежу въ нынѣшнемъ Липецкомъ уѣздѣ разбивали крестьянъ и грабили дома помѣщиковъ разбойники, подѣ начальствомъ атамана *Кнута*. По Волгѣ отъ Твери до Астрахани, по Окѣ отъ Калуги до Нижняго, въ Бѣлгородской, Воронежской и Архангельской губерніяхъ разставлены были войска съ спеціальной цѣлью преслѣдованія разбойниковъ. По доносу сыщика Ваньки Каина, *) пойманные три разбойника и атаманъ говорили, что цѣлая воровская станица, которая производила грабежи около Нижняго, прибыла въ Коломну на купеческихъ судахъ; во главѣ ея стоялъ атаманъ *Кнутъ* или *Посулихинъ*. Туда отправили отрядъ драгунъ въ 50 человекъ для поимки разбойниковъ. Въ 1748 г. Каинъ поймалъ и доставилъ начальству своего прежняго учителя въ мошенничествѣ и сотоварища въ разбояхъ *Петра Романова Смирнаго—Закутина* или *Камчатку*, который за воровство отданъ былъ въ солдаты и бѣжалъ изъ ярославскаго полка. Каинъ преслѣдовалъ бурлаковъ и бѣглыхъ, спрашивая у нихъ паспортовъ, когда они являлись въ Москву. Все это возбудило ненависть къ нему прежнихъ его товарищей по ремеслу и они выразили свою жалобу въ слѣдующей пѣснѣ:

Ахъ тошнымъ-то мнѣ, доброму молодцу,
 тошнехонько,
 Что грустнымъ-то мнѣ, доброму молодцу,
 грустнехонько,
 Мнѣ да ни пить-то, ни ѣсть молодцу нехочется,
 Мнѣ сахарная—сладкая ѣства, братцы, на умъ
 нейдетъ;
 Мнѣ московское сильное царство, братцы, съ
 ума нейдетъ.
 Побывалъ бы я, доброй молодецъ, въ каменной
 Москвѣ,
 Только лихъ-то на насъ, добрыхъ молодцовъ,
 новой сыщичекъ,
 Онъ по имени, по прозванью Иванъ Каиновъ.

*) Сыщикомъ онъ сдѣлался въ 1741 году.

Онъ не дастъ намъ, добрымъ молодцамъ,
появится—

И онъ спрашиваетъ пашпортовъ все печатныхъ,
А у насъ, братцы, пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, все фальшивые.

Разумѣется, Ванька Каинъ преслѣдовалъ воровъ не изъ сознанія низости прошлыхъ своихъ дѣлъ, не изъ желанія загладить ихъ дѣлами правды, а просто—изъ видовъ корыстныхъ, чтобы войти въ довѣрiе у начальства и сильнѣе наживаться не прежними открытыми разбоями, а тайными взятками. Вору жалуются не на эти безирравственныя выходы сыщика, а на то, что онъ самъ, ихъ поля ягода, не прикрываетъ проходимцевъ по старой памяти.

Вообще, не смотря на бойкую и юркую натуру Каина и умѣнье его выпутываться изъ множества затруднительныхъ обстоятельствъ и ловушекъ, его похождения нашли отголосокъ въ книжной старинѣ, а не въ народной поэзіи: пѣсни о немъ плохи и ихъ весьма мало. Это—пѣсни мѣщанско-трактирныя; онѣ могли сложиться въ средѣ московскихъ кудаковъ и жуликовъ, которымъ можетъ правиться такая поэзія доселѣ. Если есть какой историческій смыслъ въ рассказахъ о Каинѣ, то онъ сводится къ грустной мысли, до какой унижающей степени доводило даровитаго человѣка въ половинѣ XVIII-го стол. крѣпостное состояніе!

Стремленіе Каина обманывать и правительство и народъ не могло быть продолжительно: рано или поздно должно было ему расплатиться за свои плутни. Дѣйствительно, множество доносовъ, полученныхъ правительствомъ, вывели его темныя дѣянiя на свѣтъ божій; особенно помогли этому скопцы. Извѣстно, что въ 1745 г. Иванъ Осиновъ открылъ въ Москвѣ общество скопцовъ, захватилъ нѣмаго и босаго Андреюшку, извѣстнаго Селиванова, лжехриста и родоначальника скопцовъ и самозванца Петра Ѳедоровича. Сослали его въ ссылку вмѣстѣ съ другими дѣтушками; но этимъ дѣло не кончилось: задержанные допосами компаніи мошенниковъ,

скопцы прибѣгли къ тѣмъ же средствамъ для мести Кайну и его товарищамъ; въ 1756 г. февраля 27 сенатъ опредѣлилъ вора и сыщика Ивана Осипова съ товарищемъ Шинкаркою наказать кнутомъ и сослать *въ тяжкую работу* въ Рогервикъ. Вѣроятно, привлеченная къ слѣдствію Кайномъ, скопчиха Анна, явилась съ Тарасовымъ въ Сибирь на выручку Селиванова и сдѣлалась орудіемъ мщенія для пріятелей Кайновыхъ; лжехристь Андрюшка упоминаетъ объ ней въ *Страдахъ*, называя ее дочкою *Аннушкой*. *) Пѣсня сохранила память объ этой предательницѣ, которая выдала правительству *Ваську Ремезова*, друга Кайнова, умершаго отъ руки палача Андрея. Пѣсня впрочемъ заканчивается казнью самою Аннушки, которой палачъ вырѣзалъ груди, можетъ быть потому, что она была скопчиха. Близкій къ Кайну и Ремезову, заплечный мастеръ Андрей казнилъ доносчицу не столько за неоднократную измѣну и гибель его пріятелей, сколько изъ опасенія, какъ бы самому не подвергнуться участи друзей чрезъ ея *навѣты*.

За Московю за рѣкою,
За Мушнымъ большимъ рядомъ
И за Валчужнымъ,
Тута шли—прошли солдаты,
Солдатушки служивые,
У нихъ ружья на плечахъ,
Штыки прижнуты;
Попередъ у нихъ идетъ
Самъ грозенъ, братцы, палачъ;
Позади его ведутъ
Ваську Ремезова:
Ведутъ его казнить—вѣшать.
Какъ возговорить Василій
(Ко) Андрею палачу:

---

*) Кайнъ укралъ дочь *Федора Тарасова*, а у *Алексыя Тарасова* была скопчоская обитель и онъ ѣздилъ въ Сибирь за Селивановымъ. Не эта ли увезенная Кайномъ дѣвица или ея родственница?

«Ужъ ты братецъ, ты мой братецъ,
Братъ Андрюшенька—палачъ!
Не попомни, братъ Андрюша,
Прежней грубости (моей),
Ты повѣсь меня скорѣе,
Веселѣе—веселѣй!
Не повѣсишь ты собака,
Завтра самъ угодишь!»*)
Онъ повѣсилъ воръ—собака
Поскорехоньку;
И сѣдился воръ—собака
На извощичка;
Онъ поѣхалъ воръ—собака
Въ Преображенское село
Ко Аннушкѣ ко вдовѣ,
Ко купеческой женѣ,
Онъ стучится воръ—собака
Объ колечушко.
Не успѣла душа Аня
Воротечекъ отпереть,
Вынимаетъ воръ—собака
Свой булатный ножъ,
Онъ подрѣзалъ воръ—собака
Груди бѣлыя.

Кромѣ Ваньки Каина съ товарищами, въ царствованіе Елизаветы Петровны прославилась своими разбойничьими похождениями *Танька Растокинская*, которая долгое время была атаманьшей воровской шайки; она родилась или имѣла притонъ въ селѣ *Растокинѣ* (на рѣкѣ Яузѣ по Троицкой Сергіевой дорогѣ), отчего и получила свое прозвище. Походженія ея совершались въ окрестностяхъ Москвы; народъ доселѣ сохранилъ преданія объ этой личности, указывая Танькину сосну, подъ которой собирались разбойники, и Танькину рощу,

---

*) Эта угроза даетъ разумѣть, что палачъ Андрей одной шайки съ Банномъ и Ремезовымъ и объясняетъ его торжественность.

знаменитую грабежами до послѣднихъ дней; самое село *Тайнинское*, по словопроизводству крестьянъ, означаетъ *Танинское* или *Танино*. Марьиная роща иногда тоже служила притомъ вольницы Таньки Растокинской и атаманъ-дѣвица при случаѣ любила разгуляться въ Москвѣ, гдѣ и поймана была на *Петровскомъ Кружаль*, или на винной выставкѣ при Петровскихъ воротахъ Бѣлаго города. *) Пѣсни передаютъ объ ней слѣдующія подробности:

Что далече—далече во чистомъ полѣ,
При пути ли при широкой при дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, блешенька кудревата.
Подъ тою подъ кудрявою подъ березой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица;
Во той ли во станицѣ красная дѣвица.
Не пѣсенки дѣвица воспѣваетъ,
Она плачетъ красная, възрыдаетъ:
«Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душею погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не уступила,
И родъ—племя красна дѣвица погубила!»
Не голуби промежъ себя воркуютъ,
Промежъ себя разбойники рѣчь говорятъ:
—Не стало у насъ, братцы, атамана!
Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
Во темную темницу заключену.
Не въ саду атаманъ нашъ гуляетъ,—
Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,
По темной темницѣ заключенной.
Тяжко больно нашъ атаманъ въздыхаетъ,
Къ сердечушку бѣлы руки прижимаетъ,
Любимую свою рощу воспоминаетъ:
Ой свѣтъ же ты, моя Марьиная роща!

---

*) Существуетъ историческій романъ или повѣсть *С. М. Любецкаго* въ 4-хъ частяхъ: «Танька, разбойница Растокинская». М. 1834 г.

Никакъ мнѣ по тебѣ, роша, не гуляти,
Подъ широкой дороженькой не стояти,
Купеческихъ людей мнѣ не разбивати,
Злата и серебра (у нихъ) не отбирати.—

Другая пѣсня поэтическими чертами изображаетъ,
какъ Таньку поймали въ Москвѣ, производили судъ надъ
ней и расправу.

Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
Съ удалыми со добрыми молодцами.
Со тѣми ли молодцами—со ворами.
Не много я, красна дѣвица, гуляла,
Гуляла я, красна дѣвица, 36 лѣтъ.
Была то я, красна дѣвица, атаманомъ,
И славнымъ и преславнымъ есауломъ.
Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
Со вострымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда!
Не много я, красна дѣвица, душъ губила,
Погубила я, красна дѣвица, 20 тысячъ,
А стараго и малаго въ счетъ не клала.
Я ѣздила по городамъ, по уѣздамъ;
Захотѣла красна дѣвица загуляти
Во славное въ Московское государство.
Захотѣлось мнѣ, красной дѣвицѣ, посмотреть,
По широкимъ по улицамъ походить,
Богатыхъ тамъ купцовъ поглядѣти,
Мнѣ каменны полаты поломати,
Желѣзные запоры отпирати.

Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
На славное Петровское Кружало;
Безъ счету я, дѣвица, деньги выдавала,
Неглядя рублевички за стоичку бросала:
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Ужъ храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала!
Ужъ тутъ меня, дѣвицу, признавали,
По имени красну дѣвицу называли,

По отечеству меня величали,
Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
Повели меня, красну дѣвицу, во полицу,
Подымали красну дѣвицу на дыбу.
Ужъ я смѣло, красна дѣвица, отвѣчала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чего вамъ отъ меня больше желати?
Сама я вамъ, красна дѣвица, повинюся!.. *)
Судите судьи меня поскорѣе:
Раскладывайте огни на соломѣ,
Вы жгите мое бѣлое тѣло,
Послѣ огня мнѣ голову рубите!
Вы слушайте, судьи, моего приказа:
Ведите меня съ товарищи въ чистое поле,
Зачинайте вы всѣхъ класть сряду,
Меня, красну дѣвицу, напоследокъ».
Я лежа тамъ, красна дѣвица, возрыдала,
Объ товарищахъ своихъ я пожалѣла,
Что рано я васъ, дѣвица, погубила:
Я въ сей винѣ, красна дѣвица, причина,
Простите, мои пріятели — добродѣтели!

Какія подлинно историческія черты сохранились здѣсь, опредѣлить невозможно, по недостатку точныхъ указаній. Что же касается вообще пѣсенъ о Танькѣ Растикинской, то онѣ возникли въ главныхъ чертахъ раниѣ XVIII-го столѣтія, и только приложены ловко къ этой личности. Положительно утверждать эту мысль мы имѣемъ право, руководствуясь слѣдующими соображеніями: 1) Женщины, предводительницы разбойниковъ, бывали и прежде Растикинской, напримѣръ, по большой Сибирской дорогѣ въ 40 верстахъ отъ Казани существуетъ оврагъ, который доселѣ называется «Дунькино Ущелье»; тамъ, по преданію, держала свою шайку грозная Авдотья и грабила проѣзжихъ купцовъ. 2) Москва

---

*) Далѣе слѣдуетъ повтореніе разсказа о походеиіяхъ ея, который выше приведенъ со стиха: «Не много я красна дѣвица гуляла»... Это и есть повинная Таньки.

съ своею окрестностью издавна не могла создавать народныхъ поэтическихъ пѣсенъ, по своему искусственному стремленію къ городскимъ обычаямъ, и только такіе рассказы, какъ о проидохѣ Каинѣ, она можетъ считать своими. 3) Вообще всѣ пѣсни XVIII-го вѣка отличаются книжно-прозаическимъ складомъ или составляютъ пересказъ раннихъ пѣсенъ, только принаровлены онѣ къ обстоятельствамъ позднимъ. Въ этомъ отношеніи не исключается изъ общаго правила даже эпоха крупныхъ походовъ Пугачева, взволновавшаго чуть не половину населенія Русскаго государства.

Пѣсенъ о Пугачевѣ очень мало, судя по размѣрамъ его бунта, и онѣ не отличаются ничѣмъ особеннымъ, съ ничтожнымъ исключеніемъ, сравнительно съ пѣснями XVIII-го стол. Въ одной пѣснѣ рассказывается очень сухо о перемѣнахъ, вводимыхъ въ уральскихъ казачьихъ войскахъ, которыя лишались самостоятельнаго управленія, хотѣ вовсе не упоминается о волненіяхъ, подавшихъ поволь Пугачеву ловко и въ время воспользоваться ими. Начиная съ 1721 г., Яицкіе казаки подчинялись вѣдѣнію военной коллегіи, и съ этого времени вели постоянную борьбу за старинныя свободныя права и льготы; а съ 1762 г. были у нихъ частыя возмущенія и усмиренія со стороны правительства силою оружія, за тѣмъ ужасныя казни и наказанія. Сами казаки раздѣлились на двѣ партіи, какъ было раньше на Дону: казаки *войсковой руки* стояли за прежніе свободные порядки, а—*старшинной руки* готовы были подчиниться требованіямъ правительства. Борьба между ними и бунты достигли крайнихъ предѣловъ въ 1771 г., когда на Уралѣ разнесся слухъ, что правительство стремится обратить всѣхъ казаковъ въ регулярное войско или *въ милицію*,—и что генералъ-майоръ Траубенбергъ пріѣхалъ на Яикъ брить бороды имъ. Января 13-го произошла битва между войскомъ и казаками; Траубенбергъ былъ убитъ, казаки взяли верхъ и торжествовали. Чтобы оправдаться въ мятежныхъ поступкахъ, они отправили своихъ выборныхъ для разъясненія дѣла въ Петербургъ. Это обстоятельство

въ пѣснѣ передается такъ: прибѣгалъ къ войску Яицко
му курьеръ М. П. Шубеченковъ,

Привозилъ отъ государыни повелѣньяице,
Объявилъ войску службу лиціонну

(милиціонную).

Тутъ восплакнули козаки горючими слезыи.

Затѣмъ послали съ челобитной въ Петербургъ,—
и государыня «принимала просьбу слезну отъ войска
Яицкаго и простила во всѣхъ винахъ, и отиѣнила служ-
бу лиціонну». *) Другая пѣсня, служащая продолжені-
емъ предыдущей, говорить уже о связи Пугача съ ка-
заками, объ осадѣ Гурьева и Яика:

Въ тѣмъ сударыня простила,

Жить по старому пустила.

Полтора года страдали,

Все царя себѣ искали.

Нашли себѣ царя,

Донскаго козака,

Емельяна Пугача,

Сынъ—Ивановича.

Онъ со силой собрался,

Подъ Гурьевъ поднялся;

Стрѣльба была несносна,

Стоять было невозможно.

Онъ видитъ, что не взять,

Воротился възадъ.

Съ бодьшой силой собрался,

Подъ Яикъ поднялся,

Подъ Яикъ подходилъ,

Батальицу сочинилъ.

Они зачали палить,

Силу—армію валить:

Изъ Яика-городка

Протекла кровью рѣка;

Круты горы закачались,

Сыра земля затряслась,

---

*) Пѣсни Куршевск. IX, 244—5.

Мелка рыба внизъ пошла,
Мелка пташка со гнѣзда;
Укрѣпила Пугача
Сынъ—Ивановича.

Осада Оренбурга Пугачевымъ и разгулъ его по
Уралу оставили также слѣдъ въ народной повѣсти:

Охъ ты, батюшка Ленбурхъ городъ!
Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее,
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,
На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ да на устьицахъ.
Да первая рѣчушка течеть Самарушка,
Другая рѣчушка—Яикъ рѣка,
Третья рѣчушка—Уралъ рѣка.
По Уралѣ рѣкѣ живутъ козаченьки,
По Яикъ рѣкѣ—Калмыченьки,
По Самарушкѣ живутъ Татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ Пугачъ.
Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
«Не дають то мнѣ, молодцу, волюшки,—
Во Ленбурхъ сходить, Пугача убить!»

Здѣсь представлено лукавое желаніе служиваго
вырваться изъ столичной неволи и разгуляться съ само-
званцемъ по привольной степи. Мы не ошибемся, если
станемъ утверждать, что эта пѣсня относится къ *Пер-*
фильеву, который находился при началѣ бунта въ Пе-
тербургѣ по дѣламъ казаковъ Яицкихъ; онъ обѣщался
правительству привести къ послушанію бунтовщиковъ и
выдать Пугачева въ руки правосудія. Но пріѣхавъ въ
Берду, во время осады Оренбурга, сдѣлался однимъ изъ
ожесточенныхъ сообщниковъ самозванца, за что впослед-
ствіи казненъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ «Пермскомъ Сборникѣ» напечатана насмѣшли-

вая пѣсня *о войнѣ грибовъ* съ объясненіемъ, будто она относится къ случаю, когда осаждала шайка Разина Далматовъ монастырь въ Пермской губерніи, и когда одни изъ народа принимали участіе въ осадѣ, другіе разбѣжались по лѣсамъ. Но эта пѣсня и по складу и по языку скорѣе относится ко времени Пугачева, и уже со-всѣмъ не гармонируетъ съ пѣснями XVII го вѣка; по всей вѣроятности, въ ней описывается участіе заводскихъ крестьянъ въ бунтѣ Пугачева.

Какъ вздумалъ грибъ,
Нашъ грибъ боровикъ,
По всѣмъ грибамъ полковникъ,
Подъ дубомъ стоячи,
На всѣ грибы гляючи,
Повелѣть, приказать —
На войну итти *опѣнкамъ*.
Отказалися опѣнки,
Говорятъ, что ноги тонки,
Неповинны мы тебѣ
На войну итти.

Въ тѣхъ же выраженіяхъ отданы были приказы итти на войну другимъ грибамъ и они отказывались подъ разными предлогами, только пошли одни грузди.

Отказалися *бѣлянки*,
Говорятъ, что мы дворянки...
Отказалися *волнушки*,
Говорятъ, что мы старушки.
Какъ сказали *грузди*:
«Мы, ребята, дружны,
Возьмемъ-те-ка ружья,
На войну пойдемъ
И всѣхъ перебьемъ!»

Смута Пугачева отозвалась и на Украинѣ; казаки питали надежды, что самозванецъ возстановитъ имъ старые свободные порядки.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ
Да ѣ крикнувъ винъ—пугу!
Чи не дастъ Богъ козаченькамъ

Хочь теперь потугу?
Що день, що ничь, усе ждемо —
Поживы немаемъ,
Давно була: *Хмельниченька*
Уже не згадаемъ.

Ой коли-сь мы воевали,
Да бильше не будемъ:
Того счастья и той доли
По вискъ не забудемъ!
Да вже шабли заржавили,
Мушкеты безъ кѹрживъ:
А ще сердце козацькее
Не боится Туркивь. *)

Бѣгство Пугачева, послѣ окончательной битвы на
Волгѣ, воспѣто слѣдующимъ грустнымъ тономъ:

Изь-за лѣса, лѣса темнаго
Не бѣла зоря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выѣзжалъ туто добрый молодець,
Добрый молодець Емельянъ козакъ,
Емельянъ козакъ сынъ Ивановичъ.
Подъ нимъ добрый конь сивъ—буръ—
шахматный,

Сива гривушка до сырой земли.
Онъ идетъ (*ли?*)—спотыкается,
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьми слезьми заливається:
«Что ты, добрый конь, спотыкаєшься,
Али чаєшь надъ собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьеце?»
Мы билися троя сугочки,
Не пиваючи, не їдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи...

(*Окончанія не достаетъ.*)

Позволительно сдѣлать здѣсь предположеніе на счетъ

*) Воспоминається о Юрьѣ Хмельницкомъ. *Пѣсни Кирпес-
скаго*. IX, 368.

пѣсни о *Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ*: не означается ли этимъ именемъ одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Пугачева—*Чика*, тоже *Зарубинъ*, въ разбойничьей пѣснѣ?

Ходилъ-то я, молодецъ, по чисту полю;

Мягкая постелишка—желтый песокъ,

Изголовьица моя—пелинова трава.

Какъ во селѣ было во *Лысково*,

Тутъ построена крѣпкая темница,

Какъ во той во крѣпкой темницѣ

Посажень добрый молодецъ

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.

Онъ по темницѣ нехаживаетъ,

Самъ словно плачетъ, Богу молится:

«Ты возмой, возмой, туча грозная,

Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!

Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,

Невольнички, неохотнички!»

За тѣмъ представляется, что гроза разбила тюрьмы и невольнички разбѣжались, сошлись на широкой полянѣ и запѣли разинскую пѣсню: «Ты взойди, взойди, красное солнышко; обогрѣй ты насъ добрыхъ молодецъ»... Такая фантазія, дѣйствительно, могла имѣть мѣсто, когда *Чика*, котораго прозвалъ Пугачевъ *Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ*, везли на казнь съ сообщниками въ Москву черезъ *Лысково*. *) Иначе трудно объяснить, какъ отъ г. Кистрина и строго определенной личности графа пѣсня вдругъ махнула на разбойниковъ и перенеслась именно въ *Лысково*. Должно же быть какое-либо основаніе!

Суду надъ Пугачовымъ графа *Нанина*, въ г. *Сибирскѣ*, пѣсня придаетъ совершенно иное значеніе, сравнительно съ дѣйствительнымъ происшествіемъ, выстав-

---

*) Предводители войска Пугачева носили имена *Бельможъ* *Екатерины П-й*: *Чика* назывался графомъ *Чернышевымъ*, *Нанинъ*—*Воронцовымъ*, *Осипчикосъ*—*Павловымъ*, *Чумаковъ*—*Орловымъ*.

ляя и Панина и сенаторовъ неспособными вести дѣло начистоту съ рѣзкимъ отвѣтчикомъ самозванцемъ.

Судилъ тутъ графъ Панинъ вѣра Пугачева:

«Скажи, скажи Пугаченька Емельяну Ивановичу,
Многоль перевѣщаль князей и боярей?»

—Перевѣщаль вашей братьи семьсотъ семи

тысячь.

Спасибо тебѣ, Панинъ, что ты не попался,
Я бы чину-то прибавилъ, спину-то поправилъ,
На твою-то бы на шею варованны возжи,

(т. е. мягкія),

За твою то бы услугу повыше подвѣсилъ!—

Графъ и Панинъ испужался, руками сшибался:

«Вы берите, слуги вѣрны, вора Пугачова,

Поведите, повезите въ Нижній городочекъ,

Въ Нижнемъ объявите, въ Москвѣ покажите!»

Всѣ московски сенаторы не могутъ судити.

Столкновеніе графа Панина съ Пугачевымъ было въ Симбирскѣ: окруженный своимъ штабомъ, Панинъ

вышелъ на крыльцо и спросилъ самозванца: «Кто ты

таковъ?»—Емельянъ Ивановъ Пугачевъ!—отвѣчалъ онъ.

«Какъ же смѣлъ ты, *воръ*, назваться государемъ?»—*Я*

не воронъ, играя словами возразилъ Пугачевъ, *я воро-*

непокъ, а воронъ-то еще лежитъ.—Эти слова, озна-

чавшія, что Петръ III ѣ еще гуляетъ съ казачками, по-

разили народъ, собравшійся около двора; за эту дерзкую

выходку Панинъ удрилъ самозванца по лицу до крови,

и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на ко-

лѣни и просилъ помилованія...

Что же касается до пѣсни о казни Пугачева, то

она вовсе искажена и не представляетъ тѣмъ народной

пѣсни и, кажется, сочинена кѣмъ либо изъ боярской пар-

тіи. Особенно начало подозрительно, какъ «при матуш-

кѣ Витерши Алексѣвичъ весь русскій народъ жилъ во

счастьицѣ, во раждошницѣ, во богатышъ житьѣ, бѣдые ни

въ чемъ нужды не видали; всѣ молили за царицу... Окон-

чаніе пѣсни нѣсколько лучше, хотя оттѣнокъ ея и тутъ

не народный; Пугачевъ названъ проклятымъ человѣкомъ.

Ужъ какъ этотъ-то собака
Вздумалъ по Руси гулять, (2)
А себя царемъ казать;
Много казилъ, много вѣшалъ,
Много головы рубилъ (2)
И во ямушки валилъ.
Какъ пымали-то собаку
Во чистомъ полѣ,
Привезли эту собаку
Во Москву городъ гостить, (2)
Буйну голову рубить...
Ужъ казили, пятарили,
Буйну голову срубили.

По усмиреніи бунта Пугачева, правительство забрало въ руки Яицкихъ казаковъ, переименовавъ ихъ въ Уральскихъ; въ то же время оно зорко слѣдило за жизнью ихъ на Дону и въ Запорожьи. Не смотря на просьбы казаковъ, Запорожская Сѣчь была уничтожена въ годъ казни Пугачева, именно—въ 1775 г. Этотъ важный случай воспѣтъ казаками; изъ многихъ пѣсенъ мы приведемъ одну характеристическую:

Да встань, Харьку,—годъъ вже намъ спати!
Ой ходимо до Царицы милости прохати:
«Ой царице, наша мати! Змилуйся надъ нами,
Ой дай же намъ прежни степы зъ темными
лугами!»

—Не дозволю Запорозьцямъ степомъ обладати,
Да прикажу Москалеви всю Сичъ разорати!—
Ой ходить нашъ панъ кошовый, шабельку
стискае,—

Такижъ бо вонъ Москалеви виры не дѣймае:
«Ой хто хоче зъ шабельками, а мы зъ кула-
ками,

Нехай пійде наша слава помежъ козаками!» *)
Къ концу XVIII-го стол. мельче и мельче стано-

---

*) Харьку—герой уманьской битвы. См. еще пѣсни у *Киртесскаго* IX, 376—377.

вятся шапки разбойниковъ и ничтожище ихъ атаманы; повѣтому рѣже и рѣже слышатся въ пѣсняхъ собственные имена ихъ. Разбойничьи пѣсни постепенно сглаживались отъ частныхъ личныхъ особенностей и становились общими: что приспособлялось въ Орловской губер. къ разбойнику *Сиротъ*, то въ Поволжьи пѣлось уже о всякомъ горемычномъ бѣднякѣ съ сиротской долей; что на Дону характеризовало разбойника *Засорина*, то въ Тамбовской губ. относилось вообще къ разбойнику, и самое имя *Засорина* сдѣлалось ругательнымъ и означаетъ теперь вора, грабителя и буяна. Пѣсни о поимкѣ Разина и заключеніи его въ темницу приняли тоже общій характеръ пѣсенъ острожныхъ. *) Вотъ въ Саратовской пѣснѣ играетъ роль воръ *Гаврюшка*; трудно даже опредѣлить, что онъ за личность. Г. Мордовцевъ думаетъ, что это атаманъ волжскихъ разбойниковъ Гаврила Буковъ, который зимовалъ на Медвѣдицѣ въ 1775 г. и въ январѣ слѣдующаго года бѣжалъ изъ Новохоперской крѣпости (*Понизовая Волыница II, 150*). Но съ такимъ же правомъ эту пѣсню можно отнести и къ бѣглому солдату *Гавриль Кремневу*, который выдавалъ себя за Петра III-го въ 1766 г. въ Воронежской губерніи.

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое,
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось.
Уродился на тебѣ, долина, только садикъ

зеленъ;

Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ,
Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ
воръ *Гаврюшка*,

Онъ на трехъ на своихъ тройкахъ
разношерстныхъ:

Перва тройка у него коней вороныхъ,
Другая тройка у него-то коней гнѣдыхъ,
Третья тройка коней соловыхъ.

---

*) Со всеми этими пѣснями мы еще встрѣтимся послѣ.

Что гнались-то за воровъ Гаврюшенькой три
погони:

Первая погонюшка—все солдаты,

Другая погонюшка—все жандармы,

Третья-то погонюшка—все казаки.

Не догнали вора Гаврюшеньку версты за три,—

Приѣзжаетъ воръ Гаврюшенька въ городъ

Воронежъ.

Онъ атласу и бархату закупаетъ,—

Никто-то вора Гаврюшу не признаетъ,

Что за купчика Гаврюшеньку почитаютъ.

Случилось итти вору Гаврюшѣ мимо темницы,

Признавала вора Гаврюшку своя братья:

«Ужъ ты, батюшка Гаврюша, разбей ты

темницу,

Ужъ ты выпусти насъ всѣхъ молодчиковъ

на волю,

На туже на волюшку—на матушку на Волгу».

—Ужъ вы, братцы мои товарищи, мнѣ теперь

не время,

За мной гонять же за Гаврюшенькой три

погони:

Первой-то я погонюшки не боюся,

Второй-то я погонюшкѣ не поклонюся,

Третьей-то я погонюшкѣ—покорюся.—

Эта пѣсня какъ будто выражаетъ мысль, что миновало прежнее раздольное житье, когда разбойники были сильны, брали часто города, разбивали остроги и выпускали свою братью на свободу. Теперь настала уже другая пора: даже при отличныхъ средствахъ, атаману нельзя ускользнуть изъ рукъ правительства,—ни на какой тройкѣ разношерстной не умчатся отъ его преслѣдованія... Даже казаки стали не на сторонѣ гулящихъ людей.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія разбойничьихъ походовъ въ минувшее время съ народной поэзіей, оказывается, что пѣсня откликнулась на всѣ крупныя воровскія явленія сколько-нибудь замѣчательныя. Раз-

бойничьихъ пѣсень множество записано, но далеко еще не всё. Многія историческія въ нихъ черты подмѣчены съ поразительной вѣрностью, отвѣчающею теченію дѣйствительной жизни; такъ что историкъ часто имѣетъ полное право воспользоваться содержаніемъ пѣсни для изображенія сухихъ фактовъ или тощихъ показаній официальныхъ бумагъ. Впрочемъ въ своихъ пѣсняхъ народъ изображаетъ не одни дѣйствительныя историческія лица и событія, но рисуетъ ихъ идеальными чертами, создаетъ типы, какими должны быть представители разбойнаго ремесла, по воззрѣнію самаго народа. Поэтому надо остерегаться, чтобы не выдать фантастическіе узоры за бытовыя картины. Во всякомъ случаѣ, изображенія пѣсни строго соответствуютъ уровню развитія умственной и нравственной жизни народа, ясно отражаютъ его созерцанія и симпатіи. Изъ нихъ можно познакомиться съ направленіемъ его стремленій и вкуса, съ любимыми имъ поэтическими образами, художественными чертами и красками.

III.

Начиная въ XVIII-го столѣтія, русская пѣсня сильнѣе и сильнѣе оставляла почву чисто-историческую и замѣняла лица и частныя событія общими бытовыми чертами; вмѣсто прежнихъ извѣстныхъ дѣйствующихъ героевъ, являются на сцену типическія личности безымянные. Она замѣтно стала терять творческую самобытную силу, особенно при изображеніи правительственныхъ лицъ и внѣшнихъ событій, и какъ—будто совсѣмъ отвернулась отъ картинъ государственной жизни, представивъ ихъ воспѣваніе на долю солдатовъ и запасныхъ пѣшыхъ, выползшихъ на свѣтъ божій съ своими тяжелыми и хитрыми приемами и взятымъ на прокатъ или собственнымъ вымученнымъ краснопѣніемъ. Народъ сталъ останавливать свое вниманіе не на высокихъ дѣятеляхъ, а передавалъ изъ рода въ родъ образы лицъ, созданные ранѣе, которые были ближе къ его быту и обстановкѣ. Безграмотному люду незнакомы были торжественныя оды, сонеты и мадригалы; *) но питали его чувство и фантазію разудалыя или горькія пѣсни разбойничьи, часто исполненныя высокой поэзіи и раздирающей драмы.

*) Впрочемъ, раскольники иногда глумились надъ ними и считали богохульствомъ выраженіе въ одѣ Ломоносова о Петрѣ Великомъ: «Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!» и проч.

Картина, нарисованная въ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества, до такой степени въ главныхъ типическихъ чертахъ вѣрна дѣйствительности, что изъ нихъ можно составить цѣлый сборникъ своеобразныхъ историческихъ свѣдѣній о разбойникахъ, который въ тоже время представить какъ-бы одну большую повѣсть, героями которой были разудалые люди изъ всѣхъ классовъ общества—и боярскій сынъ, и купецъ, и казакъ, и бурлакъ и всякая голь кабацкая. Рассѣваемая теперь разбойничья пѣсня служитъ преданіемъ и отголоскомъ давно—минувшей старины, освѣщаетъ прошедшую жизнь и сообщаетъ иногда глубокой смыслъ явленіямъ жизни народной. По этимъ пѣснямъ можно прослѣдить всю жизнь разбойника, какъ его *мамушка скородила на юге* и какъ пришли товарищи дѣлать поминъ на его могилѣ. Его образъ и нравственныя качества, обеды и походы изображаются большею частью красками, взятыми изъ его бытовой минувшей жизни. Въ пѣсняхъ, хотя и вскользь, можно уловить и тѣ побужденія и причины, которыя такъ много гнали людей изъ мирнаго общества въ темныя пріюты разбойничьи. Вообще русскій народъ въ пѣсняхъ вспоминаетъ разбойниковъ не укоризной, а добрымъ словомъ, питаетъ къ нимъ не отвращеніе, а сочувствіе. Такая проникнутая симпатіей память объясняется неотразимой привлекающей силой и удачью, которыми отличались и древніе богатыри, закупающіе своимъ простодушіемъ и отвагой не одного неразвитаго, но и образованнаго человека. Это обстоятельство зависитъ и отъ дѣйствительнаго сочувствія народа къ представителямъ его грубой силы, направленной первоначально къ огражденію правъ и стремленій массы отъ поработительнаго могущества вышнихъ и богатыхъ классовъ общества. Но нужно замѣтить, что большинство пѣсенъ вылились изъ души самихъ же разбойниковъ, которые относились къ своему ремеслу похвальнымъ образомъ. Однообразіе занятій не могло вызвать такихъ энергическихъ выраженій думы и чувства изъ души труженика—крестьянина, какъ раз-

гульная и кочевая жизнь разбойниковъ. Вся *суть* этой пѣсни кроется въ напѣвѣ; при чтеніи нельзя получить о ней точнаго понятія, а непременно надо слышать ее въ пѣніи. Къ сожалѣнію, доселѣ положено у насъ на югѣ ничтожное количество пѣсень народныхъ, а еще при скорбиѣ то явленіе, что мотивы ихъ не только измѣняются, но и пропадають безслѣдно. А музыка разбойничашьихъ пѣсень особенно привлекательна: то грандіозная и торжественная, то грустная и хватающая за сердце, то разудалая и разгульная,—она производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. На ней отразилась самая жизнь людей, искавшихъ вольной воли, потому что она была полна мужества, отваги, постоянныхъ опасностей, чисто горя и лишеній, а подъ веселый часъ — обшнанаго разгула.

Жизнь съ вѣтшею природой, въ лѣсахъ, горахъ, степяхъ, оврагахъ и на рѣкахъ невольно шевелила фантазію, помимо исключительнаго положенія разбойника: крутые берега рѣки напрашивались отгнать эхомъ удалую пѣсню; а степь раздольная наводила тоску на душу и вызывала протяжные безконечные мотивы, какъ сама она безъ конца, только и видно было зеленое море травы да голубое небо. Бездомный русский человекъ *штался—мотался по рѣкамъ глубокимъ и по степямъ широкимъ*, гдѣ было болѣе людскаго движенія и торговыхъ сношеній, а слѣдовательно и поживы; тамъ можно было перевѣдаться съ басурманами, ограбить своихъ торговцевъ и проѣзжихъ иноземцевъ. Такимъ полемъ битвы искони вѣковъ служила пограничная линія Руси, гдѣ богатыри земства вѣчно бились съ погаными степняками, оберегая порубежныя земли:

Видѣли молодець садучи,

А не видѣли удалыхъ побдучи:

Далече они вдутъ во чистомъ полѣ,

Во чистомъ полѣ одна пыль стоитъ...

Канъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль—трава въ полѣ шатается,
А и ѣздить въ полѣ старъ—матерь чловѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.

И вотъ въ этомъ полѣ наѣзжаютъ на богатыря разбойники; значить, они тамъ водились очень рано. Украинская степь, отъ Днѣпра до Волги, отъ морей Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго, разстлала широкій просторъ для разгула голытьбы и казачества,—и пѣсни постоянно вспоминаютъ объ этой степной жизни:

Гулялъ молодець по Украинѣ
Ровно 30 лѣтъ и три года,
Загулялъ къ королю въ Литву.

Ахъ ты, степь моя, степинушка,
Ничего на тебѣ не породилось,
Нѣтъ ни травмыньки—муравыньки,—
Ни цвѣточка нѣтъ лазорева,
Только есть въ тебѣ большая дороженька,
По этой дороженькѣ стоитъ ракитовый кустикъ.

Еще не остыла кровь басурманская Крымскихъ Татаръ на украинской степи, какъ тамъ образовался, вмѣсто старыхъ защитниковъ Руси, классъ разбойниковъ, которые грабили и русскихъ и чужихъ; это—были *Харцизы* или «дохлачи запорожскіе». Въ актахъ XVII и начала XVIII стол. часто приходится читать о набѣгахъ ихъ на жителей Украины съ цѣлью грабежа, напр. 1717 г. «пришедъ ночью порою подъ городъ Новые Валки (*Харьковской губ.*) пѣшіе *Харцизы* 30 чловѣкъ и подкопавши городобую стѣну до тамошняго сотника, въ домъ его добивались кіемъ и убили свиней его 100 и гумно со всякимъ разнымъ хлѣбомъ безъ остатку»; предводителемъ этой шайки Запорожець былъ *Морочко*. Въ 1718 году перешедши черезъ валъ, измѣнникъ *Топило*, запорожскій житель, отбилъ коней, грабилъ валковскихъ жителей, вѣзавшихъ съ ар-

емъ—разбойникѣмъ. Потому даже искусственная пѣсня «что затуманилась зоринька ясная»—схватила вѣрно нѣкоторыя черты изъ жизни разбойника, хотя преувеличила ихъ:

...Бдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
Муромскимъ лѣсомъ кунцы.

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху...

Въ прежней Украинѣ по *Воронежу* разбой велись еще во времена Татарскія: князь Олегъ Липецкій и Рыльскій въ XIII стол. держалъ разбой въ лѣсахъ воронежскихъ противъ Татаръ; отъ временъ Разина до Пугачова бѣглецы и воры бродили тамъ безъ всякаго страха, врываются въ деревни, обирали проезжихъ, наводя страхъ на жителей. Приведенная выше пѣсня о *ворѣ Гаврюшешкѣ* показываетъ, какъ онъ стремился отъ погони въ г. Воронежъ и какъ много тамъ сдѣлалъ уже въ острогѣ его братья.

Степи около Волги и Дона сдѣлались самыми популярными притоками для разгуда воровскихъ людей, когда Россія подчинила себѣ Татаръ въ этихъ мѣстахъ:

Я гулялъ то, гулялъ по дикимъ степямъ —

На одной-то степи на *Царицынской*,

На другой то степи на *Камышинской*,

А на третьей степи на *Саратовской*.

Въ этой дикой и глухой степи бродили разбойники съ цѣлю укрывательства, а иногда подстерегали обозы съ бѣдой рыбицей:

Ахъ ты, степь моя, *степь Могадовская!*

Далеко же ты степь протянулася,

Отъ Саратова степь до Царицына.

Ужъ никто-то по степи не хаживалъ,

Не хаживалъ никто и не ѣзживалъ,

Только шли—прошли тутъ разбойнички. *)

*) Въ пѣсняхъ позднихъ замѣчается: *извожички*.

Послѣ кровавыхъ походовъ, они стремились туда и часто складывали свои кости раненые:

Не пыль-то въ полѣ запылилася,

Не туманъ-то съ моря подымается:

Подымались гуси, лебеди, утки сѣрыя.

Не сами собою они подымались,

Яснаго сокола они испужались,

За нимъ летить старѣ сизой орелъ;

Закричалъ онъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ:

«Ужъ ты стой—постой младъ ясенъ соколъ!

Я не бить лечу, я спросить хочу:

Ужъ и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?»

—Я гулялъ—погулялъ во дикой степѣ,

Во дикой степѣ во Саратовской;

Налетали мы на диковинку:

Лежить тѣло бѣлое молодецкое,

Не убитъ онъ лежитъ, не изрѣзанный,

Вострымъ копьцомъ онъ весь исколотый.—

По всемъ большимъ рѣкамъ разгуливали удалцы, грабили струги и суда и имѣли стоянки по берегамъ: *Хотерь, Уралъ, Ока, Кама* и другія рѣки упоминаются въ пѣсняхъ и изображаются иногда поэтическими красками. Особенно *Донъ* на далекое пространство представлялъ удобное и выгодное пристанище для казаковъ и разбойниковъ; по нему можно было выходить въ Азовское море и по близости къ Волгѣ—пробираться въ Каспійское. Когда *Донъ* люднѣлъ отъ множества бѣглыхъ сѣдцевъ и на *Дону* плохо жилось,—воры обыкновенно разсыпались по всемъ окрестнымъ мѣстамъ, напѣвая: «Ты прости, прощай, славный *тихий Донъ*!» Но при первой невгодѣ, бѣжали опять туда для спасенія; вотъ загулялся молодецъ по чисту полю и наткнулся на горе, и бѣжалъ весь израненный и забрызганный кровью.

Прикачулся молодецъ, привольнулся,

Привольнулся *ко тиху Дону*

И воскликнулъ онъ, возгаркнулъ

Своимъ громкимъ голосомъ:

«Ахъ, вы братцы мои, перевозчики

Перевезите меня на ту сторону;
Вы возьмите съ меня 50 рублевъ,
А въ придачу съ руки золотъ перстень!»

При неудачѣ вся природа принимала печальный
видъ и молодецъ обращался къ Дону:

Охъ ты, батюшка нашъ, *тихий Донъ!*

Ой, что же ты мутнехонекъ течешь?

«Ахъ, какъ же мнѣ не мутному течя:

Со дна меня студены ключи бьютъ,

Посередь меня кровъ горячая бѣжитъ».

За то послѣ поживы возвращались вору назадъ —
и весель, и чистъ былъ Донъ, когда они на зеленыхъ
его берегахъ *дуванъ дуванили*. Не смотря на запреще-
нія русскаго правительства — *шарапанать* берега Азовска-
го моря и раздражать Турокъ, являлись охотники и на
такія похождения:

Ты скажи, добрый молодецъ,

Чѣмъ царю служилъ?

— Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,

А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ. —

(Сборн. Донск. пѣс. 114).

Потомъ арена походовъ разбойниковъ отодвига-
лась за Донъ, за Волгу въ степи азіатскія. *Вола* на
всемъ своемъ протяженіи, отъ Твери до Астрахани, и
со множествомъ своихъ притоковъ, прославилась боль-
ше всѣхъ рѣкъ въ исторіи разбоевъ, какъ самый при-
вольный притонъ гулякъ.

Изъ-за горъ-то было высокіихъ,

Изъ лѣсу-то было, лѣсу темнаго,

Повышла, (2) повыкатила

Широкая матушка быстра *Вола рѣка*;

Широкая-то Волга подъ Казань пошла;

Пошире, подальше — подъ Астрахань;

Мѣсто шла ровно три тысячи,

Рѣкъ и ручеевъ брала — смѣты нѣтъ,

Выпала въ море во Каспійское.

Эта раздольная рѣка издавна слыла въ народѣ
«вольной божьей дорогой» и представляла самую выгод-

ную приманку для бѣглыхъ и воровъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Иногда попадавшие туда случайно рабочіе, втягивались въ этотъ заколдованный кругъ, соблазняясь легкой наживой,—и потому Волга искони служила богатымъ разсадникомъ и опытной школой для выработки людей этого сорта.

— Ты скажи, сирота, кто тебя воспроиздиль?—

«Воспроиздила меня родна матушка,

Воспоила, вскармила *Волга—матушка,*

Воспитала меня легка лодочка ветляночка,

Возлѣляли меня няньки, мамки—волны

быстрыя,

Взрастила меня чужа дальня сторона

астраханская;

Я со этой со сторонюшки на разбой пошелъ»....

На правой и на лѣвой сторонѣ Волги толкутся постоянно безпардонные проходимцы, преимущественно при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ нее; самый общій приемъ пѣсни, который можно относить къ каждой рѣкѣ, текущей въ Волгу, выражается такимъ образомъ:

Ой вы, доли мои, доли (2) подкошенные,

Ой вы, горы мои, горы (2) свершенныя!

На горахъ-то долахъ лежитъ бѣль горючъ

камень;

Изъ-подъ камушка бѣжить рѣчушка,

Бѣжить рѣчушка, бѣжить быстрая,

Пала устьицемъ въ Волгу—матушку:

Широко Волга—матушка разливалась!

Въ круты бережки не вбиралась!

Въ частности пѣсни означаютъ дѣйствительные при-
тѣны разбойничьи, какъ будто нарочно въ оправданіе
исторической достовѣрности; вотъ молодець говорить о
себѣ:

Послѣ батюшки манехонькій остался,

Не батюшка меня вспоилъ—вскормилъ

И не матушка меня возлѣяла;

Вспоилъ да вскармилъ *Ярославъ городъ,*

Возлелбляла меня Волга-матушка,
Раскачала меня легка лодочка.

Что пониже города Нижняго,
Что повыше села Лыскова,
Въ луговой было сторонукѣ
Протекаетъ рѣка быстрая,
И широкая и глубокая,
Но прозваньицу рѣка *Терженка*,
Она пала устьемъ въ Волгу—матушку.

Разыгралась, разбушевалась *Сура—рѣка*,
Она устьищемъ упала въ Волгу—матушку.
На устьищѣ выросъ часть ракушковъ кустъ,
У кустика лежитъ бѣль горючъ камень,
А у камушка сидятъ все разбойнички,
Сидятъ они дувать дуванать.

При устьяхъ небольшихъ даже рѣчекъ можно было встрѣтиться съ разбойниками въ старое время: по свидѣтельству Олеарія, въ царствованіе Михаила Федоровича, воровскіе казаки разграбили большое кучеческое судно съ грузомъ, назначеннымъ въ Нижній Новгородъ, при устьѣ рѣки *Уссы* въ Жегулевскихъ горахъ. Жегули представляли всегдѣшнее мѣсто укрывательства голытьбы и пѣсня влагаетъ въ уста разбойниковъ не даромъ слѣдующія слова:

Мы Самарь городочку не поклонимся,
Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся.

Прославились на Волгѣ, какъ притонъ разбойничій, *Змѣевыя горы*: тамъ прятали воры награбленныя вещи; такъ когда попали на посла персидскаго, то взяли его животы и платье цвѣтное клали для сбереженія *за гору Змѣевую* (*Древ. рус. стих. 112*). Въ случаѣ неожиданнаго нападенія на разбойниковъ сыскной командой, атаманъ кричалъ своимъ товарищамъ

Гребите, ребятушки, не робейте
Подъ тѣ ли *подъ горы поды Змыны!*.

Около Самары также мѣста считались опасными для торговцевъ:

Волга рѣченька бурлива, говорятъ,
Поды Самарою разбойнички шалять.

Въ 115 верстахъ ниже Самары извѣстна была *Казачья гора* по разбойничьимъ грабежамъ. На зиму съ Волги воры и бѣглецы разсыпались по селамъ при рѣкахъ Иловлѣ, Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку. Устье *р. Камышинки* рѣдко обходилось безъ борьбы проѣзжающихъ торговцевъ съ разбойниками; тамъ въ XVII стол. Голштинцы ѣхали по Волгѣ и видѣли рядъ крестовъ; поставленныхъ въ память павшихъ въ битвѣ съ воровскими казаками.

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать *Камышенка рѣка*,
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьищемъ впадала въ Волгу-матушку.

По ней разѣзжали воровскіе казаки донскіе, гребенскіе и запорожскіе,—и чѣмъ ближе къ Астрахани, тѣмъ болѣе ихъ встрѣчается.

На славной Волгѣ рѣкѣ на верхней,
Изголовѣ на *Бузанъ островъ*,
На крутомъ красномъ берегу,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ,

сидѣли атаманы казачіе и думали думу про добычу казачью, какъ бы достать ее на Волгѣ поудобнѣе на проѣзжихъ судахъ.

И садилися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ,
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ, *по протоку по Ахтубѣ*.

А не ярые гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тутъ козаки среди моря синяго,—

Противъ *Матвцы острова* легки струги,
выдергивали,

Струги выдергивали и веселчки разбрасывали.

Воспоминанія объ опасностяхъ въ этихъ мѣстахъ со стороны неожиданнаго нападенія разбойниковъ выразились въ пословицѣ: «*Аштуба* пуста, а безъ караула не гуляй!»

Хвалынское или *Каспійское море*, старинный привлекательный пунктъ, къ которому стремились крупнее воры и казаки, особенно часто прославляется въ разбойничьихъ пѣсняхъ. Вотъ, напримѣръ, представляетъ пѣсня какую картину: плотнички—безтопорнички состроили осмиглавную церковь, на крестѣ ея сидитъ синзой орелъ и смотритъ въ дальнюю сторону, на синее море на *Хвалынское*, на которомъ выплываютъ наряженные кораблики, убитые разбойниками, серебромъ, золотомъ и дорогими товарами. Въ другой пѣснѣ изображается, какъ молодецъ искалъ добраго мѣста привольнаго:

Не нашель-то добрый молодецъ мѣста добраго,

А нашель-то молодецъ *море синее*,

Окрай моря, окрай синяго—камышы высокіе,

Камыши высокіе, лонухи широкіе.

Тутъ онъ попалъ на притонъ разбойниковъ, играющихъ во игры серебряныя. Большая часть острововъ *Каспійскаго моря*, на которыхъ имѣли стоянки разбойники, тоже воспѣты ими: на островѣ *Лиманъ* стоялъ воровской корабль; на острова *Коловинскіе* загребали воровскіе казаки на легкиихъ стружкахъ;

На *Черновставскимъ* славномъ островѣ

Не бѣленьія лебедочки солеталися,

Не ясныя соколочки сопорхалися,

Соходилися мазурушки персидскіе,

Бурлаченъки низовые безпаспортныя.

Затѣмъ составляли *кругъ* и выбирали на *кругу* атамана и эсаула. Съ *Каспійскаго моря* пробирались они на *Уралъ*, на *Терекъ*, *Каму* или въ глубь степей азіатскихъ; но большею частью, нагулявшись досыта по этимъ мѣстностямъ, стремились опять назадъ къ *Астра-*

хани, затѣмъ къ верховымъ городамъ приволжскимъ или на тихій Донъ:

Добры молодцы во Астрахани

Погуляли, поцарствовали,

Понили—побили, на отвалъ пошли...

Похожденія разбойничьи на морѣ Каспійскомъ пѣсня изображаетъ ярко и рельефно, со многими историческими подробностями;—напротивъ воспоминанія о разбояхъ на Балтійскомъ поморьѣ слишкомъ туманны и фантастичны, такъ что въ устахъ народа приняли сказочный характеръ; да притомъ и сохранилось этихъ преданій ничтожное количество; вотъ, наприм. для образца отрывокъ:

Отправляли молодца за сине море;

Блудись по тому сию морю.

Услыхалъ удалый добрый молодецъ

Шумячись сорокъ разбойниковъ.

Закричалъ удалый добрый молодецъ;

—Ай же вы, братцы—товарищи,

Приставайте къ круту бережку!—

Выходилъ онъ на крутой бережекъ,

Приходилъ къ сорока разбойникамъ.

И сталъ ихъ допрашивать:

—Ай же вы, удалые добры молодцы!

Скажите мнѣ, заповѣдайте:

Чего вы промежду собой спорите?—

Сказали они ему, заповѣдали.

«Есть у насъ одна шапочка,

Одна шапочка—невидимочка,—

Не можемъ мы ю пораздѣлить,

На томъ мы и пораздорили».

Говорить удалый добрый молодецъ:

—Я раздѣлю эту шапочку,—

Натяну я свой тугой лукъ,

Наложу я стрѣлочку каленую,

Стрѣлю въ одну сторону:

Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой,

Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,

Тому она доставается. —
Натягиваль онъ тугой лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку калелую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодець
Тяпнулъ шаночку-невидимочку,
Садился во свою лодочку.

И поѣзжалъ впередъ по синю морю.

Такимъ же образомъ молодець тяпнулъ *скатере точку*—*хлѣбосолочку* и *коверг самолетный*.

Такъ какъ явленія жизни разбойничьей бывали одинаковы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, по этому пѣсня не всегда приурочивала ихъ строго къ извѣстному пункту и не стѣснялась иногда географическими названіями. Удачно очерченныя картины, переходя изъ края въ край, приспособлялись къ мѣстнымъ преданіямъ, причемъ измѣнялись названія степей, рѣкъ и городов. Такъ вмѣсто Украйны въ южной Россіи является Украйна другая на сѣверѣ, вмѣсто орды—Литва:

Какъ бы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не деталь бы младъ соловей
По мхамъ, по болотицамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца
Не служба государева,
Не наборы солдатскіе,—
Не ходилъ бы я молодець
По чужой дальней сторонѣ,
По Свирской Украйны.

Пѣсня, перенесенная съ Волги въ отдаленную Сибирь, старается быть туземной, съ простой перемѣной мѣстныхъ названій, напр. вмѣсто словъ волжской пѣсни:
На славномъ островѣ на *Стрижовѣ*
Собиралося собраньице молодецкое,—

въ Сибири распѣвается иначе:

Во славномъ было городѣ во Омскомъ
Собиралося собраньице вольно.

Вотъ какъ въ разныхъ мѣстахъ измѣняются слова
извѣстнаго завѣщанія Стеньки Разина:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной
Кіевской.

Между Тульской, между Курской, между
Шляховской.

Между Питерской, Московской, третьей
Кіевской.

Положите меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Между Петинскою, Иркутскою и Петербургскою.

Впрочемъ, подобная замѣна встрѣчается сравнительно рѣдко и притомъ не безъ разбора: она находитъ основаніе въ однообразіи дѣйствій разбойниковъ и согласна съ историческими обстоятельствами. Тамъ, гдѣ разбой былъ явленіемъ мелкимъ и не частымъ, названіе коренной мѣстности, въ которой возникла пѣсня, — не измѣняется, напр. въ Тамбовской губерніи поется про Волгу и Астрахань, а не о мѣстныхъ городахъ и рѣкахъ; Черноярскій воевода или Саратовскій губернаторъ не замѣняется, напримѣръ, Могилевскимъ или Псковскимъ.

Большая часть разбойниковъ бѣжали изъ общества, вынужденные необходимостью, отъ разныхъ невзгодъ, недоразумѣній и безнарядья жизни. Права свободного житья, сложившіяся издавна и вошедшія въ плоть и кровь русскаго человѣка, просили не тѣхъ обычныхъ по-

рядковъ, которые вводились силой и часто насильно, хотя вовсе несродны были народнымъ стремленіямъ; а уклонявшійся отъ нихъ становился преступникомъ передъ закономъ. Интересы администраціи часто шли въ разрѣзъ съ нуждами и желаніями народа; живучія и упорныя преданія старины не ладили съ административными нововведеніями. Повтому порядки, неотвѣчавшіе стремленіямъ народнымъ, породили увлеченія, пьяныя вспышки,—молодцы улетали въ лѣса и степи или на рѣки и моря. Народъ насильно притянуть былъ въ крѣпостное состояніе, въ которое прежде не вѣрнулъ; но практика неотразимой дѣйствительностью показала ему, что онъ стѣсненъ былъ окончательно въ торговлѣ и промыслахъ, подчиненъ вполне суду воеводско-боярскому, помимо суда земско-народнаго; личность и собственность его стали зависѣть часто отъ произвола правителей. Крестьяне обречены были поддерживать государство и беречь его изнутри и извнѣ своими силами и средствами, не щадя ни послѣдней капли крови, ни послѣдней копѣйки. Отдавая все, терпѣливый русскій человѣкъ далеко пряталъ въ сердцѣ свою раздраженную силу, всѣ обиды и озлобленія. Но когда становилось уже не въ мочь, многіе поставлены были въ горькую необходимость—бороться съ тяжелой судьбой; протестъ открытый и правдивый уже сталъ считаться безпорядкомъ и не въ правилахъ закона. Часто невозможно было исполнить всѣхъ подавляющихъ требованій, которыя обильною рѣкою текли отъ лицъ, заправлявшихъ дѣлами.

При такомъ тяжеломъ, а иногда невыносимомъ положеніи, многіе бѣжали изъ общества и дѣлались его отверженниками. И прежде шатался русскій человѣкъ по широкимъ тысячеверстнымъ пространствамъ, но не съ злымъ умысломъ, а въ видахъ изысканія лучшей землицы и прибыльныхъ промысловъ. Теперь же свободно шататься нельзя было: человѣкъ прикрѣпленъ былъ къ мѣсту, а земляца сама стала крѣпостнымъ достояніемъ казны, а не народа; повтому бѣгство приняло другой характеръ. Лица, бѣжавшія отъ тягостныхъ налоговъ,

отъ волокиты приказнаго суда и отъ рекрутчины, наполнили постоянно шайки воровскихъ казаковъ и разбойниковъ. Тутъ можно было встрѣтить членовъ всѣхъ сословій, пострадавшихъ отъ несчастнаго семейнаго положенія, юридическаго и экономическаго неравенства бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ, разоренныхъ торговцевъ и церковниковъ. Рся голытьба, пьяницы и пропойцы, бѣдняки, подавленные горемъ, сходились въ круговую и думали думу, какъ бы добыть зипуновъ и хлѣба, а при удачѣ—пожить въ свое удовольствіе. Весьма рѣдко, но встрѣчаются въ шайкахъ разбойничьихъ лица боярскаго происхожденія; исторія и пѣсня отмѣтила атаманомъ костромскихъ воровъ *Гришку—Мурышку*, который былъ «дворянскій сынъ». Желябужскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что въ концѣ XVII стол. нѣкоторые дѣти бояръ изъ знатныхъ фамилій биты на козлѣ въ Москвѣ за то, что ѣздили разбивать *государевыхъ мужиковъ*. Чаше попадаются въ воровскихъ шайкахъ духовные люди и даже монахи; въ дремучемъ лѣсу Оковскомъ (*Тверской губ.*) явилась чудотворная икона на старомъ городищѣ, около деревни *Клочковъ* въ XV стол.; объ ней повѣствуетъ преданіе слѣдующее: «А тогда жилъ въ Клочкахъ нѣкто *Мартемьянъ*, а прозвище—*Гребень*. А та чудотворная пречистая икона прежь явленья была въ того Мартемьянова имени, стояла у него въ дому,— и для тое чудотворныя иконы поставили того Мартемьяна пономаремъ, и пономарилъ у пречистые 6 лѣтъ, и велѣми за богатѣль, и учаль воровати, разбой сталъ отъ него великъ, и многожды поимывали его въ разбоѣ, и до государева слуха дошло. Государь же милость надъ нимъ показалъ, велѣлъ его понаказавши отпустить опять на пономарство; онъ же не оста стараго своего воровства, и въ томъ своемъ воровствѣ и пропалъ неподобною смертію»... Поповичи встрѣчаются и въ числѣ древнихъ богатырей, и въ шайкахъ воровъ; такъ дьячковскій сынъ *Заметаевъ*, отданный въ солдаты, бѣжалъ къ разбойникамъ и сдѣлался самъ атаманомъ въ Поволжьи; *Силантьевъ*, сынъ Казанскаго протопопа, отъ го-

рестнаго ученья въ тамошней семинаріи, бѣжалъ въ Астрахань, жилъ 5 лѣтъ приказчикомъ у купца, разграбилъ лавку и очутился въ разбойничьей шайкѣ Кулаги.

Пѣсни говорятъ, что прежде въ Новгородѣ, при развитіи ушкуевъ, сколько бы ни было братьевъ, всѣ они отправлялись на море разбой держать, а дома оставался женскій полъ; но въ позднее мирное время судьба обрекала только одного изъ трехъ:

Большему ли брату-то во солдатахъ быть,

Среднему-ль брату-то во разбойникахъ,

Меньшому ли брату съ отцомъ дома жить.

Семейныя и домашнія столкновенія и невзгоды заставляли иногда бѣжать изъ дома отъ родительскаго гнѣва на свободу — и въ степи глухой складывать свои кости.

Народился не въ отца сынъ;

Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:

«Ты ступай-ка, сынъ, со двора долой,

Ты спознай-кось, сынъ, чужу дальню сторону!»

Разумѣется, молодецъ отправился на привольную степь, и при горькомъ прощаніи съ сестрами, на ихъ вопросъ о времени его возвращенія, говоритъ имъ:

Вы подите-тко, сестры, на сине море,

Вы возьмите-тко, сестры, да вы горсть песку,

Вы поспѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду;

Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,

Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду.

Дѣйствительно, онъ сдержалъ свое слово и его потомъ видѣли

На дикой степи на саратовской,

Что убить-то лежитъ добрый молодецъ.

Отецъ имѣлъ право отдать въ солдаты непочтительнаго сына, хотя оно рѣдко прилагалось къ практикѣ:

Гулялъ Ванюшка недѣлку,

Гулялъ Ваня дѣ;

Во гуляньицѣ Ванюша

Расирогнѣвалъ мать—отца;

За то отдали въ солдаты молодца.

Еще болѣе побудительной причиной къ озлобленію,

уходу въ солдаты и къ побѣгу въ разбойничьи станы служили *супружескія отношенія*: вотъ въ прилукъ у красной у дѣвки поймали молодца, сковали его въ желѣзы, привезли къ приему въ солдаты и зачистили лобъ
вотъ спрашиваетъ губернаторъ другаго молодца:

Отъ чего ты идешь во солдаткушки,

Отъ бѣды ли или отъ напасти?

И отвѣчаетъ молодой охотникъ:

Не отъ бѣды иду, не отъ напасти,

Отъ худой славы, отъ худой жены...

Когда повобранцовъ посылаютъ въ дальніе полки,
молодой рекрутъ

На всѣ стороны покланяется,

Съ отцомъ, съ матерью онъ прощается,

Съ молодой-то женой не прощается,

Не прощается—все ругается:

— Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,

Отъ твоего ли, жена, подлюбовника. —

Но часто идетъ не въ солдаты, а бѣжитъ въ темные лѣса на разбой.

Какъ чужая-то жена —

Лебедушка бѣлая,

А моя шельма—жена

Полынь горькая трава (2),

На межѣ въ полѣ росла,

На раздольѣ на межѣ,

На широкомъ рубежѣ.

Я со этой ли тоски,

Расчесу кудри—виски (2),

Пойду въ темные лѣски...

Этотъ парень, котораго черноглазая дѣвчонка «заставила шататиться по чужой сторонѣ» величается далѣе «размальчишка молодой, воръ догадливый такой». За тѣмъ, когда уже попадаетъ онъ въ руки правосудія, — жалуется на жену или на любовницу, что она довела его до гибели, до темной темницы, до пытки и казни.

Уменя ли, молодца, змѣя жена,

Змѣя жена, ладо-скоростѣйка; *)
Моя-то змѣя изъ норъ ползеть — озирается,
По песку ползеть — извивается,
По травѣ ли ползеть — всю траву сушить;
Изушила моя лада травушку,
Да что травушку — муравушку!
Изушила ты добра молодца,
Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
Довела ты его до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того ли приказа государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его повѣсити:
Его бѣлы руки и ноги скованы,
По праву руку идетъ страшный палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная,
Позади идетъ красна дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

Пѣсня, однако, ничего не говоритъ о побужденіяхъ, по которымъ бѣжали женщины въ притоны разбойниковъ и даже становились иногда во главѣ ихъ шаекъ. Но по ходу дѣла и тѣсной связи ихъ съ разбойниками, надо заключить, что таже семейная жизнь и горькая зависимость отъ родныхъ мужа заставляла сначала обращаться *въ быльянку*, а потомъ дѣлаться любовницей бѣглаго или разбойника. Женщины постоянно находились въ воровскихъ станахъ, иногда принимали участіе въ рѣзнѣ или прятали разбойную рухлядь и нерѣдко испытывали силу суда и наказанія. **)

*) Слово: *скоростѣйка* значить — *скорня*, *скоротья*; наказание и передѣлка доходить иногда до того, что *скорня* называется *шкуротья*.

**) Даже и въ позднее время можно встрѣчать женщинъ, занимавшихся разбойнымъ ремесломъ: около 1860 г. находилась

Солдатчина, начиная съ Петра Великаго, до позднѣйшаго времени, служила источникомъ бѣглыхъ и разбойниковъ: только бывало пронесется грозная вѣсть о наборѣ, подымается страшный плачь и вой о *родныхъ* ребятахъ; принимаются средства, чтобы уклониться отъ этого неспоснаго положенія, если не въ видѣ подкуповъ, то домашними мѣрами членовредительства. Народная лѣсня, передѣланная въ солдатскую, очень вѣрно изображаетъ эту сельскую тревогу:

Пальцы рубить, зубы рветь,
Въ службу царскую нейдетъ;
А когда служить сберется,
То какъ съ жизнью разстается:
Мать, жена, братъ и свать,
Гришка, Сидоръ и Кондрать,
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ,
До кружала провожаютъ,
Всей деревней заревутъ:
«Ваньку въ некруты ведутъ!»

Ошеломленный паренъ уже заранѣе иногда навастривалъ лыжи и скрывался отъ набора; до него однако доносились слухи:

Хочутъ Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати.

Онъ, разумѣется, бѣжалъ дальше отъ родины и становился бездомнымъ бродягой, сиротиной на чужбинѣ. Передъ наборомъ каждая печальная примѣта вызывала сердечный трепетъ и предвѣщала страшную будущность:

Сидитъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воронъ не къ добру (2):
Зоветь воинъ на войну.

шайка разбойниковъ въ с. *Пирочахъ* Звенигородскаго уѣзда, атаманомъ ея была знаменитая крестьянка *Аксинья Звонарева*, съ тремя своими сыновьями—главными помощниками; поэтому ж самая эта шайка называлась *Звонаревской*. «Голосъ» 1874 г. № 61.

Пропадать тебѣ, мальчишка,
Въ чужой дальней сторонѣ!..
Ты за чѣмъ, за чѣмъ, мальчишка,
Прочь отъ родины бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего;
Ты оставилъ мать—старуху
И отца-то старика.

Чаще всего такіе бродяги, если не увеличивали количество тюремныхъ сидѣльцевъ, то пополняли число казачества:

Во шатрѣ-то стоитъ красна дѣвица,
Стоитъ слезно плачетъ...
«Ты не плачь, (2) красна дѣвица,
Не плачь, не печалься!
Какъ не быть-то, не быть твоему милому,
Не быть во солдатахъ;
Еще быть-то, быть доброму молодцу
Во донскихъ козакахъ».

Послѣ приѣма, молодые рекруты тоже предавались бѣгству, особенно тѣ разудалыя головы, которыхъ и въ солдаты-то отдавали за безпутное поведеніе или за воровство, которыхъ «возлѣдѣяла Волга-матушка». Къ тому же способствовала необычайная тяжесть военной службы прежняго времени, которая въ пѣсняхъ рисуется яркими красками:

Не кукуй ты, горькая кукушечка,
Во сыромъ борочкѣ,
Не давай-ка намъ, кукушечка,
Тоски и назоы;
Безъ того-то намъ, солдатушкамъ,
Больно, тошно!..

Разстиралась въ полѣ травушка понынѣ
горькая;
Горька ты, полынушка, изъ всей травы,
Еще горчѣй, тошнѣй того служба царская,

Служба царская—нужда крайняя.

И ни день-то, ни ночь намъ угомону нѣтъ.
Темна ночь настанеть, мы на часахъ стоимъ,
Какъ бѣлый день настанеть—во строю стоимъ.

Пристояли мы рѣзвы ножи ко сырой землѣ,
Приморозили мы бѣлы ручки ко стальному
ружью.

Охъ, тошнехонько солдатускамъ житье:
По три денежки во суточки даютъ,
По три лозонки во спинушку кладутъ.

Они ляпочки на себѣ несутъ,
А орудія на себѣ везутъ.

Хорошо еще, если на себѣ, а то случалось, напр.
на Кавказѣ, необходимость заставляла изъ солдатъ дѣ-
лать живой мостъ и по нимъ вывозить орудія; поэтому
особенно въ походахъ убійственная жизнь солдата, пол-
ная тяжелыхъ трудовъ и лишений, часто становилась не
въ мочь.

Солдаты всплакали, во походъ пошли,
Во дороженьку хоть не въ дальнюю,
Хоть не въ дальнюю да въ печальную,
На ученьицо, на сраженьицо.
Гдѣ, ребятушки, день намъ коротать,
День коротать, ночь ночевать?
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Подъ сосеною подъ зеленою.
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Намъ зголовьицо—зло кореньицо,
Одѣялишко—вѣтры буйные!

Пѣсни жалуются также часто на жестокою штыку
солдатскую или обязанность—стоять на часахъ, что ис-
торически вѣрно; прежде часовому нельзя было шагу
сдѣлать, не смотря на страшные сѣверные морозы. По-

этому нельзя не вѣрить пѣснѣ, которая утверждаетъ, что стоялъ молодой солдатикъ на часахъ и

Призобиль онъ ноженьки,

О самые сапоженьки

Бѣлы рученьки о костыньки.

Въ такомъ состояніи чаще всего приходила ему въ голову грѣшная мысль — учинить побѣгъ, благо ночная темь и тишина благопріятствовали пробраться подобру — поздорову.

Вотъ стоялъ я, молодецъ, въ караулѣ,

Пристоялись мои скоры ноги,

Какъ задумалъ я, молодецъ, бѣжати...

Что бѣжалъ я не путемъ дорогой,

А бѣжалъ я темными лѣсами;

Во темныхъ лѣсахъ весь я ободрался,

Подъ дождемъ-то весь я измочился.

Прибѣжалъ я ко своему подворью,

Прибѣжавши подъ окномъ я постучался:

«Ты пусти, сударь — батюшка, обсушиться,

Ты пусти, моя матушка, обогрѣться!»

— Я бѣ пустила тебя, дитятко, боюсь государя:

Ты поди, мое дитятко, во чистое поле,

Что буйнымъ вѣтромъ тебя тамъ обсушить,

Краснымъ солнышкомъ мое дитятко

обогрѣть. —

Какъ пошелъ я, добрый молодецъ, самъ

заплакалъ:

«Ужъ возьмитесь, загоритесь батюшкины

хоромы,

Ужъ ты сгинь, пропади матушкино подворье!»

Послѣ этого, нѣтъ нужды разъяснять, отчего увели-

чивались воровскіе казачьи круги и разбойничьи шайки.

Крѣпостное право иногда дѣлалось тяжелѣе и гор-

чѣе самой солдатчины, и крестьяне соглашались мѣнять

свое житѣ на долю солдатскую: въ царствованіе Ели-

заветы Петровны нѣкоторыя изъ крѣпостныхъ подавали

просьбы государынѣ о принятіи ихъ въ военную службу,

но ихъ велѣно бить кнутомъ и отсылать обратно къ по-

мѣщикамъ. Трудно думать, чтобы эти охотники до мар-
сова поля ужились у помѣщиковъ, отъ зависимости и
взбалмошности которыхъ желали уйти; они бѣжали ча-
сто съ подобными же выходками, какъ Ванька Каинъ,
который обобралъ своего господина и сдѣлалъ надпись
на воротахъ его дома: «Цей воду, какъ гусь, ѣшь
хлѣбъ, какъ свинья, работой чортъ, а не я!» Холопы
боярскіе не напрасно шѣли въ старое время:

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!

Во боярскомъ дворѣ жить нехочется,

Во крестьянство пойти—много надобно.

Молодецъ признается, что боится своего господи-
на, какъ бы онъ не отдалъ его въ солдаты за любов-
ныя отношенія къ красной дѣвицѣ, помимо собственной
жены, а боязнь эта привела его къ разбою:

Я гулялъ, добрый молодецъ, гулялъ долго

ночью,

Не одинъ гулялъ (2),—съ красной дѣвкой;

Красну дѣвушку люблю, разудаленькій,

по любви,

А худую-то жену разнегодную люблю по закону;

Какъ худая-то жена вознесла на меня худу

славу...

Я худой славы, разудаленькій, не боюся,—

Я боюся-то, боюся отца съ матерью,

А еще я боюся, разудаленькій, своо господина:

Я отца-то съ матерью боюся—будутъ плакать,

Господина-то боюся—отдасть во солдаты.

Я разбилъ-то, разбилъ три обоза:

Какъ первый-то обозъ разбилъ съ золотой

казной,

А другой-то обозъ разбилъ съ мелкими

товарами,

Я и третій-то обозъ разбилъ съ бѣлой рыбицей.

Когда, въ концѣ XVIII-го стол., грозила постоянная опасность разбойникамъ отъ разбѣзжихъ командъ, трудно допустить, чтобы крестьяне и бурлаки рѣшались взяться безъ крайней нужды за некорыстныя дѣянія разбойничьи. Сами разбойники указываютъ, что за опасное ремесло они брались въ крайности: *знетущая бѣдность* и *горемычное житіе* заставляли ихъ шататься и жить подъ дорогой, ѣсть и пить все готовое и носить цвѣтное платье припасенное. Таковы были *понизовые бурлаки*, которые по томъ и кровавымъ трудомъ едва могли доставать на пропитаніе самую грубую пищу; такая злая доля заставляла ихъ разгуливать на своихъ косныхъ лодкахъ и грабить судопромышленниковъ. Къ тому же и бурлачество было отребіемъ общества, которое выбрасывало ихъ, какъ дѣтеевъ, воровъ, пьяницъ и никуда негодныхъ членовъ, заклеивенныхъ словомъ: *ярыи*. Всякій попавшій въ общество этихъ бездомовниковъ, особенно молодой парень, подышавшій ихъ заразительной атмосферой, точно выходилъ изъ острога, способный на всякую кражу и грабежъ. Не напрасно пѣсня представляетъ ихъ, словно «черныхъ вороновъ», слетающихъ на добычу; а мать предостерегаетъ своего молодого сына отъ ихъ губительнаго вліянія:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,

Что съ бурлаками, со *ярыями*;

Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,

Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:

Потерять тебѣ, сыну, буйну голову!..

Такимъ образомъ, какъ окружающая среда, воспитавшая бурлаковъ, дѣйствовала на нихъ губительно; такъ и они распространяли язву на молодое поколѣніе, которое имѣло несчастье соприкасаться съ ними.

Тяжело доставалась насущная пища въ прежнее время: для этого иногда надо было крестьянину итти въ кабалу или на грѣховные промыслы; необыкновенно—грустнымъ тономъ и ироніей надъ своимъ безвыходнымъ нищенскимъ положеніемъ и страшнымъ ремесломъ отзывается пѣсня о *Сиротѣ*, какъ онъ съ горя и кручины беретъ *вязовую иголочку* и начинаетъ *стебать* ея богатыхъ людей.

— Ужь ты спой, Сирота,
Съ горя пѣсенку! —
«Хорошо пѣсни пѣть,
Да побѣдавши;
Я и я ли молодець
Легъ — не ужанагъ,
Шоутру рано всталъ
Да не завтракагъ;
Да плохой былъ обѣдъ,
Коли соли нѣтъ!..
Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли,
Нѣтъ ни кислыхъ шей...
Я пойду ли молодець
Съ горя въ темный лѣсъ,
Я срублю ли молодець
Я иголочку, я вязовую.
Хорошо иглой шить,
Подъ дорогой жить;
Ужь и разъ-то я стебнулъ,
Вотъ и сто рублей;
А другой-то разъ стебнулъ
Да я тысячу;
А какъ третій разъ стебнулъ,
Казны смѣты нѣтъ!..»

Въ этой замѣчательной пѣснѣ сказалась горькая на-смѣшка надъ трудомъ и ремесломъ, когда они ведутся честно и съ усердіемъ, но по обстоятельствамъ остаются непозволительно до такой жалкой степени, что не

доставляютъ самой скудной пищи человѣку—хлѣба, соли и кислыхъ щей. *) Обстановка жизни бѣдняка стариннаго времени нерѣдко была ужасающая:

Наготы и босоты
Изнавѣнены *шесты*, **)
А холоду и голоду
Полны амбары стоять,—
Пыль да копоть—
Нечего лопать!..

До разбойничества доводила уральцовъ не одна бѣдность, но и *безшабашная жизнь*, особенно торова-тыхъ сынковъ богатыхъ людей, молодыхъ купчиковъ, которые, не получивъ никакого образованья и ученья, бросались на наслѣдство своихъ предковъ, какъ вороны на добычу, и проматывали самымъ безалабернымъ образомъ.

Ужъ и некому мальчишку,
Меня было научить...

---

*) Эта пѣсня поется въ Орловской губер. о разбойникѣ по прозванью *Сиротъ* (*Современ.* 1861 г. кн. 5); но въ Поволжьи означаетъ всякаго бурлана или бѣдняка:

—Сиротка ты, сиротинушка,
сироточка горькая,
Сиротинушка ты, горькая,
горемычная!
Ты запой-ка, сирота,
съ горя пѣсенку.—
«Хорошо вамъ, братцы, нѣтъ:
вы побѣдали,
А я-то, сирота, легъ не уживавши,
всталъ не завтрававши;
У меня-ль, у сироты, нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли,
нѣтъ ни кислыхъ щей,
Одна корочка—засушенная—
и та лѣтошняя».

**) *Шесты* ставились мелочными торговцами въ прежнее время на торжкахъ и базарахъ; на эти *шесты* вѣшали разные товары, наприм. сапоги, шапки, цѣлыми вязанками.

Ужъ и жилъ я, веселился
И имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и эготъ капиталъ
Весь я пропилъ, промоталъ:
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю—
Въ бѣлый каменный острогъ.

Другой достаточный человекъ просто за чаркой водки развязывалъ свой языкъ, начиналъ ругать стѣснительные порядки; находились охотники поживиться на счетъ его добра, объявляли «слово и дѣло», или старались представить его опаснымъ человекомъ для государства. Бѣжавшій отъ процедуры суда, онъ уже считался виновнымъ, его искали и преслѣдовали закономъ; если бы ему и хотѣлось вернуться къ старымъ мирнымъ занятіямъ, боязнь и страхъ жестокаго наказанія мѣшали этому желанію. А то худая слава или увольненіе изъ общества препятствовали молодцу вернуться изъ побѣга на родину—и приходилось ему погибать въ чужой дальней сторонѣ, которая безъ вѣтра сушитъ, безъ мороза знобитъ.

Сушитъ—крушитъ меня, молодца, печаль-горе,
Печаль горе меня, молодца, худая слава:
Отъ худой-то я славы, добрый молодецъ,
погибаю

И на чуженькой на дальней на сторонкѣ...

Разумѣтся, находилось много лицъ, извѣдавшихъ горе, потомъ желавшихъ избыть всякаго труда и пожить на раснашку. Много являлось *тѣнищъ и пропойцъ*, для которыхъ судьба на реду написала скитаться въ бѣгахъ или вертѣться въ буйномъ водоворотѣ воровъ и разбойниковъ, гдѣ близко вино зеленое или царевы кабаки. Такимъ людямъ нельзя было ужиться и въ донскихъ казакахъ:

На зорѣ было да на зорюнкѣ,
На восходѣ солнца краснаго,
На закатѣ мѣсяца яснаго,
На широкой было на площади,

Тамъ стоялъ полкъ Кутейликовъ:
Во полку служилъ младъ донской козакъ,
Станицы Берёзовской, Горемыкинъ сынъ;
Служилъ онъ ровно три года,
Не отслужилъ—за Дунай бѣжалъ.
Перебѣжалъ онъ Дунай—тужить, плакать
сталъ:

«Старона ты моя, сторонушка!
Прошолъ я тебя всю въ конецъ,
Не нашель ни отца, ни матери,
Ни роду своего, ни племени,
Только нашель царевъ кабакъ;
Во царевомъ кабакѣ сидятъ донскіе козаки,
Тамъ сидятъ они, пьютъ—гуляютъ.
Во кабакъ я ишолъ, какъ макъ цвѣтеть,
Изъ кабака вышелъ, какъ мать родила.
Мамушка моя, родимая мамушка!
За чѣмъ ты меня, горькаго пьяницу, на свѣтъ
породила?»

Лучше бь ты меня на роду придавила,
Чѣмъ меня на свѣтъ пустила!»

(*Пѣсни Киръев. X, 100—101.*)

Разбойничьи и казацкія воровскія движенія заявляли нетерпѣливо объ угнетенныхъ народныхъ стремленіяхъ и силахъ. Разинъ съ зажиточными казаками не думывалъ думы, а думалъ крѣпкую думушку *съ голутвою*; казаки въ Астрахани при Петрѣ Великомъ шли противъ нѣмцевъ и въ защиту православной вѣры, желали отстоять обычай предковъ; атаманъ Голый писалъ: «намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлають, а вы, голутьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ, нагіе и босые: будетъ вамъ платье и жалованье» и проч. Во время Вулавинскаго бунта Лукьяиъ Хохлачъ съ отрядомъ воровскихъ казаковъ встрѣтился за Битюгомъ съ Бахметевымъ—и воры начали толковать: «Если побьемъ царскіе полки, пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцовъ распустимъ, судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцовъ побьемъ!» Они даже писали Бахметеву: «Намъ только дѣло

до вѣнецъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей!» Пугачевъ въ своемъ манифестѣ обѣщала жаловать народъ «крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію». Отсюда ясно, почему въ народныхъ пѣсняхъ замѣтно выражается сочувствіе къ разбойникамъ.

Бояръ воры ненавидѣли, думали всегда о нихъ широкимъ производѣ, будто они разоряютъ *безъ указа государева* казаковъ и народъ, какъ укорялъ Игнатій Некрасовъ князя Долгорукова: по идеѣ, составленной въ народѣ о царѣ милостивомъ, атаману не могло помѣститься въ голову, чтобы Петръ Великій издалъ такой строгій указъ о разореніи донскихъ казачьихъ станицъ. Вообще имя царя было священнымъ для самой крайней вольницы (*Истор. Моногр. Н. И. Костомарова II, 284*). Извѣдавшіе горькую долю въ жизни, знали по опыту положеніе разныхъ классовъ общества, — и когда судьба заносила ихъ въ лѣса дремучіе къ разбойникамъ, они смотрѣли на массу населенія, какъ на силу страдательную. Вообще доставалось отъ нихъ тѣмъ лицамъ, которыя притѣсняли крестьянъ, старались поживиться на счетъ ихъ труда и «до нѣкоторыхъ чиновъ произойти». Они преслѣдовали и грабили бояръ. Народъ составилъ нелестное мнѣніе о боярахъ, не исключая самыхъ приближенныхъ къ царю; Ермакъ, когда пріѣхалъ изъ Сибири въ Россію, —

Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ царю Грозному.

Народъ влагаетъ въ уста князю Черкасскому укор придворнымъ въ такомъ родѣ:

«Ой вы, гой есте, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дарма ѣдите хлѣбъ,
Зелено вино распиваете,
На боку лежа, дары получаете»...

Всѣ князья — бояре призадумались,
Со стыда носы повѣсили.

Боярамъ и служилымъ людямъ разбойники чаще другихъ платили полуночные визиты. Особенно бѣглецы холопы любили грабить своихъ господъ и тѣшились надъ ихъ страданіями, изобрѣтая способы мщенія и расправы.

Отъ разбойниковъ доставалось постоянно также *управляющимъ и бурмистрамъ*, жестокимъ въ обращеніи съ крестьянами. Такъ въ царствованіе Елизаветы часто нападали они на вотчины графскія и княжескія, наприм. въ с. Никольскомъ графа Головкина на Ветлугѣ было 1668 человекъ; воры днемъ убили прикащика и разграбили казну помѣщика; въ с. Воскресенскомъ Сокольской волости на р. Воронежѣ, принадлежавшемъ Шереметеву, воры разбили его дворъ, прикащика били и огнемъ жгли. То же было въ имѣніи князя Хованскаго въ с. Петяковѣ Суздальскаго у. Болѣе безопасны были отъ разбойничьихъ нападеній городскіе правители и *приказные судьи*, но и до нихъ добирались смѣльчаки, мстили имъ за продажу закона и совѣсти. Образованный князь Щербатовъ въ «Разсужденіи о голодѣ 1787 г.» пишетъ по поводу затрудненій раздѣла денегъ въ банкѣ: «Чего достойны банковые судьи за то, что грубый ихъ поступокъ огорчаетъ народъ, и что они, можно сказать, употребляютъ свое искусство не тишину сохранить, но произвести возмущеніе? Ибо довольно люди терпятъ, видя кредитъ нарушенный, не имѣя денегъ на раздробительную покупку, платя знатную часть за промѣнъ; за чѣмъ же запираютъ ворота и часовымъ велѣтъ отбивать, когда народъ проситъ о исполненіи монаршаго торжественнаго слова? Воззрѣмъ на прежнія времена; архіерей Амвросій меньше сдѣлалъ и былъ народомъ убиенъ; а сіи судьи не къ тому ли народъ побуждаютъ?» (Чт. Общ. Ист. и Др. 1860 г.). Въ XVIII-мъ стол. разбойники, особенно часто въ Тверской губ., подстерегали сборщиковъ податей, отбивали у нихъ казенныя деньги и мстили за жестокіе пражежи

бѣдняковъ, которыя производили они во время сбора подушныхъ.

Грабили не рѣдко разбойники *заситочныхъ* крестьянъ, которые подъ кровомъ чиновниковъ собирали богатство, или по своему жестокосердію и скупому характеру, притѣсняли бѣдняковъ и оставляли безъ куска хлѣба своего собрата. Евангельскій богачъ служилъ образцомъ немилосердія и жадности; по воззрѣнію русскаго человѣка, этотъ скаредъ спускалъ лютыхъ псовъ на нищую братію, приговаривая:

«Да чѣмъ же, убогій, ты сталъ мнѣ грозить?»

А я не боюся ничѣмъ ничего:

Бѣда ко мнѣ придетъ — казной откуплюсь,

Отъ вора-разбойника ружьемъ отобьюсь,

Отъ нищей отъ братіи ворота запру!»

Сильно вооружались разбойники противъ подобныхъ жестокосердыхъ крестьянъ зато, что у нихъ «въ домѣ борзые кобели», что они хлѣба не пашутъ да рожь продаютъ, деньги берутъ да въ кубышку кладутъ, пива не варятъ и сосѣдей не поятъ, прохожихъ людей ночевать не пускаютъ, прямыя дороги не сказываютъ и копятъ безцѣльно деньги. (*Древн. рос. стих. 410*). Тоже надо сказать о *торговцахъ*, которымъ болѣе всего доставалось отъ разбойниковъ, когда они находились въ связи съ властями; такъ часто на Волгѣ, подстерегая губернатора, воры останавливали торговцевъ на судахъ и говорили, что они ищутъ своихъ враговъ,

«А до васъ до купцовъ,

Удалыхъ молодцовъ,

Намъ и дѣла-то нѣтъ».

Но когда они таили властителя подъ товарами и разбойники его отыскивали, то плохо доставалось купцамъ: «вы сами себѣ враги, зачѣмъ утаили губернатора!» Такіе случаи бывали, если ихъ руководила не цѣль грабежа, а желаніе мстить официальнымъ людямъ; но за то они не щадили торговцевъ, набивавшихъ карманы обманомъ, насчетъ довольства и благосостоянія народнаго, и лезшихъ изъ кожи — «перепрыгнуть въ барѣ».

Впрочемъ, нужно сдѣлать оговорку, что не всегда и не вездѣ разбойники руководились строгимъ расчетомъ: обстоятельства и случайности часто заставляли ихъ выходить изъ предѣловъ соображенія и благоразумія.

Обстановка жизни разбойника и его столкновенія исполнены были непредвидѣнныхъ перемѣнъ и тревожныхъ; желанія и стремленія людей этого сорта постоянно разбивались въ прахъ: сегодня они щеголяютъ въ атласѣ и бархатѣ, а завтра—въ гунѣ кабацкой; недѣлю спятъ они на тяжелыхъ пуховикахъ, а мѣсяцъ цѣлый—на заезженныхъ рогожахъ или на ковыль-травѣ; до полуночи пируютъ они около столовъ, уставленныхъ въ изобиліи яствами сахарными и питьями заморскими, а на бѣлой зарѣ едва остается въ карманѣ «одна корочка засушенка». Судьба перебрасывала ихъ быстро изъ одной крайности въ другую: отъ буйства къ смиренію, отъ безопасности и веселья къ горю и печали—былъ одинъ шагъ. По этому нерѣдко разбойникъ, не жестокой по натурѣ, могъ походить на лѣснаго голоднаго звѣря; въ немъ заглушался голосъ совѣсти и жалости. Тяжела была жизнь этихъ отверженныхъ людей, хотя издали казалась привлекательной своимъ свободнымъ безшабашнымъ разгуломъ. Поэтическія пѣсни, сложившіяся въ раннее время, продолжали прославлять обстановку и житье-бытье разудалыхъ молодцевъ и въ то время, когда все это сильно измѣнилось и ухудшилось,—и вводили въ заблужденіе горячихъ людей, маня ихъ на просторъ, раззадоривая изображеніемъ поэтической обстановки пожить на распашку на волѣ. На самомъ дѣлѣ приходилось имъ жить, вмѣсто шелковыхъ шатровъ, въ тѣсныхъ и грязныхъ землянкахъ, въ дикихъ ущельяхъ или пещерахъ горъ, въ оврагахъ, подъ густымъ навѣсомъ деревъ въ камышевыхъ шалашахъ. Воровскіе казаки ватаги Ермака представляютъ образецъ скитальчества: они взяли запасы—

И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.
И нашелъ они пещеру каменную
На той на Чусовой рѣкѣ,

меньше и меньше и они расходились на зимовку по деревнямъ. Но тамъ давали пріютъ бродягамъ, если они знали какое-либо мастерство или ремесло, иначе гнали ихъ подальше изъ боязни, какъ бы они чего не накусили. Поэтому такъ тоскливы пѣсни, въ которыхъ выражаются жалобы на холода и сырость:

Ой, вы грязи мои, грязи черныя, разосенни,
Ой, вы осенія грязи, самыя послѣднія!..

Ахъ туманы, вы туманушки,
Вы туманы непроглядные,
Какъ печаль—тоска ненавистные!
Изушили туманушки молодцевъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности.
Ты взойди, взойди, солнце красное!

Но такихъ пѣсень, въ которыхъ рисуется жизнь разбойника въ мрачныхъ чертахъ, сохранилось мало, въ видѣ исключенія,—значительное количество ихъ совершенно противоположнаго характера. Естественное дѣло, что самолюбіе и воображеніе разбойника отвращалось отъ горя сѣраго и невзрачной жизненной среды, отъ которыхъ онъ большею частью бѣжалъ изъ крестьянства; а останавливалъ свое вниманіе на привлекательныхъ сторонахъ ея. Въ этомъ случаѣ старинная пѣсня удержала самыя мелкія подробности изъ окружающей среды воровскихъ людей и въ ту пору, когда уже ихъ не могло существовать.

Какъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая;
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка,
Во этой во горенкѣ стоять столы новые,
Стоять столы новые, кадиновые;
На этихъ на столикахъ разостланы скатертки,
Разостланы скатертки, вороные шелковые,
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые.

На стульяхъ сидятъ добрый молодецъ съ душой
красной дѣвицей, играютъ во игры серебряныя, — и мо-

лодецъ проигралъ три кораблика. А то переносить пѣ-
сня разсказъ о шатрахъ шелковыхъ, въ которыхъ стоятъ
стола дубовые, скамьи кленовыя, на столахъ чернильни-
цы золотыя, а перья лебединыя и гербовая бумажка. Кро-
вати, какъ обыкновенно водилось встарь, и у воровъ
были тесовыя, а перины пуховыя. Копѣйки воръ дол-
го заболтался вечеромъ со своей сударушкой;

Во второмъ часу ноченьки спать ложился,
На новенькой на тесовенькой кроваткѣ,
На мякенькой на пуховенькой на перинкѣ...
По утру-то ранымъ-рано отъ сна пробуждался,
Онъ со травоньки студеной росой умывался,
Штымъ бранымъ полотенцемъ утирался.

Очень часто, послѣ успѣшныхъ своихъ набѣговъ,
разбойники отдыхали и проводили время въ различныхъ
играхъ съ шикарной обстановкой; они играли *въ май-
данъ*, т. е. въ шашки, въ кости и въ карты. Останав-
ливались воровскіе казаки на островѣ,

Веселечки разбрасывали, майданы
разставляли,
Ковры раздергивали, ковры тѣ сорочинскіе,
И бесѣдки дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли казаки золотыми тавлеями,
Золотыми, дорогими валящатыми...

Заплывали, загребали въ Коловински острова,
Становились молодцы въ тихихъ заводяхъ,
Выходили гулять на зеленые луга,
Разставляли майданы терскіе,
Раздернули ковры сорочинскіе,
А играли казаки золотыми тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами.

Обыкновенно они играютъ на деньги и на товары,
а иногда игра велась не о трехъ корабляхъ, а о буйной
головеушкѣ.

По кругому по красному бережку,
По желтому сыпучему песочку,

Другой мой товарищ—конь добра лошадь,
Третій мой товарищ—стально ружье!»

Впрочемъ неизмѣнныхъ товарищей не было: вмѣсто ружья висѣлъ булатный ножъ, вмѣсто коня уносила лодка, а то и ноги быстрыя; иногда разбойники, прежде смѣлыхъ предпріятій, старались запасть и работать оружіе. Атаманъ совѣтуетъ молодцамъ браться за свои промыслы, чтобы сытымъ зимой быть:

А мечитесь по кузницамъ, накуйте топоры,
А накуйте топоры съ подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
А и сдѣлайте бердыши и рогатины.

Бдетъ ли разбойникъ по пробойной дорожкѣ и по степи широкой, подъ нимъ конь-лошадь быстрая, а товарищи его сидятъ на тройкахъ вороныхъ коней или другой масти; плыветъ ли онъ по рѣкѣ глубокой, его лодки и стружки хорошо изукрашены и принаряжены; «на всякомъ стружкѣ 50 гребцовъ, воровскихъ козаковъ.»

Что сверху-то было Волги—матушки
Выплывала-то легка лодка,
Ужъ и всѣмъ лодка изукрашена:
Парусами она изувѣшана,
Ружьями изуставлена;
У ней носъ, корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы;
Среди лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ,
Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица...

На морѣ на Каспійскомъ стоялъ воровской корабль,
вооруженный пушками;

На этомъ на корабличкѣ муравлинъ чердакъ,
Въ этомъ чердачкѣ золотой бунчукъ,

Въ этомъ бунчукѣ царски значечки,
У этихъ у значечковъ часовой стоитъ.

Очевидно, эта обстановка можетъ относиться только къ крупнымъ ворами — самозванцамъ, какъ, напримеръ, Разину.

Сборнымъ пунктомъ разбойниковъ чаще всего былъ *кабакъ* или *кружало*, гдѣ они бросали рублевички за стоечку безъ счету и шли туда «какъ макъ цвѣтетъ, а выходили — какъ мать родила». Къ тому же ловкіе цѣловальники, наживаясь отъ этихъ тороватыхъ добрыхъ молодцевъ, сами держали пріютъ воровъ, укрывали ихъ во время невзгоды и прятали грабежные пожитки. Но случалось, навѣщали они царевы кабаки съ цѣлью напомнить о монополіи винокурения, пили и брали съ собой зелена вина, сколько надобно, а еще болѣе били посуду и разливали напитки; разграбивъ деньги, не щадили они и цѣловальника. Послѣ каждого похождения, удачнаго и неудачнаго, съ горя и съ радости, они напивались и пѣли: «моя буйная головушка закружилась!». Подъ веселый часъ они «кушали кушанье разное и пили питья медвяныя, питья все заморскія на столахъ — дорогъ рыбій зубъ»... Много разсѣяно по святой Руси преданій о разбойничьихъ кладахъ, но на самомъ дѣлѣ награбленная добыча больше всего шла во царевъ кабакъ, на даровое угощеніе всякаго встрѣчнаго и поперечнаго: да и къ чему жалѣть не трудомъ нажитое, чужое добро!

Взялъ удалый добрый молодецъ золоту казну
И понесъ онъ въ каменну Москву;
Приходилъ въ Москву на царевъ кабакъ
И купилъ — бралъ зелена вина,
Самъ говоритъ таковы слова:
«А и пейте, братцы, зелена вина!
Не пропить моей золотой казны, —
Есть у меня золотой казны 40 тысячей».

И этотъ молодецъ на допросѣ объ ограбленной монастырской казнѣ похвалялся:

Я не въ кладъ казну клалъ, животомъ не звалъ,

Ужъ я клалъ тоё казну во большой—атъ
домъ

Во большой—атъ домъ, во царевъ кабакъ.

Возбужденные пьянствомъ, разбойники предавались разгулу и рѣшались на самыя отчаянныя предпріятія; при такомъ состояніи некогда было подумать о своемъ ненавистномъ ремеслѣ. Пѣсни постоянно останавливаются на этомъ обычномъ явленіи разбойничьей жизни:

Козаки были пьяные,
А солдаты не со всѣмъ умомъ:
Напускалися на нихъ драться.

Загулялся донской козакъ:
Не явился въ каменну Москву.

И будутъ козаки на великихъ радостяхъ,
Запилися молодцы всѣ до одинаго.

Пропились-то ребятушки, промотались,
Во косточки и во карты проигралися.

У похмѣльнаго добраго молодца
Буйна головушка болитъ;
А вы, милы братцы—друзья,
Вы купите винца, охмѣлите молодца:
Хотя горько да жидко,—давай еще!...

Шайки разбойниковъ дѣйствовали раздробленно, каждая отдѣльно одна отъ другой, рѣдко соединяясь между собою; они не имѣли строго—опредѣленной цѣли и сознательнаго начала, да и организація ихъ не отличалась особенной прочностью. *Внутренній ихъ бытъ* сложился на основаніи обычая и артельного начала: они выбирали себѣ предводителя и помощника, которыхъ

могли смѣнять, а членовъ шайки выгоняли изъ общины за разные проступки, судили и наказывали иногда жестоко. Выборъ атамана и эсаула производился на кругу по казачью (*Чт. Общ. Ист. и др. 1858 г. 135—6*).

Сходилися тутъ удалы добры молодцы,

Становились во единый кругъ,

Стали думати думушку за единое,

Со крѣпка ума, съ полна разума:

«А кому-то, братцы, атаманомъ быть

И кому же, братцы, эсауломъ слыть?»..

Награбленная добыча постунала въ дѣлежъ, *на дуванъ*; она распредѣлялась поровну между разбойниками, а отличавшіеся удалю, атаманъ и эсаулъ брали больше другихъ. Казаки дуванъ дуванили;

На первый-то пай клали 500 рублей,

На другой-то пай клали всю тысячу,

А на третій становили красну дѣвицу.

Дѣлежъ происходилъ иногда оригинальнымъ способомъ: атласъ и бархатъ распредѣляли *по размеру естамъ*, золотую парчу—*по достоинствамъ*, жемчугъ—*по молодечествамъ*, а золотой казны, *сколько надобно*. Постороннимъ лицамъ, неучаствовавшимъ въ грабежѣ, не удѣляли ничего:

Я ходилъ—гулялъ по чисту полю

И находилъ во чистомъ полѣ

Шестидесять удалыхъ молодцевъ,

И подѣляютъ они золоту казну,

И золотой казны сорокъ тысячей;

И просилъ я у нихъ золотой казны

Хотя малаго жеребеечка.

А они говорятъ удалые молодцы:

«Голечекъ ты, удаленькій молодецъ,

Не можешь нажить себѣ золотой казны.

А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,

А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,

А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!»

Тякъ какъ по достоинству и молодечеству развер-

стать разнообразныя вещи было хитро, то происходили на дуванѣ неудовольствія и жалобы:

У камушка сидятъ все разбойнички,
Сидятъ-то они дуванѣ дуванятъ,
Да кому изъ нихъ что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золотъ перстень.
Одному добру молодцу ничего не досталось,
Доставалась ему одна красна дѣвушка.
Какъ растужится, разгорюется добрый
молодецъ:

«Во разбоѣ-то я у васъ первый былъ,
Во дуванѣ-то я у васъ послѣдній сталь!»
Какъ возговорить ему красна дѣвушка:
«Ты не плачь, удалъ добрый молодецъ!
У меня, у красной дѣвицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоитъ 800 рублей;
Еще есть у меня у дѣвушки золотой перстень,
Золотъ перстень стоитъ 900 рублей.»
Какъ возрадуется удалъ добрый молодецъ,
Что бросился ей на бѣлую грудь,
Цѣловалъ ей бѣлыя рученьки.

Атаманъ разбойничьей шайки распорядился съ общаго согласія и руководилъ движеніями при нападеніи и защитѣ; онъ давалъ совѣты, какимъ образомъ вести себя, чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли.

Ахъ надо-де къ крестьянину умѣючи идти:

А по полю идти—не посвистывати,
А и по бору идти—не покашливати,
Ко двору его идти—не пошаркивати.
У крестьянина-то въ домѣ борзые кобели
И ограда крѣпка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крѣпко заперты.

Чаще всего разбойники или атаманы ихъ, чтобы обмануть населеніе и удачнѣе достигнуть своихъ цѣлей, прикидывались купцами, какъ дѣлала Разинъ, Пугачевъ и воръ Гаврюшка; такую же роль приписываетъ пѣсня Ермаку съ компаніей:

Будутъ козаки у царства астраханскаго,
Называется тутъ Ермакъ со дружиною
Кушцами заморскими;
А явили въ таможи товары разные,
И платили пошлину въ казну государеву,
И своими товарами торговали безъ запрещенія.
Цодъ такимъ прикрытіемъ они свободно расхаживали и развѣдывали, что имъ было надобно, и подбирались иногда къ гостиннымъ дворамъ. Такъ Яшка Засоринъ задумалъ обокрасть красные ряды въ г. Ростовѣ:

Онъ по этимъ по рядочкамъ да Яшка гуляетъ:
Онъ ко всякому замочичу ключичъ полбираетъ,
Онъ и красныи товары Яшка выбираетъ,
Онъ своему брату Ковалеву товаръ отдаваетъ;
Онъ про то, воръ Засоринъ, онъ думу
гадаетъ,
Онъ думу все гадаетъ, что никто не знаетъ:
Вдругъ его поймали, кнутомъ наказали,
Да кнутомъ наказали, да въ Сибирь сослали!..

По возрѣнію народа, разбойникъ отличается необычайной отвагой; этотъ человекъ долженъ быть *соринъ* — голова и если не силой и энергіей брать, то хитростью. Пѣсня о *Θомѣ* и *Еремѣ* выражаетъ насмѣшку надъ цоумѣлыми и безтактными людьми, которые лезутъ со своимъ задоромъ всюду, хватаются за всякое предпріятіе, но нигдѣ имъ нѣтъ удачи и каждый шагъ ихъ оканчивается къ ихъ же горю.

«Ужъ ты, братъ, стой, Еремей честной!
Знать не наше съ тобой дѣло—овины сушить,
Овины сушить да и рожь молотить;
Такъ не лучше-ль намъ, Ерема, при дороженькѣ
стоять,
При дороженькѣ стоять и обозы разбивать?»
Вотъ Ерема взялъ дубину, а *Θома*-то вазову.—
Какъ навстрѣчу имъ злодѣй да мужикъ
лиходѣй;
Онъ Ерему-то дубиной, а *Θому*-то вазовой:
Ужъ Ерема-то бѣжить—не оглянется....

Не таковы настоящие разбойники: у них слово связано съ дѣломъ и для достиженія цѣли они не задумаются сложить буйную голову; они смѣются надъ опасностью жизни и преслѣдованіями властей; ихъ сила и энергія такъ могуча и вліятельна, что вызываетъ изумленіе и славу въ народѣ, которыя передаются, какъ дѣво, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Удаля и отчаянныя предпріятія воровскихъ людей необычайно сильно возбуждали фантазію народа, такъ что онъ приписывалъ ихъ побѣги изъ остроговъ и другія чрезвычайныя выходки не умѣнью и смѣлости ихъ, не крайности положенія, въ которомъ они находились, но ихъ *чародѣйской хитрости* и мудрости, ихъ заговорному слову. Преданія и пѣсни облачаютъ разбойниковъ сверхъестественнымъ могуществомъ, противъ котораго оказывались несостоятельными ни силы военныя, ни средства гражданскія: они глаза отводятъ, пулю и сталь заговариваютъ; у нихъ лошади могутъ ходить на однѣхъ заднихъ ногахъ; стоитъ имъ въ острогѣ взять ковшъ воды и нырнуть въ него, чтобы очутиться на свободѣ, далеко гдѣ—нибудь на Волгѣ. Суевѣрный элементъ всегда проникаетъ повѣствованія о разбойничьихъ дѣяніяхъ, не исключая даже официальныхъ донесеній, какъ мы видѣли въ разсказѣ о походеніяхъ Стеньки Разина. Вѣру въ чудесное, такъ упорно жившую въ народѣ, раздѣляли и разбойники: какъ владкопатели охраняли себя заговорами для добытія *поклажай*, мирные жители въ огражденіе отъ воровъ; такъ разбойники употребляли заговоры на силу оружія, булата и свинца. При поставленіи на судъ, на умиловивленіе злыхъ властей, читали про себя заклятія; чтобы не слышать ни жесточи, ни пытки—разбойники тоже прибѣгали къ заговорамъ или зашивали въ шапку написанныя на бумажкѣ заветныя слова.

Въ удаломъ разбойникѣ вы видите совершенно русскаго челоуѣка, по его воззрѣніямъ и привычкамъ; онъ исполняетъ строго обычаи сельскаго жителя и отличается обыкновенной *внѣшней религіозностью*. Нерѣдкость

встрѣчать въ нашихъ старинныхъ памятикахъ и преданіяхъ, какъ онъ отъ кровавыхъ похожденій бѣжалъ на суровые монашескіе подвиги: вотъ былъ *Опка* страшный разбойникъ, который пошелъ въ монахи и построилъ монастырь, называемый доселѣ *Опкина пустынь* (*Отеч. Зап.* 1867 г. I, 205). Раскольничій старецъ Корнилій отдыхалъ однажды за Москвою въ лѣсу, разложилъ огонекъ и пѣлъ повечеріе; вдругъ явилось 35 человекъ разбойниковъ. «Осмотрѣвши въ кошелѣ моемъ, говорить онъ, и видѣвши небольшія нужныя мнѣ книги и случившіяся тутъ новѣсти о спасшихся разбойникахъ, и денегъ только 10 алтынъ,—атаманъ велѣлъ читать мнѣ книги. Читалъ я имъ всю ночь; атаманъ слушалъ вни-мательно и наконецъ прослезился, примолвилъ: отъ сего дня переставу я разбойничать, а ты, отче, ступай съ миромъ и не бойся! И далъ еще мнѣ сверхъ того милостыню, примолвивъ: *блаженны вы есте!*» Такіе быстрые переходы отъ зла къ добру, отъ разбойничества къ подвигамъ внѣшняго благочестія, путешествія въ Ерусалимъ, чтобы замолить свои грѣхи, понятны въ лицахъ, въ родѣ *Василія Буслаева*, которыя руководствуются въ жизни и въ дѣлѣ религіи чувствомъ, а не сознанными правилами. Часто не трудомъ, а кроверазлитіемъ нажитое богатство разбойники раздавали бѣднякамъ или отдавали на божьи церкви, тоже въ видахъ спасенія души своей, когда страшныя трагическія столкновенія потрясала ихъ.

Вставають со сна всѣ разбойники...

Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,

Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.

Раздавали разграблено злато-серебро

И все имѣніе богатство

По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,

По тѣмъ ли церквамъ по божіимъ;

• Сами пошли скитатися по разнымъ странамъ.

Странныя крайности въ дѣйствіяхъ разбойниковъ проявляются постоянно: они рубятъ людей, поджигаютъ дома, но въ тоже время съ опасностью жизни спасаютъ

Положите меня, братцы, между трех дорогъ
Въ возголовнице поставьте сотворящій
крестъ...

(*Московск. Сборн. 1852, т. I, 343*).

Все это однако не мѣшало имъ сурово расправляться съ служителями алтаря, грабить и зажигать церкви—и бросать въ пламя связанныхъ священниковъ; не мѣшало дарить церковные стихари и ризы своимъ любовницамъ, которыя шили себѣ изъ нихъ нарядныя шубки и сарафаны, какъ было въ Бѣжецкѣ въ XVIII стол.

Рѣдко случалось, когда въ разбойничьей шайкѣ не было *женщины*, а еще рѣже—когда члены ея не имѣли съ ними сношеній въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, въ которыхъ жили ихъ любовницы или пристанодержательницы; въ роли послѣднихъ мы встрѣчаемъ и помѣщицъ. *) Начиная съ Степки Разина и кончая мелкими атаманами, мы видимъ всегда въ пѣсняхъ связи ихъ съ дѣвицами или замужними женщинами:

Вечоръ-то, вечеръ воръ Копѣйкинъ долго
загулялся,
Онъ со дѣвушкой, со своей сударушкой долго
застоялся.

Дѣвицы—заснобы сердца молодецкаго—имѣли большое вліяніе на атамана и разбойниковъ; они дѣйствовали къ укрощенію жестокихъ порывовъ необузданныхъ людей, приучали къ семейной мирной жизни своихъ любовныхъ и способствовали къ возвращенію ихъ изъ темныхъ лѣсовъ въ общество. Пѣсня, записанная въ с. *Мажаровомъ Майданѣ* (Курмышск. уѣз. Симбирск. губ.) объясняетъ эти сношенія очень граціозно, хотя языкъ ея передѣланъ на городской ладъ:

Какъ по бору, бору темному,
Какъ по темному, дремучему
Проходила толпа грозная,
Она грозная, ужасная.
Спереди шелъ призадумавшись

*) Самозв. и конзвон. воля. Мордовцева. (1), 203—4.

Атаманъ тѣхъ разбойниковъ;
На него уже не дѣйствовалъ
Громкій говоръ, пѣсни буйныя:
Крѣпко думалъ онъ объ дѣвицѣ,
Думалъ только о красавицѣ;
Покатились слезы горькія,
Взволновались груди сильныя.
Тутъ запѣлъ онъ пѣсню грустную,
Изливалъ чувства пылающіе:
«Ахъ ты, дѣвица красавица!
Ты зачѣмъ меня покинула?
Ушла тайно не сказалася
И со мною не простилася.
Вертепъ темный иль страшить тебя,
Или шайка моя буйная?
Ты скажи мнѣ, я покину все,
Удалюсь въ страну далекую,
Будемъ жить съ тобой въ спокойствіи
И забудемъ мы про прежнее.»

Женщины, при поимкѣ и производствѣ слѣдствія надъ разбойниками, оказывали содѣйствіе властямъ или своею болтливостью или подкупами: черезъ нихъ узнавали, гдѣ находились атаманы въ извѣстное время и накрывали ихъ по милости женской природы. Старая исторія Далиды съ Самсономъ повторялась и на Руси: астраханская дѣвка Маша прельстила чародѣя Разина, угостила и подпоила его съ предательской цѣлью;

На кровать спать положила—

И начальству объявила.

Сношенія дѣвицъ съ разбойниками устанавливались иногда по невѣдѣнію послѣднихъ и въ надеждѣ выйти замужъ, но обманутая надежда и оскорбленная честь вели къ страшному ожесточенію и дикой расправѣ, которая сопровождается дьявольской ироніей.

Ужъ и чей это дѣтина, чей удалый молодецъ?

Ужъ не тотъ ли добрый молодецъ изъ

Астрахани? -

Полюбилъ онъ дѣвку, полюбилъ онъ красну;

Полюбимши! красну дѣвку, насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей (2), дѣвчонка, не шей новый
положокъ!

Ужь и мнѣ ли, молодцу, не сыпать въ пологу:
Какъ и спать мнѣ, молодцу, на лодочкѣ на
носу;

Мнѣ грести-то весломъ Волгу — матушку!»

Дѣвица за эту насмѣшку желаетъ заплатитъ ему
зломъ, хочетъ растерзать этого гуляку, изъ рукъ изъ
ногъ смостить кровать, изъ желтаго сала свѣчъ налить
и т. д.; потомъ она загадываетъ подружкамъ загадку:

Я на миломъ сажу, я на милаго гляжу,
Стоитъ милый предо мной, горитъ сальной
свѣчей.

Приздумались всѣ подружки, но сестра разбойни-
ка догадлива была, выскочила на крыльцо, простудитъ
свое лицо и говорила:

Не загадку, подружка, ты загадываешь,
Погубила молодца, моего братца;
Ужь и я ли, красна дѣвица, говаривала:
Не ходилъ бы, ты мой братецъ, поздно
вечеромъ одинъ,
Не сносить тебѣ, братецъ, буйну голову
свою!

Подобное содержаніе заключается въ пѣснѣ про
Ярославца, котораго возлелѣла не мать родная, но
Волга; тамъ мстительная дѣвица поднесла ему стаканъ
водки, настоянной злыми кореньями, и стала разпра-
шивать въ насмѣшку, что у молодца на сердцѣ. Иног-
да пѣсня представляетъ, что для разбойника и родствен-
ныя отношенія ничего не значили: выдали дѣвушку за
мужъ не за князя и боярина, а за вора разбойника;

Со вечера воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту воръ съ добромъ на дворъ...
«Ужь и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной,
Разорилъ ты мою буйную головушку,
Погубилъ ты мого отца съ матерью,

Погубилъ ты мово отца роднаго!
Какъ и вынулъ воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буйну голову...
Въ зыбочкѣ дитя надсѣлося, *(отъ крику)*
А воръ-отъ сидитъ, прибаюкиваетъ:
«Не я твою матушку губилъ—терялъ,
Погубили—потеряли злы товарищи».

Первоначальная основа этой пѣсни очень древняя, напоминаетъ время кровавой мести, или относится къ насильникамъ Русской земли, въ родѣ Татаръ и другихъ иноплемешниковъ, что ясно видно изъ словъ:

Не сѣумѣла меня матушка за мужъ отдать,
Отдала меня матушка замужъ—за море.

Какъ мужчины, такъ и женщины въ притонахъ разбойничьихъ отличались вспыльчивостью и жестокостью: вотъ ѣдутъ по быстрой рѣкѣ на лодкѣ 9 молодцевъ, а десятая красна дѣвица, атаманова полюбовница, всаулова сестри, что родимаго брата душегубница.

Есаулъ съ сестрой поразмолвился,—
И взяла сестра брата за русы кудри,
Ударила его объ сыру землю,
Разрѣзала ему бѣлую грудь,
Вынимала у него сердце съ печенью;
На ножъ сердце встrepенулося,
Красная дѣвушка усмѣхнулась,
Усмѣхнувшись слезно всплакнула:
«Я махонька во нужду пошла,
Лѣтъ двѣнадцати воровать стала,
Лѣтъ тринадцати души требила,
Лѣтъ пятнадцати на разбой пошла».
Атаманъ дѣвку уговаривалъ,
Уговаривалъ, самъ обманывалъ:
— Ты не плачь, дѣвка, не тужи, красна,
Я свезу-то тебя къ отцу къ матери.—

Эти энергическія женщины-разбойницы въ пѣсняхъ подернуты поѣтическимъ колоритомъ, но въ дѣйствительности едвали много было въ нихъ прелести, какъ

вообще въ жизни и обстановкѣ отпѣтыхъ людей. Разгульна и весела была разбойничья ватага при удачныхъ походахъ, похвальба подвигами неумолкала, слышались угрозы содрать шкуру съ губернатора, выжечь и вырубить цѣлые города. Жестокость атамана служитъ выраженіемъ энергіи и молодечества и возбуждаетъ въ его подручникахъ чувство почтенія (*Пѣсни Куршевск. VII, 40*). Самый ходячій ихъ способъ добиваться соизнанія у богатыхъ людей, гдѣ спрятаны деньги, былъ посредствомъ поджариванья на огнѣ; объ этомъ сообщаютъ свѣдѣнія какъ историческіе акты, такъ и пѣсни. Ванька Каинъ упоминаетъ объ этомъ пріемѣ *сушить* на огнѣ, когда запирался кто; а если кричалъ и говорилъ много, то заставляли его *рыбу ловить*.

Поджиганіе на вѣсникахъ и на лучинѣ практиковалось разбойниками изстари; въ первой половинѣ XVII-го стол. у Гришки Мурышки это средство было любимымъ.

А проговорилъ Усище—большой атаманъ:

«Ахъ, братцы Усы, за свои промыслы!

Охъ, нутко, Афонась, доведи его до насъ,

Ахъ, нутко, Агафонъ, да вали его въ огонь!

А берите топоры съ подбородышами,

Ахъ, кодите заслонѣ, да щепайте лучину,

Добывайте огонь, кладите среди избы,

Валите крестьянина брюхомъ на огонь,

А старуху валите.... на огонь!»

Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть...

Побѣжалъ крестьянинъ въ большой анбаръ,

Вынималъ изъ подъ камня кубышечку,

Приносилъ крестьянинъ да брякъ на столъ:

«Вотъ вамъ, Усамъ, по пятидесяти рублейъ,

А большому-то Усищу—полтараста рублейъ.»

(*Древн. русск. стих. 412—413*)

Въ концѣ XVIII-го стол., во время Нижегородской ярмарки, купцы имѣли на своихъ судахъ пушки для обороны; однако разбойники нападали на нихъ и грабили. «А если оплошаютъ хозяева обороною, то взшедши разбойники на судно—первое слово ихъ всегда бы-

ло: *сарынь на кичьку!*—и ни одинъ изъ рабочихъ не смѣй пошевелиться, ложась лицомъ въ полъ; а тутъ *хозяйина въ пытку и жгутъ на вѣнникъ*, приговаривая: «давай деньги... гдѣ спрятали?» И буде не отдасть все, что имѣеть—убьютъ, и тѣмъ удовольствуясь, уѣзжаютъ, и суда на нихъ нигдѣ нѣтъ». (*Пермск. Сборн. II, XXX*). *) На этотъ случай пѣсня сложена весьма характерно и съ сатирическимъ оттѣнкомъ; она распѣвается въ Тамбовск. и Воронежск. губерніяхъ.

Ахъ, и что же вы, ребята, пріуныли,
Аль у васъ, молодые, денегъ нѣту?
Сѣдлайте, ребята, себѣ коней,
Своему атаману пару въ дрожки.
Поѣдемъ, ребята, къ дяди въ гости,
Попросимъ у дяди въ займы денегъ;
Какъ дядюшка скажетъ—«денегъ нѣту»,
А тетюшка скажетъ—«не бывало».

(= «ни копѣйки!»),—

Берите, ребята, съ градъ по полѣну,
Щепляйте, ребята, вы лучину,
Щепляйте лучину помельчѣе,
Разводите огонь пожарчѣе,
Кладите на огонь дядю съ теткой...
Какъ дядюшка скажетъ—«денегъ много»,
А тетюшка скажетъ—«смѣты нѣту»,—
Пойдемъ-те, ребята, въ кладовую;
Берите по горсти—рублей по сту;
Поѣдемъ, ребята, загуляемъ,
Запоемъ *молодку* во всю глотку:
«Молодка, молодка молодая!» и проч.

Изобрѣтательны и жестоки были атаманы на пытки, не щадили ни людей православныхъ, ни святыни;

*) Этотъ давнишній обычай не уничтожился доселѣ: въ ночь на 4-е іюля 1874 г. неизвѣстные ворвались въ домъ крестьянки Матрены Дегтяревой с. Елисаветовки Ново-Москов. сѣлаго уѣзда Екатеринославской губ., жгли ее огнемъ и взяли спрятанныя деньги 886 р. 20 к. (Моск. Вѣд. 1874 г. № 193).

безъ пощады они обирали и жгли имущество, не оставляя иногда, чѣмъ прикрыть наготу. Но въ народной памяти сохранились эти свойства не за всѣми атаманами, а за немногими: у Ермака, самаго наибольшаго изъ всѣхъ станишниковъ, были помощниками Разинъ, Кайинъ, Мазепа и Гришка Отрепьевъ; жили они въ ладу, но Разинъ сталъ безчинствовать безъ пути: «рубить головы немилостиво, коней въ церкву ставить, надъ святынею ругается, не хочетъ знать пикого выше себя, самому Ермаку рубить. Не захотѣлъ Ермакъ сносить отъ Стеньки эдакія грубости и отказалъ ему». (*Пѣсни Рыбн. II, 230*). Въ пѣсняхъ тоже не выражается дикой ярости и озлобленія, какими сопровождались разбойничьи дѣянія, извѣстныя исторически; но встрѣчаются снисходительные отзывы, несомнѣнно принадлежащіе страдальцамъ, которымъ они сочувствовали и выручали иногда изъ бѣды. Зная по опыту горькую долю народа, которую вынесли на своихъ плечахъ, разбойники вовсе не вѣрили въ правоту приказнаго суда и осужденныхъ закономъ считали невинными, какъ доселѣ народъ зоветъ ихъ *несчастливыми*. Поэтому они всегда при удобномъ случаѣ, старались освобождать всѣхъ заключенныхъ въ острогахъ на свободу и похваливались:

Какъ и эту тюрму
По камушкамъ разберемъ,
Всѣхъ охотниковъ—невольниковъ
Мы выпустимъ!.

Это правило исполнялось всѣми сильными атаманами; Булавинъ писалъ въ своихъ воззваніяхъ, чтобы его приверженцы относились ко всякимъ чернымъ людямъ, посадскимъ и торговымъ безъ вражды, чтобы не смѣли бить ихъ, грабить или разорять; напрасныхъ обидчиковъ приказывалъ казнить смертью. Изъ тюремъ въ городахъ побуждалъ выпускать всѣхъ тотчасъ безъ задержанія, а уполномочивалъ преслѣдовать начальныхъ людей, неправдотворцевъ. Поэтому надолго сохраняли свой историческій смыслъ слова Разинской пѣсни:

Бѣлу каменну тюрьму
Мы по камнямъ разберемъ;
Съ самого-ли губернатора
Мы шкуру сдеремъ,
Ужъ и гдѣ его найдемъ.
Тутъ въ огнѣ сождемъ!..

Но такой крайній задоръ и отчаянныя стремленія разбойниковъ охлаждались сильными преслѣдованіями воровскихъ людей несправедливыми имъ начальными лицами. Чѣмъ сильнѣе донимали воровъ и грабителей «высылки солдатскія» и чѣмъ опаснѣе становилось ихъ ремесло, тѣмъ болѣе расширялся кругъ пѣсень, которыя имѣютъ предметомъ стычки съ военными командами, бѣгство отъ преслѣдованія сыщиковъ, томленіе въ тюремномъ заключеніи, казни и т. д. «У страха глаза велики», говоритъ пословица; поэтому разбойникамъ часто стала приходиться въ голову черная дума о незавидномъ своемъ положеніи и грозящей судьбѣ; прежнее раздольное и веселое житье-бытье становилось постыльнымъ, а пріютъ—мрачнымъ. Совѣсть смущалась грустной мыслью о незаконныхъ дѣяніяхъ и объ отвѣтѣ на страшномъ судилищѣ, да вдобавокъ и въ этомъ мірѣ ожидала грозная расправа, въ видѣ двухъ столбовъ съ перекладиной или далекихъ рудниковъ сибирскихъ. Тогда трудовая жизнь крестьянина съ ея жалкой обстановкой казалась разбойнику завидной; семейное теплое гнѣздо, лелѣвшее дѣтство, манило къ себѣ и являлось привлекательнымъ, особенно во время осеннихъ холодовъ; воспоминанія о любимыхъ мѣстахъ и лицахъ, можетъ быть, о покинутой молодой женѣ и малыхъ дѣтушкахъ, настривали фантазію на тихій ладъ, возбуждая отвращеніе отъ окружающей картины. Поэтому разбойникамъ и ихъ возлюбленнымъ мерещились постоянно, и на яву и во снѣ, печальныя предзнаменованія, что вотъ-вотъ накроютъ ихъ на мѣстѣ преступленія съ полицнымъ. Сердце билось тревожно, совѣсть была неспокойна, а дѣйствительность выступала съ неотразимой силой; кровавыя картины жизни, иногда невинныя жертвы увлече-

вія и жестокости, огненными чертами горѣли въ мозгу,—и не было средствъ отдѣлаться отъ нихъ, кромѣ релігіознаго успокоенія. Этотъ психическій процессъ воспроизводится въ пѣснѣ подѣ видомъ сна, который представлялся разбойникамъ,—и пѣсни эти отличаются блестящими поэтическими чертами. Проснулся молодець рынымъ-раношенько, умылся холодной росой и утерся *черною тафтою*;

Что пришель-то онъ къ братьямъ-то
товарищамъ;
«Вы здорово ли, братцы, спали—ночевали?
А какъ мнѣ-то, молодцу, нынче не спалось,
Нынѣ-то мнѣ, молодцу, много грезилось:
Что ходилъ-то я, гулялъ да вдоль по лужку,
Что по крутому по бѣлому бережку,
Что крутой-то берегъ будто обвалился;
Ужъ и я-то, молодець, будто-бы скатился,
Что за горькую, за безчастную осину
ухватился,
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился».

Подобное содержаніе передаетъ пѣсня о ворѣ Ко-
пѣйкинѣ:

Онъ всѣмъ-то своимъ братцамъ—товарищамъ
по поклону;
«Вы здорово ли, братцы товарищи, спали—
ночевали?
А какъ мнѣ-то, доброму молодцу, мало ночи
спалось,
Мнѣ малымъ-то мало спалось, много видѣлось:
Будто я иду, добрый молодець, по край синя
моря,
По краюшку синяго моречка, по крутымъ
бережочкамъ;
И правой-то ногой разудаленькій въ воду
оступился,
За крушинушку я, добрый молодець, только
ухватился.

Что не крушинушка меня, добра молодца,
сокрушила,
Сокрушила: меня, добраго молодца, чужая
сторонка.

При возбужденномъ состояніи фантазіи и окружаю-
щихъ страхахъ и опасностяхъ, даже мелочи во снѣ
обращали на себя большое вниманіе и считались пред-
знаменованіемъ грядущаго горя и несчастья.

Не хорошъ-то мнѣ, молодцу, сонъ приснился,
Будто всѣ мои товарищи пьютъ—гуляютъ,
Какъ одинъ-то я, молодецъ, не пью, не гуляю.

Зловѣщее это предчувствіе и дурной сонъ оправ-
дывались и наяву очень скоро: воръ Копѣйкинъ только-
что успѣлъ разсказать свой недобрый сонъ друзьямъ—
товарищамъ, какъ накрыла его разѣздная полицейская
команда и просвистала пуля:

«Не ты меня, крушинушка, сокрушила,
Сушить—крушить добра молодца печаль горю!
Вы кидайтесь, братцы, въ легки лодки,
Гребите, ребятушки, не робѣйте!..»
Не лютая тутъ змѣюшка прошипѣла,
Свинцовая тутъ пулюшка пролетѣла.

Народная фантазія считала сонъ, какъ тяжелое
предчувствіе невзгоды, побудительной причиной для ата-
мана—прекратить разбойничьи дѣйствія и распустить
свою шайку на всѣ четыре стороны: «у крушинушки
вершинушка отломилась, будто буйная моя головушка
въ море свалилась. Ну, братцы—товарищи, ступай,
кто куда знаетъ!..» (*Пѣсни Кирѣвск. X, 107*). Но
чаще черстваго мужчины, предчувствуетъ горькую долю
чуткое сердце дѣвушки, которая находится въ шайкѣ
разбойниковъ, эсаулова сестра родная, атаманова полю-
бовница.

Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся!
Ужъ какъ-бы у меня, красной дѣвицы,
Распаялся мой золотой перстень,

Выкатился дорогой камень,
Расплеталась моя коса русая,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская:
Атаману быть застрѣлену,
Есаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ срубать головы,
А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть!...

Не хорошъ то мнѣ сонъ пригрѣзился:
Атаману-то быть повѣшену,
Есаулу то быть застрѣлену,
А всѣмъ молодцамъ во тюрьмѣ сидѣть,
Мнѣ-то, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ!

Эти сновидѣнія потому производили такое ужасающее впечатлѣніе, что имѣли пророчесвенный смыслъ и оправдывались постоянно на опытѣ, или лучше сказать: полъ предлогомъ сна здѣсь рисуется часто дѣйствительная судьба добраго молодца:

Мнѣ почесь-то малымъ-мало спалось,
Мнѣ мало спалось, много видилось во снѣ,
Будто я лежу убитъ на дикой степѣ:
Мои рѣзвы поженки лежатъ вдоль дороженьки,
Мои бѣлы ручушки врозь разложены,
Кудри мои русые буйнымъ вѣтромъ разнесло,
Очи мои ясныя желтымъ пескомъ засыпаны,
Тѣло мое бѣлое черны вороны клюютъ,
Сквозь моихъ частыхъ реберъ трава-мурава
растетъ,

• Ретиво мое сердечушко змѣя лютая сосеть.

Въ раннее время разбойники жили довольно дружно съ крестьянами, которые при случаѣ, по чувству состраданія къ горемычной долѣ или изъ боязни мстительности, спасали ихъ отъ преслѣдованій и давали пріютъ; но потомъ замѣтна стаповится разладица между ними, когда воры стали наносить вредъ безъ разбора. Молодецъ, идя на разбой, не могъ рассчитывать на

легкое укрывательство: сельское общество, озлобленное за грабежи и притѣсненія отъ воровъ, безъ дальнихъ околичностей прибѣгало къ самосуду и короткой расправѣ. Горе-злостастіе научаетъ молодца богато жить чрезъ грабежъ и убійство съ цѣлю,

Чтобы молодца за то повѣсили,

Или съ каменемъ въ воду посадили.

Борьба съ разбѣзжими командами солдатскими тоже къ концу XVIII стол. стала неудобна; если удавалось ворами отбиться послѣ сраженія, то нелегко доставалась побѣда, одни были убиты, другіе изувѣчены. Такихъ храбрыхъ солдатъ, которые стойко сражались, разбойники въ пѣсняхъ величаютъ *упрямыми, безумными*, потому что не хотѣли держать ихъ сторону.

И тѣмъ солдатамъ показался,

Что тѣ люди стоятъ недобрые,—

Зачали съ козаками драться...

«Гой вы есте, солдаты хорошіе,

Слуги царя вѣрные!

Почто съ нами деретесь,

Корысть ли отъ насъ получите?»

Тутъ солдаты безумные

На его слова не сдавались,

И зачали они драться

Боемъ-то смертнымъ,

Что дракою некорыстною.

Самаго высокаго поэтического достоинства и горячаго сочувствія исполнены тѣ пѣсни, въ которыхъ изображаются преслѣдованія разбойниковъ, ихъ неудачи послѣ борьбы, смертельныя рапы и побѣги.

Что свѣтилъ-то, свѣтилъ мѣсяцъ во полночи,

Свѣтилъ въ половину,

Что скакалъ-то, скакалъ одинъ добрый

молодецъ

Безъ вѣрной дружины;

Что гнались-то, гнались за тѣмъ добрымъ

молодцемъ

Вѣтры полевые;

Что свистять-то, свистять въ уши разудалому
Про его разбой.

Что горять-ли, горять по всёмъ по
дороженькамъ

Костры сторожевые;

Что слѣдять-ли, слѣдять молодца—разбойничка
Царскіе разъѣзды:

Что сулять ему, сулять въ Москвѣ
бѣлокаменной

Каменны палаты,

Что и тѣ ли палаты, два столба точеные,
Столбы съ перекладиной!

Горька была судьба разбойника, если удавалось ему ускользнуть отъ сыщиковъ, когда онъ, весь израненный и забрызганный кровью, оставался въ полѣ одинъ, бесѣдовалъ съ конемъ своимъ, прощался съ миромъ, посылалъ заочно поклонъ отцу, матери, молодой женѣ и малымъ дѣткамъ.

Со вечера добрый молодецъ коня сѣдлалъ,

Со полу-то ночи въ разбой ступалъ,

Ко бѣлу-то свѣту въ обратъ пришелъ,

Онъ въ обратъ-то пришелъ нерадошень,

Онъ нерадошень, весь израненный.

Во чистомъ-то полѣ, во раздольицѣ

Забѣлѣ-то бѣлый шатеръ

Въ шатричкѣ огонечекъ горить

разъяснѣшинокъ,

Противъ солнышка дымочикъ бѣлъ тонѣшинекъ,

По чисту-то полю дымочикъ устилается;

Передъ огничкомъ разостланъ бѣлый войлочекъ,

На войлочкѣ-то лежитъ добрый молодецъ,

Трудець, весь израненный.

Онъ самъ-то прижигаетъ, припекаетъ эти

раночки,

И самъ-то онъ приговариваетъ:

«Не ружейны эти мои раночки,

Эти раночки всё копьевыя,

Всѣ-то эти раночки сердечныя, —
Донимають-то эти раночки ретиво сердце!..»
(*Моск. Сборн. 1852 г. I, 342*).

Не бѣлая береза въ чистомъ подѣ зашаталася,
Не шелковая ковыль-травушка разстилася,
Зашатался — замотался добрый молодець
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалитная рубашечка вся кровью забрызгана,
Прикачнулся — примотнулся ко быстрой рѣкѣ,
Онъ воскрикнулъ — взгаркнулъ громкимъ
голосомъ:

«Ой вы, братцы мои, друзья — товарищи,
Перевезите меня, братцы, на ту сторону!»

Побѣги тоже не спасали отъ погони и молодцамъ
приходилось попадаться въ руки сыщиковъ, которые ве-
ли ихъ подѣ конвоемъ на допросъ и на расправу. По
широкой пробойной дороженькѣ идутъ солдатуш.и;

Они ведутъ (2) удалаго молодца,
Удалаго молодца — разбойничка:
Рѣзвы ноженъки закованы,
Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы...

Острожныя пѣсни составляютъ громадный отдѣлъ и
отличаются большимъ разнообразіемъ; въ нихъ рису-
ются подробности жизни заключенныхъ, тоска по волѣ
и желаніе вырваться поскорѣе на свѣтъ божій

На дорожкѣ стоитъ нова улица,
Московская улица, посадская;
Какъ построена тутъ тюрьма темная,
Запертая замкомъ крѣпкимъ,
Замкомъ крѣпкимъ — нѣмецкимъ.
Во тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Добрый молодець, донской козакъ;
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклепаны;
Сидитъ молодець задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись;

Ужь какъ тужить онъ о своей сторонущкѣ,
О своей сторонѣ — молодой женѣ. *)

Послѣ привольной и разгульной жизни, бурныхъ походовъ, тяжела была тюремная неволя съ ея лишениями, томительнымъ однообразіемъ и жалкой обстановкой; оставалось одно утѣшеніе въ воспоминаніи о прежнемъ развеселомъ и свободномъ раздолѣ: при неизмѣримомъ контрастѣ быта разбойника съ бытомъ осторожника, первый являлся идеаломъ и забывались всякія въ немъ неприглядныя черты. Сопоставленіе этихъ крайностей въ пѣсняхъ встрѣчается очень часто, блещетъ задушевною поэзіей и производитъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе.

Какъ бывало ясну соколику да времячко:
Онъ леталъ младъ ясенъ соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью;
Ужь онъ билъ-то побивалъ гусей, лебедей,
Гусей-то, лебедей, утокъ сѣрыхъ.
Какъ бывало мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ,
А попѣча ясну соколику время нѣтъ:
Сидить-то младъ ясенъ соколъ во поимани,
Онъ во той ли во золотой во клѣточкѣ,
На серебрянной сидитъ на шесточкѣ;
Рѣзвы его ноженьки во опутанкахъ,
На глазынькахъ занавѣсочки жемчужныя!
— Какъ бывало мнѣ, добру молодцу, да
времячко,

Я ходилъ-то, гулялъ по синю морю;
Ужь я билъ, разбивалъ суда, корабли,
Я — татарскіе, армянскіе, басурманскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки.
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ,
А попѣча мнѣ, добру молодцу время нѣтъ:
Сижу я, добрый молодець, во поимани,
Во той ли злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.

*) О тюрьмѣ и сторожахъ см. Пѣс. *Киръев.* VII, 156—7.

У добра молодца на ноженкахъ оковы
нѣмецкія,

На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя!—

Пѣсня сравниваетъ также разгульное и широкое
житье дѣвицы—разбойницы съ густой зеленой рощей,
но когда она «въ острогъ жить пошла», то и роща
облетѣла и засохла:

Роща моя, роща, роща зеленая,

Роща зеленая—воля дорогая!

Отъ чего же ты, роща, завяла?

Я завяла отъ краснаго солнца.

Отъ чего же, роща, листики опали?

Листики опали отъ буйнаго вѣтра.

Отъ чего же ты, роща, засохла?

Я засохла отъ большихъ морозовъ.

Ужъ ты роща зеленая—воля дорогая,

Воля дорогая—дѣвка молодая!

По лѣсамъ дѣвка, гуляла, красоту теряла,

Красоты у дѣвушки не стало—въ острогъ жить
попала.

Какъ въ острогѣ сидѣть тошно, у окошка
грустно!... *)

Посиживая въ тюрьмѣ и посматривая на прохо-
жихъ, разбойники иногда узнавали своихъ сообщниковъ,
которые помогали ихъ побѣгу; къ тому же плохое устрой-
ство остроговъ представляло много способовъ къ побѣгу; а
караульные, не смотря на тяжкое грозящее наказаніе за
побѣгъ разбойниковъ, отличались безпечностью, да и сами
иногда бѣжали вмѣстѣ съ тюремными сидѣльцами. На-
дежда на свободу не покидала воровъ и потому, что
дѣла о нихъ тянулись долго; отъ бездѣлья въ тюрьмѣ
они придумывзали сотни показаній ложныхъ, а сами
изыскивали разныя средства, чтобы удобнѣе улизнуть.

---

*) Эта пѣсня такъ поется въ Тамбовск. губ.; въ другихъ
мѣстностяхъ приспособляется къ гулящей дѣвкѣ: «По Москвѣ
дѣвка гуляла... По торгу дѣвка гуляла—красоту теряла»...

Если въ настоящую пору побѣги изъ тюремъ не представляютъ рѣдкаго явленія въ Россіи, то въ старинное время они были дѣломъ обыкновеннымъ, что можно наблюдать по многочисленнымъ актамъ. Судьи и распорядители тюремъ иногда дѣлились съ ними краденной *нажитью*; вездѣ распространено было, по словамъ Екатерины II-й, душевредное лихоимство и по всѣмъ судамъ сидѣли *помраченныя души*. На этихъ лицъ не безъ основанія рассчитывали разбойники и выкупались изъ острога по нѣскольку разъ, при посредствѣ своихъ родственниковъ и пріятелей. Вотъ во темненькой темницѣ сидѣлъ разудаленькой молодчикъ; никто къ нему не зайдетъ, не заѣдетъ, только, зашла—заѣхала матушка родная,—и молодецъ сталъ просить ее: «выкупъ, меня матушка, изъ неволюшки!» Она отвѣтила:

И такъ тебя, мое дитяtko,
Семь разъ выкупала;
На осьмой-отъ разъ, мое милое,
Казны не достало!.. *)

Когда отказывается отъ молодца родъ—племя, на выручку является красная дѣвица; на этотъ разъ приведу весьма интересную пѣсню, записанную мною въ г. Симбирскѣ:

Ты воспой (2), младъ жавороночекъ,
Воспой весной на проталинкѣ!
Пріутѣнь-ка меня, добраго молодца,
Во неволюшкѣ сидючи;
Я не годъ сижу и не два сижу,
Я сижу, молодецъ, ровно три года.
Напишу письмо къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ роду—племени:
«Выкупайте меня изъ неволюшки!»
Отецъ съ матерью отказалися,
И всѣ сроднички отступилися:
—Какъ у насъ во роду

---

*) Русс. Бес. 1860 г. I, 1. 110. Пѣсни Куртовск. IX, 40--41.

Ни воровъ-то нѣтъ, ни разбойниковъ!—

Напишу письмо къ красной дѣвицѣ:

«Ты, душа-ль моя, красна дѣвица,

Моя прежняя полюбовница!

Ты повыкупи меня изъ неволюшки,

Изъ такой ли изъ неволюшки,

Изъ бѣлокаменна острогу!»

Выходила дѣвица на крылецъ,

Воскричала громкимъ голосомъ:

—Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные,

Вы берите ключи, отпирайте сундуки,

Вы берите казну несмѣтную,

Выкупайте друга милаго изъ неволюшки!—

Разумѣется, не всегда и подкупы могли подѣйствовать, о чемъ также воспоминаетъ пѣсня: когда сидѣлъ удалой молодчикъ въ темницѣ, его разлюбезную горе разбирало; беретъ она казны 40 тысячъ и хочетъ выручить изъ неволи своего милаго дружочка, но судья оказался неподкупнымъ:

Грозенъ судья, судья воевода,

Моей казны не примаешь,

Меня молоду горе разбираешь.

Пойду, млада, я съ горя во чисто поле,

Пойду, нарву я лютаго коренья,

Буду, стану я судью опоити.

Когда никакіе извороты и ухищренія не освобождали молодца изъ острога, приходилось ему расплачиваться за свои похождения буйной головой, такъ какъ разбойниковъ въ старинное время законъ обрекалъ на казнь чрезъ повѣшеніе или отсѣченіе головы, рукъ и ногъ. Пѣсня выработала общій приемъ на этотъ случай, какъ по улицѣ широкой или по Дмитровкѣ вели молодца—разбойничка рубить голову или повѣсить:

Вели его казнить—вѣшати:

Напередъ идетъ грозенъ палачъ,

Въ рукахъ онъ держитъ свой булатный мечъ,

Свой булатный мечъ—свой вострой топоръ,

Наточенъ, наостренъ, какъ солнце блеститъ.

По правую руку идетъ его мать родная,
Позади его—молода жена;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Какъ рѣка льется Волга—матушка.
«Ты не плачь (2), моя молодая жена!
Ты дари палача золотой казной,
Чтобы спялъ онъ съ меня буйну голову,
Не испортилъ бы моихъ могучихъ кудрей».

Впослѣдствіи, когда смертную казнь замѣнило наказаніе на эшафотѣ, разбойники сложили насмѣшливую пѣсню, въ которой описывается подробно способъ наказанія самыми грубыми чертами. Образчикъ этой нелѣпой пѣсни приведенъ у г. Мордовцева и выдается она за пѣсню будто бы сочиненную разбойникомъ Гусевымъ, который ограбилъ саратовскій соборъ въ сороковыхъ годахъ и сидѣлъ въ тамошнемъ острогѣ. *) Достаточно сличить эту пѣсню съ другими, чтобы имѣть основаніе для доказательства, что она вовсе не сочинена Гусевымъ, а составлена изъ трехъ пѣсень, и каждая изъ нихъ искажена и испорчена имъ, и всѣ скомканы въ одну пѣсню, безъ всякаго порядка. Основа пѣсни передѣлана о побѣгѣ мальчуга изъ своей родины на чужую сторону отъ военной службы, какъ онъ попалъ въ число воровъ и потомъ въ острогъ; эта пѣсня указана мною выше и начинается словами: «Сидитъ воронъ на березѣ»... Здѣсь пѣсня передѣлана и распространена весьма искусственно, не къ выгодѣ Гусевского склада, если онъ сложилъ ее. Другая пѣсня чисто-острожная, которая тоже поется отдѣльно и описываетъ заключеніе молодца и порядки тюремной жизни Начало ея такое:

Не въ Москвѣ-ли подѣ Москвой,
Близъ Бутырокъ на Тверской,
Тутъ стоятъ четыре башни,
Посердкѣ большой домъ;

*) *Понизовая вольница. VIII, 54—56.*

Коридоровъ очень много

И народъ сидитъ все воръ...

Третья пѣсня самая поздняя, относящаяся къ сороковымъ годамъ настоящаго столѣтія, касается наказанія разбойника *на кобыль* или на эшафотѣ; да и въ ней сначала идетъ рѣчь о простой ссылкѣ острожниковъ въ Сибирь и прощаніи ихъ съ товарищами, что составляетъ конецъ предыдущей пѣсни объ острожной жизни. Потомъ уже приставочная повѣсть идетъ о наказаніи:

Что за шутова коляска
Проявилась въ городу?
Коней пару запрягаютъ.
Подаютъ ее сейчасъ;
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу,
Сажаютъ, бѣднаго мальчишку,
Меня задомъ напередъ;
Подвозили бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Федька разбѣжался
Меня за руки беретъ,
Становитъ меня мальчишку
У траурнаго столба.
Ведитъ мнѣ бѣдному мальчишкѣ
На восходѣ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ распроститься.
Палачъ Федька разбѣжался,
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клалъ,
На машину меня клали,
Руки—ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ,
Беретъ Федька кнутъ въ руки,
Закричалъ—*братъ, берегись!*
Онъ ударилъ въ первый разъ,
Полились слёзы изъ глазъ;
Онъ ударилъ другой разъ,
Закричалъ я: «помилуйте насъ!»

За тѣмъ начало этой пѣсни, помѣщенной г. Мордовцевымъ, должно составлять заключеніе, такъ какъ она говоритъ о побѣгѣ изъ Сибири ссыльнаго уже послѣ наказанія; это начало можно дѣйствительно считать сочиненіемъ Гусева, потому что оно касается слишкомъ многихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ находился. Острожники говорятъ:

Мы заочно распостимся
Съ бѣлой каменной тюрмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонять,
Мы не будемъ унывать;
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ее не видать.
Здѣсь дороженька большая
И съ пути можно бѣжать;
Деревушка стоитъ близко,
На краю Самарь—кабакъ,
Цѣловальникъ намъ знакомый.
Онъ изъ насъ же изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ поснимаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать.

Эта пѣсня о побѣгахъ разбойниковъ съ дороги, послѣ ссылки въ Сибирь, доселѣ не утратила своего значенія. Въ прежнее время эти побѣги были еще чаще: правительство учреждало караулы и заставы по дорогамъ, приказывало вести просѣлки по лѣсамъ, разъѣзжать рѣчными командамъ и двигало отряды изъ дѣйствующей арміи для сохраненія безопасности отъ этихъ воровскихъ людей. Но эти усилія достигали цѣли въ самомъ маломъ размѣрѣ и то въ теченіе длиннаго періода времени.

Сколько бы ни бѣгалъ, гдѣ бы ни шатался воръ и разбойникъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ всесвѣтнаго ещника—смерти: какъ Аника воинъ не могъ одолѣть!

этого врага людскаго, такъ и могучій атаманъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Каждый разбойникъ заканчиваетъ свои дни непременно завѣщаніемъ о похоронахъ:

На бѣломъ камешкѣ сталъ кончатися,
При кончинушкѣ сталъ наказывать,
Сталъ наказывать выговаривать:
«Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Схороните меня между трехъ дорогъ,
Между Кіевской, Владимірской и Питерской.
Подъ правый-то бокъ положите саблю булатную,
Подъ лѣвый-то бокъ копье вострое,
Въ ноги-то поставьте коня добраго,
Со всей сбруею молодецкою,
Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ.»

Распоряжаясь такимъ образомъ о своемъ погребеніи, разбойникъ представляетъ, что къ нему стануть собираться на могилу и творить память:

Родна матушка пріѣдетъ—она помолится,
А родна сестра пріѣдетъ—она наплачется,
Молода жена пріѣдетъ—она напляшется;
А товарищи пріѣдутъ—нагуляются,
Нагуляются, настрѣляются.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ изображается и самый пріѣздъ товарищей, ихъ поклонъ могилѣ своего атамана и потомъ разбродъ ихъ въ разныя стороны.

Приходили тутъ сотоварищи,
Сотворящему кресту помолилися,
А тому-то братцы поклонилися:
«Ужъ ты встань, пробудись, товарищъ нашъ,
Во правую руку возьми саблю вострую,
Во лѣвую руку—калену стрѣлу!..»
И тутъ они на могилѣ распрощалися,
Другъ дружкѣ товарищи поклонялися:
«Ужъ мы, братцы, разойдемтея,
Разойдемтея по дикимъ мѣстамъ!»

Не имѣя въ виду анализировать разбойничьи пѣсни, какимъ путемъ осаждалось въ нихъ паслоеніе изъ разныхъ періодовъ времени и какое измѣненіе онѣ испытывали, переходя изъ одной мѣстности въ другую или изъ одного класса общества въ другой,—мы ограничиваемся простымъ сопоставленіемъ историческаго теченія жизни съ изображеніемъ пѣсеннымъ. Строго-научная работа въ настоящее время не мыслима, потому что не было еще попытки издать сравнительный сборникъ пѣсень разныхъ мѣстностей, съ ихъ отличительными особенностями. Изъ сравненія разбойничьихъ похожденій на Руси, извѣстныхъ несомнѣнно, съ народной повѣзій на ту же тему, мы видимъ въ послѣдней тусклое отраженіе историческихъ явленій: въ дѣйствительности разбой были болѣе широкихъ размѣровъ и несравненно разнообразнѣе, чѣмъ они представляются въ пѣсняхъ. Главное направленіе жизни разбойниковъ отразилось въ пѣсняхъ вѣрно, затмились только частности и подробности, которыя воспѣваются на одинъ любимый складъ, такъ что иногда вмѣсто сермяги встрѣчаемъ бархатный кафтанчикъ, вмѣсто лаптей—сафьянные сапожки. Прославляя свою жизнь разгульную, разбойники касались и невзгодъ ея—и невольно оставляли на ней историческія черты бытовой своей жизни; перешедшая отъ нихъ въ народъ, пѣсня потерпѣла измѣненіе въ мелочахъ; поэтому исторія быта разбойниковъ въ типическихъ чертахъ отразилась обстоятельно. Не смотря на то, что похожденія и обстановка крупныхъ разбойниковъ переносятся на мелкихъ, пѣсня однако создала личныя черты многихъ извѣстныхъ атамановъ и не смѣшиваетъ ихъ: личность Засорина не окружается такими отгѣнками, какъ образъ Пугачева; атаманъ Некрасовъ не имѣетъ ничего сходнаго съ Гришкой Мурышкинымъ. Во всякомъ случаѣ, эти историческія лица мало сохранили на себѣ отдѣльныхъ, особнякъ качествъ, но являются въ отвлеченномъ, идеальномъ образѣ, который рисуетъ бытовую исторію, а рѣдко частную, фактическую.

Такимъ образомъ, пѣсня строго держалась бытовой

жизни и фантазія творца пѣсни не заносилась слишкомъ высоко въ идеальныя сферы, чтобы забывать о настоящей земной обстановкѣ своихъ героевъ; она строго отражаетъ дѣйствительность, если сравнивать ее съ другими народными поэтическими произведениями. Преданія народа о тѣхъ же разбойникахъ имѣютъ совершенно другой характеръ и заключаютъ въ себѣ значительно меньше историческаго элемента; въ нихъ весьма много идеализаціи, фантастическихъ образовъ и суевѣрнаго содержанія. По преданіямъ, Разинъ или Пугачъ живъ доселѣ и сидитъ въ пещерѣ, считаетъ окружающее его золото; Кудеяръ—разбойникъ разгуливаетъ около кладовъ въ невидимомъ, подземномъ роскошномъ саду; вообще по рассказамъ народа, атаманъ разбойниковъ всегда окруженъ былъ чудной силой и властью, вмѣсто лодки разстилалъ коверъ по Волгѣ и плавалъ свободно, взвивался на лошади отъ преслѣдованій выше лѣса стоячаго и проч. Ничего похожего, съ ничтожнымъ исключеніемъ, мы не замѣчаемъ въ пѣсняхъ: фантастическій элементъ въ нихъ почти не просвѣчиваетъ, а выступаетъ ярко дѣйствительность; реальное содержаніе преобладаетъ надъ идеальнымъ; оттого ихъ историческое значеніе весьма важно.

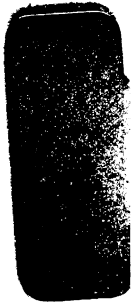

GK190

.A7

24

